

Судьба святынь — судьба нации

(Читайте стр. 12—13)



СПАСИБО
16

Скандал на окраине Москвы. Фотоочерк
Айзек Азимов. «Что это за штука — любовь?»
Коммерция в спорте. Мнение публициста
«Ночной псыанс». Повесть Григория Глазова
Новые стихи Риммы Казаковой
Отверженные. Взгляд на проблему



Мария РЕМИЗОВА

ДОМ БЛА

Серый рассвет. Холодно. Лежу на койке лицом к стене. Хочу спать. По палате, обливаясь слезами и скорбно вздыхая, шагает Ахмат. Изю дня в день она ходит раз и навсегда заведенным маршрутом, пока кто-нибудь не выдержит и не прикрикнет на нее. Тогда она пробормочет: «Я же никому не мешаю...» — и присядет на постель. Но вскоре снова вскочит и заснет туда-обратно. Если с ней заговорить, начинает рассказывать всегда одну и ту же бесконечную историю, так же вздыхая и обливаясь слезами, о том, как ее всю жизнь обижали родители. Ей не больше сорока, но она совершенно седая и похожа на старуху.

Наискосок от меня возбужденно ругается Любочка. До нее доходят только самые простые слова, а уж добиться от нее чего бы то ни было почти невозможно. Сестры кормят ее с ложки.

В прошлую ночь меня опять разбудили еще до рассвета. Ко мне пришла новенькая — «Комсомолка» (прозванная так за любовь к партийно-правительственной лексике, которой она оживляет нашу аполитичную обитель). Она гордится тем, что родилась в деревне Кокушкино. «Эх, — с тоской вскрикивает «Комсомолка», ударяясь лбом в небоющееся стекло, — с вами разве коммунизм построить? Раньше в могилку закопают и песочком присыпят!» «Дураки» лениво молчат или хихикают.

Какое-то время стараюсь не слышать, как она скрипит и шуршит, ищет в моем пакете расческу (тумбочки полагают только тем, кого готовят к выписке, в палатах для душевнобольных их нет, вещи положено хранить прямо в постели), но наконец я не выдерживаю:

— Что, коммунизм уже наступил?

— Нет, — испуганно отозвалась она.

— А знаешь, что личную собственность только при коммунизме отменяют?

— Не надо так про коммунистов...

Ее забрали прямо из общежития (последний курс мединститута) — она кричала что-то про Рейгана и ядерную войну. Они с Ахмат «соратницы» — та попала на том, что попросила милиционера отправить Рейгану письмо — «мы за мир». Приводя в палату студентов, врач каждый раз говорит: «Ну, Ахмат, расскажите, какие у вас отношения с Рейганом?» Ахмат в ответ истерически рыдает. Пусть теперь утешается: ЗДЕСЬ можно говорить, кричать и петь все, что заблагорассудится. Кричать и петь, впрочем, не советую — сразу получишь лишние уколы; так что шумят по-настоящему только подлинники дураки: они так заколоты, что разницы не почувствуют.

Но вот что советую запомнить всем: кто собирается и не собирается сюда попадать, — категорически и навсегда запрещается плакать. Двадцатиминутная истерика «почему вы меня здесь держите?!» обошлась мне в двадцатидневный курс по четыре укола ежедневно. Старожилы предупреждают: «Будешь плакать — не выпишут». Они правы — пока из депрессирующей плаксы не выпекнут жизнерадостную идиот-

ку, забудь, как выглядит эта дверь снаружи.

Я накрываю голову подушкой. Шум в палате нарастает. Вообще-то здесь должна сидеть сестра — и днем, и ночью, но кому охота? Днем, пожалуй, еще посидят, лениво переругиваясь с сумасшедшими или добродушно посмеиваясь.

Управлять больными не так уж сложно. Во-первых, все знают, некоторые на личном опыте, что значит «привяжем». Во-вторых, безотказно действует вопрос: «Укола захотелось?» В-третьих, существует «сульфа» (мне не делали, знаю по многочисленным легендам, ибо дурдом, как всякая замкнутая и устойчивая система, имеет свою историю, мифологию, мораль и право).

Сульфазина боятся все. Поголовно. Полагаю, его давно уже можно отменять. Лет сто еще по меньшей мере дураки будут шаманить по углам, произнося: «Сульфазин в четыре точки...» Говорят, эту дикую боль, когда тело рвется на части, температура подскакивает выше 40, а сознание взрывается за пределами кошмаром, не сравнить ни с чем и словами не выразить.

Светлеет. Вылезает из-под подушки. Вставать мне ни к чему. Моя палата привилегированная. Можно валяться весь день, не убирать постель, не умываться — дальше смотровой не сошли. Это тем, кого уже перевели в нормальные, чьи палаты запирают после завтрака и отпирают после обеда, кого гоняют на трудотерапию, кто обязан мыть полы — в палатах, коридоре (он же столовая), в сортире, кто должен убирать постели строго по образцу и ни в коем случае не прилечь, независимо от того, какую ему ежедневно сандалят дозу, — есть, что терять. Заартачься — поедешь обратно в смотровую.

Из смотровой не выписывают.

— Сигареточки нету? Сигареточку мне, сигареточку, нету сигареточки? — ведь душу вынет, а не отстанет. Это Галя, личность в своем роде феноменальная.

— Да ведь к тебе вчера только приходили.

— Нету, нету, нету. Все отдала, все раздала, дай сигареточку!

— Уйди, потом, не видишь, я сплю!

— Сейчас давай. Курить хочу, сейчас! — и так без конца.

Времени здесь не существует, начиная с того, что часы — предмет запрещенный (а также ножи, ножницы, иглы, маникюрные принадлежности, бритвы, ленты, пояса, шнурки, кольца, браслеты, цепочки, деньги, очки, карандаши и ручки, но с последними бывают исключения: одним позволяют, другим нет). Время узнается по выкрикам персонала: «Завтрак! На уколы! Девочки, подмыться!»

За завтраком, обедом и ужином всем до одного дают таблетки — по горсти на каждого. Попробуй не проглотить! Рот проверяют пальцем. Засекли — переводят на инъекции. Впрочем, умельцы есть везде, поэтому в своем кругу ходят любые «колеса», разумеется, в пределах ассортимента.

Похуже, родная наша психиатрия не верит ни во что, кроме лекарств. Психотерапия? Что-то не сталкивалась. Психоанализ? Ну, это уже издевательство!.. Ах да, трудотерапия! Подергает наш убогонький ниток из полотенец, порежет на квадратики листы цветной бумаги — то-то эффект будет потрясающий!

Жизнь в «дурдоме» — лишнее доказательство тому, что человек может приспособиться ко всему. Даже помимо воли. Аминазин, трифтазин, галоперидол и куча снотворных делают свое дело. Одна добрая девочка-фармаколог уже на воле объяснила мне принцип действия психотропных средств: чтобы, попав в «дурку», человек от такой радости не сбежал и не повесился, — «сажают» аминазином.

Действие его следующее: если сравнить разум с рекой, в которую вливаются ручейки-мысли, то аминазин (и его аналоги) — это миниатюрная плотинка, перегораживающая каждый такой поток. Желания не оформляются в намерения, намерения в поступки. Грубо говоря, чувствуешь себя идиотом. Причины туго сходятся со следствиями, следствия провисают в воздухе — в клубке спутанных мыслей просто невозможно разобраться.

Уже на воле у меня начались ужасные провалы в памяти, мысли сбивались, с трудом подбирались нужные слова. Только через полгода я пришла в себя. Правда, и провела я в больнице всего полтора месяца. Другие лежат годами...

Так вот, люди, здравые рассудком (их не так много, но попадаются), приспособляются именно жить и даже, как ни странно, заводят друзей. В таком месте — и вдруг найти повод для дружбы? Видимо, это необходимо, иначе не выдержать. Слишком много трудностей.

Первое — абсолютная несвобода. Более или менее постоянный надзор. Замкнутое пространство, из которого не уйти, не убежать, не уползти, и даже ни на минуту, ни на секунду не остаться в нем наедине с собой.

Второе — абсолютное бесправие. Дурдом не тюрьма, сумасшедшие не заключенные. Отсюда все жалобы, требования, протесты — суть проявления болезни, отсюда аминазин, «сульфа», «привяжем» и, наконец, «вечная койка». Эта «вечная койка» страшнее сульфазина. Боль, пусть и чудовищная, кончится; «вечная койка» — никогда.

— Вы считаете себя больным? Нет? Вот видите, все больные считают себя здоровыми, надо лечиться...

— Вы считаете себя больным? Да? Вот видите, вы сами признали, что больны, надо лечиться...

Третье — полная безнадальность. Все другие категории граждан так или иначе имеют социальные гарантии. Они могут жаловаться в инстанции, апеллировать к общественному мнению, обращаться в суд. Куда могут обратиться бедные сумасшедшие? «Говорит поэт Бездомный из сумасшедшего дома!» Да вы, граждане, издеваетесь?

Ну и четвертое — мелочи, вроде ору-

щих круглые сутки настоящих буйных, тошнотворной еды, публичного сортира, неделимая запертой ванной...

От тюрьмы да от сумы не зарекайтесь. Не зарекайтесь и от сумасшедшего дома, ибо знать бы, где упадешь... Почти всех привезли сюда насильно, кого с приступом психоза, кого откатив в реанимации, кого по доносу заинтересованных лиц. Мало тех, кто пришел добровольно, вот парадокс: просятся — не берут, не хочешь — под белы ручки и в отделение.

Попасть несложно, выйти — куда труднее, и почти всегда с диагнозом психической патологии. Знаю только одно исключение: девица, попавшая по пьянке, увидев, что держат **всех**, решила подстраховаться — над ней висело уголовное дело, и ей, естественно, хотелось «пересидеть» в дурдоме. Она поговорила «по душам» с врачом, мол, дайте мне «отлежаться» — и получила феноменальный результат — на следующий же день ее выписали как совершенно здоровую...

Ленка — наркоманка. Ей здесь паршивее, чем многим, чем мне, например. Никто не должен заметить, что ее «ломает» (абстинентный синдром). Ей не хочется на «принудку»: там еще хуже и дольше. Ленку сдал сюда бывший муж, которому негде жить, кроме как в их общей комнате в коммуналке. Он тоже наркоман, но от этого не легче.

Ленка попала сюда раньше меня и уйдет позже. К ней почти никто не ходит, и она живет на моих книгах и сигаретах. Меня всегда потрясает, как ей удается сохранять не только мужество, но и юмор.

— Что такое, Лена, — говорит ее палатный врач, — мне сказали, ты по ночам не спишь, в чем дело?

(Она не может спать и ночи напролет читает в коридоре при свете слепой зеленоватой лампочки.)

— Лежу, никого не трогаю, починаю примус, — с невинным лицом отвечает Ленка, врач укоризненно качает головой и грозит какими-то карами.

В конце коридора отгорожен тремя креслами маленький закуток. Здесь живет неизвестно какого подданства негритянка, по-русски не знающая ни слова. Целые дни она простаивает на колених в одном из кресел, протягивая к проходящим мимо нее больным свои черные изъязвленные руки и лопочет что-то на неизвестном никому языке. Из глаз ее катятся слезы.

Кто она? Как попала сюда? Никто не знает. Сумасшедшие шарахаются от ее протянутых рук. Однажды я попыталась заговорить с ней — без толку, по-английски она тоже не понимает.

На смену негритянке через пару дней привозят совершенно бешеную из буйного. Ходят упорные слухи, что ее перевели по блату. Дураки тоже хотят жить в категориях нормального мира! Сначала она жутко воет, потом в дикой пляске носится по отделению, вырывая из горшков чашечки цветы и засыпая пол землей. Ее привязывают. Снова начинается вой круглые сутки. Спустя несколько дней она исчезает. Опять в буйное?

ЖЕНЬИЖ

Завтрак кончен. «На уколы! На уколы!» — от одного этого звука у меня начинает болеть мышца. Ленка сочувственно хлопает меня по плечу. Ее почему-то не колют — единственный случай из всей практики. Ей дают по два «колеса» — утром и вечером. Она пречет их за щеку. Однажды ее засекают и раздражается скандал. Ленка кричит, что у нее флюс (у нее действительно флюс), я тоже тараторю что-то невразумительное про зубного врача, который обещан ей уже неделю назад и все никак не материализуется, и в результате так морочит сестру, что она сдаётся и дело закрывают.

Я иду в аминазиновый кабинет, из которого дважды в день вылетает длинный хвост очереди. Сумасшедшим нравится стоять в очередях; возможно, они напоминают им волю.

С безысходным отращением смотрю на иглу не хуже штопальной, которая миг спустя вопьется в мою многострадальную ягодицу. В прошлый раз сестра пропоролла меня так, что от крови промок весь карман и носовой платок, лежавший в кармане (я одна из всего отделения хожу в джинсах, непонятно, почему мне не запрещают. Остальные в облезлых местных халатах или домашних тренировочных костюмах). У меня уже временами отнимается то одна, то другая нога. А!.. «Не дергайся!» — кричит на меня сестра. «А иглолка для внутримышечных у вас не бывает?» «Не бывает, — обрывает сестра, — следующий!»

Волоча ногу, плетусь в курилку. Надо успеть, пока не развезло, покурить и дотащить до кровати. В последнее время у меня все больше кружится голова, и коридор от курилки до палаты дается с трудом. «Всех не перестреляете, — бормочу я, хватаясь руками за скамейку на поддороге — перед глазами уже темно. Вовремя. Еще пять метров, и я на месте. «Всех не перестреляете!»

В курилке повздорили Нора (скрипачка) и Люся (заведующая детским садом). Нора — надменная женщина с безумным взором горящих глаз. Мне бы хотелось послушать, как она играет на скрипке. Иногда она беседует со мной на возвышенные темы, поскольку я единственная, кто признает ее право казаться аристократкой. Беда в том, что Нора по-настоящему больна. Помимо вспышек бешеной ярости, у нее бывают еще бред и галлюцинации. Мне ее искренне жаль, в этой убогой дыре ей не место. Однажды мы с ней поругались из-за шампуня...

Люся — простая русская бабенка. Она любит хвастать, что зарабатывает бешеные деньги, когда спит с летчиками, вернувшимися из заграники. У нее муж и двое детей. Люся считает себя больной и пришла сюда добровольно (таких мало, она да еще невинная крошка — папа привез ее в Москву лечиться от бессонницы!). На моих глазах она отказалась от выписки. Люся говорит, что «потеряла душу». Дома она просыпалась по ночам и искала ее по всей квартире. Теперь боится возвращаться, чтобы все не началось снова.

Нора пролетела мимо меня, изрыгая на ходу яростные проклятия. Люся стоит с торжествующим видом. У них с Норой давняя вражда.

— Что она воображает — «Кафка, Кафка!» — возмущается Люся. — А я говорю, что мне твой Кафка-Какафка, я люблю хорошего русского писателя Леонида Леонова. Вот ты скажи, — обращается она ко мне, — почему мы должны преклоняться перед ее Какафкой?

Мне не хочется обижать Люсю, к тому же меня душит смех.

— Кафка — известный австрийский писатель, — бормочу я (почему австрийский? Наверное, я надеюсь придать ему этим вес в глазах Люси). — И вообще, при чем тут Кафка?

Люся недовольна моим ответом. Она отворачивается и начинает рассказывать, какие подвиги совершала Нора по прибытии в больницу. Они старожилки, и обе останутся после меня. Ленка увидит, как выпишут обеих.

Я лежу в полном провале. Читать сейчас бесполезно. Мозги работают совсем туго. Хочется спать, но заснуть невозможно. Я знаю, это продлится час, максимум полтора, потом станет легче. Кстати потом, недели спустя, станет еще легче. Организм адаптируется к лошадиным дозам официальных наркотиков, и можно жить почти нормально. За исключением одного — во мне будет все больше подавляться воля, я уже не буду мечтать о побеге и, когда представится реальная возможность, не побегу.

Мой врач объяснила мне, почему самоубийцы (это я) держат принудительно: они социально опасны, поскольку покушались на члена общества...

— Пойдешь курить? — спрашивает Марианна и садится ко мне на кровать. Она психолог по образованию и прости-тутка по профессии. Интересно, помогает ли ей образование?

— Потом, — я приоткрываю один глаз, — сейчас не могу.

Ее привезли дня на три позже меня и сразу заткали такую дозу, что она спала почти двое суток. Ночью она попыталась встать, но не могла даже двигаться по прямой, мотало от койки к койке, пока я не подхватила ее, совсем уже терявшую сознание. «В туалет», — хрипела она...

Потом, когда она уже адаптируется, а я буду отдавать концы на своих уколах и хлопнуть-таки, не дотавившись до коридорной скамейки, она так же подберет меня и потащит в палату, и, значит, жизнь продолжается...

Постепенно я прихожу в себя. Теперь можно брать за книги, хотя читать и сейчас нелегко. К концу абзаца из памяти неотвратимо ускользает начало, и сосредоточиться на тексте почти невозможно.

Интересные штуки вытворяет память: Голдинг остался весь, от «Курортника» — только название, от Дикенса — автор, от других — совсем ничего. Можно было и не стараться.

В коридоре меня хватается за рукав Красная Кофточка. Она выпрашивает у всех таблетки — чтобы было чем

отравиться в случае ядерной войны. Ей нужно 300 штук. Или 3000?

— Мы все-таки должны быть благодарны нашим врачам, — говорит она. — Они ведь все-таки нас лечат.

— Иди поблагодари, — советую я и иду своей дорогой.

**Комментарий специалистов —
сотрудников экспериментального
научно-проблемного объединения
«Эгос».**

Потребность людей в психиатрической помощи сегодня намного возросла. Сама же структура психиатрической службы давно устарела. Главный акцент по-прежнему ставится на больницу. А ведь люди боятся обращаться к психиатру: повесят ярлык «псих». А «психи» опасны для окружающих. Поэтому, конечно, легче просто изолировать, а не лечить.

Само лечение, как правило, проводится только на медикаментозном уровне: психотерапевтической помощи, не говоря уже о социальной, практически нет. В ситуации, когда по штатному расписанию на 35—50 больных приходится один врач, трудно даже мечтать об индивидуальном подходе.

Идеальную больницу мы представляем себе прежде всего небольшой, с хорошим диагностическим оборудованием и штатом высококвалифицированных специалистов, куда дней на 10—15 помещают больного в остром состоянии. Наши же современные больницы — это целые города; где там заниматься с каждым пациентом!

В период реабилитации больного следует лечить амбулаторно, чтобы он не ощущал оторванности от общества. Вечером он возвращается домой, занимается своими делами, утром приходит к нам, где его, если нужно, поддерживают лекарствами, проводят психотерапию, помогают адаптироваться социально.

Влияние врача должно быть почти неощутимым, тогда сама среда оказывает терапевтический эффект. Нужен свободный режим, открытые двери, чтобы и внутри больницы пациенты жили полноценной жизнью. Но большинство современных больниц весьма далеки от описанной картины.

Возможно, кого-то беспокоит, что предоставленная больным свобода будет угрожать безопасности граждан. Но это рассуждения дилетантов. Профессионал умеет отличить социально опасного больного (их, кстати, не так много) от безопасного. Другое дело, что многие врачи не хотят брать на себя ответственность. Когда все запорты, все на виду — и проблем нет. Подростки, например, бегут из психиатрических лечебниц, где строгий режим.

С ними вообще положение очень тяжелое, в Москве есть кризисный стационар для тех, кто находится в пограничном состоянии, имеет суицидальные намерения — то есть потенциально готов к самоубийству. Так подростков туда не берут! Суицидологи от них отказываются. Вот и попадают все они в психиатрическую больницу, где прохо-

дят «правильную» школу жизни. А ведь только около 20 процентов самоубийц — психически больные люди...

Теперь о препаратах. Все препараты, используемые в СССР, проходят апробацию и распределяются аптекоуправлением Минздрава. Так что никаких запрещенных быть не может. Будем, однако, помнить, что аптекоуправление — само себе голова, а с хорошими лекарствами проблема...

Что касается сульфазина, ставшего притчей во языцех, то сам по себе сульфазин — хорошее средство, но, конечно, не в качестве наказания. Наказывать больных вообще недопустимо. Сульфазин применяется, чтобы преодолеть устойчивость организма к препаратам, снимающим, например, тяжелую депрессию. Я объясняю больному необходимость этой меры, и, если он мне доверяет, то соглашается. Если не соглашается, применять не буду. Аминазин, кстати, тоже неплохой препарат, но, разумеется, не в больших дозах. Почему больные часто не доверяют врачам и всячески избегают не только госпитализации, но и любой психиатрической помощи? Отчасти, видимо, потому, что подготовка самих психиатров очень слаба. Низка культура врачей. Но это скорее порок системы подготовки врачей. Студентам-медикам необходим широкий курс психологии, философии, литературы, наконец. Сейчас предприняты шаги, вселяющие некоторую надежду. Появляются дневные, ночные стационары, подростковую психиатрию отделили от общей, принято постановление о невозможности госпитализации против желания больного и без согласия его родственников. Но в целом система далека от совершенства. Отказавшись от госпитализации, больной лишается почти всякой помощи. Мало квалифицированных психотерапевтов, не хватает кабинетов психологической помощи.

Врачи, исходящие из принципа, что у человека души нет, лечат что угодно, но не душу. Врачебная этика гласит: лечить не болезнь, а больного; исходить из того, что нужно самому человеку. В психиатрии пока все наоборот, главный упор поэтому делается на медикаменты. То, что психиатрия долгие годы выполняла роль «свалки», вина не столько ее, сколько всего общества, и изменения в ней будут лишь параллельны общественным процессам...

В хороших руках реабилитационная система может за два-три года поставить на ноги очень многих — до 90 процентов душевнобольных. Если такая система займет ведущее положение и восторжествует научное понимание психических расстройств, тогда будет развеян миф о неизлечимости психических больных, изменится отношение к ним — их будут воспринимать как обычных людей, часть самого общества, столь же нуждающуюся в заботе, сколь и в возможности для самореализации.

Сергей ЛИТВИНОВ

"ИГРЫ" В БРАТЕЕВЦЕ

Люди, взявшись за руки, преградили дорогу. Шофер сквозь зубы выматерился, нажал на тормоз.

— Чего стали?

— Разворачивайся, браток.

Люди стояли мертво. Ну не давить же. Шваркнул дверью, сдал назад, развернулся...

Так же завернули вторую машину, третью...

Слышал разное: экстремисты, отстаивающие групповые интересы, плюющие на государственные нужды, — говорят одни. Нет, говорят другие, они возрождают подлинное народовластие.

Микрорайон Братеево расположен на отшибе — двадцать минут автобусом от ближайшего метро. С севера и востока его омывает Москва-река. Уже лишенная гранитных берегов, прошедшая через огромный город, несет она мазутные пятна, обломки досок, окурки...

С юга и запада — обширный пустырь, на котором возвышаются там и сям самостийно возникшие свалки. А посреди — стандартные кварталы многоэтажек, в сотах которых отдыхают, ругаются, мирятся, любят, ужинают, читают, спят пятьдесят тысяч человек. Пейзаж окрестный не радует. За рекой — станция аэрации; правее — нефтеперерабатывающий завод с апокалипсически блистающим днем и ночью факелом. Еще правее — завод коксогазовый. А дальше — шесть труб неумолимой ТЭЦ...

Все мирно; светит солнце; девочки у подъездов прыгают в «классики»; под сенью прутьиков-дерев папаши гуляют с колясками... Но случится на нефтеперерабатывающем выброс, подует ветер из-за реки — беги в квартиру, закрывай, задраивай окна, двери...

Братеевцев соседство с промышленными гигантами, понятно, не веселило, но то была данность, с ней приходилось мириться — не пойдешь же требовать снести нефтеперерабатывающий завод?! Но когда на пустыре, что к западу от Братеева, на расстоянии ста метров от жилья появился внушительный забор, а на нем табличка «Строительство московского полиграфического комбината», жители возмутились: газом травят, зелени никакой, и еще завод хотят под боком отгрохать! А ведь во всех газетах пишут: любой вопрос надо решать, посоветовавшись с народом.

И люди написали плакаты, встали в пикеты.

Рассказывает Наталья Козлова:

— У меня как раз отпуск был между двумя экспедициями — я геолог. Сыновья — в пионерлагере. И мы стали ночью пикетировать. Днем — мамы с колясками. Сменяли друг друга. Был и молодежный пикет — парни-старшеклассники, но мы их в одиннадцать домой отправляли — милиция все время дежурила, чуть что — сразу забрали бы. Обустроились — костер жгли, чай кипятили, гитара появилась... На второй день думали нас измором взять: первая машина в четыре часа утра пришла. Завернули. Убеждали нас полиграфисты, что комбинат экологически чистый. Да это все равно, что к тебе в комнату подселит чужого человека и скажут: а он безвредный!.. А после пяти дней пикетирования нас принял председатель исполкома Моссовета. Заверил: строительство приостановим...

Так начиналось братеевское самоуправление... Или самоуправство,

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ



как посчитали в районном Совете. Когда инициативная группа, выбранная на многолюдном митинге, впервые пришла на заседание исполкома Красногвардейского райсовета (где речь как раз шла о строительных недоделках в их микрорайоне), с ней исполкомовцы попросту отказались иметь дело: мол, а кто вы такие? Если хотите говорить от имени Братеева, вас должно выбрать все население микрорайона.

...Что же, правила бюрократической игры были приняты. А теперь представьте: в Братееве почти шестьдесят многоэтажек. И в каждой надо провести собрание, где (под непререкаемый протокол!) выдвинуть вы-

торским отделом исполкома Татьяна Ивановна Коновалова так и заявила: «Комитет создала я!»

Рассказывает Владимир Гефендер:

— На собраниях все кипело... Люди устали быть бесправными, ежеминутно в каждой житейской мелочи зависящими от кого-то. Выступали... резко, часто с перехлестами... Но пойми — чуть приподняли крышку — пар вырвался...

Кто же возгласил братеевское самоуправление?

Вот обобщенный портрет «комитетчика». Средний возраст — около сорока. Девять из двенадцати членов

престижных поездок и приобретенный — гражданского самосознания. Я спрашивал, зачем они занимаются этим, не жадая времени, сил — физических и душевных. Слышал в ответ: на работе мы — винтики, в партийных, профсоюзных организациях — тоже; здесь у нас есть голос, мы можем решать... Говорили еще: мы учимся экономике и юриспруденции, мы учимся слушать и слышать — не приказ, не «указилочку!» — разум и совесть.

И главный довод: дети. Их в Братееве 20 тысяч. Что ожидает ребят здесь, в микрорайоне, на своей малой родине? Удушливый смрад, свалки, «подъездная романтика»?

шить из текстильных отходов красивые вещи — модели уже найдены, договоры с потребителями заключены...

О том, что они заняты «самодетельностью», конечно же, известно на службах, и редкий начальник упустит случай сказать: работой, дескать, надо заниматься, а не «неформальщиной». Многих вызывали в парткомы, убеждали: «Зачем вам какие-то неформальные движения? Бросайте комитет!.. Вы же порочите честь коммуниста...»

...Вячеслав Алексеевич Желтов, первый секретарь райкома партии, в то конфликтное время — да и позже! — так ни разу и не был в Братее-



борщиков, по одному от 150 жильцов. Потом арендовать зал, утвердить положение о комитете, обсудить кандидатуры, избрать комитет — пятьдесят членов и пятьдесят кандидатов...

Умный аппаратчик любой результат обращает себе на пользу. Не сумели бы братеевцы четко организовать, провести десятки собраний — исполкому на руку; сумели — опять же аппарат в выигрыше: может записывать создание комитета (уже, как водится, и аббревиатуру придумали: КОСМ) в свой актив. Заведующая организационно-инструк-

КС (координационный совет) — коммунисты, всего членов партии в комитете — около половины. Образовательный уровень — весьма высок: преподаватели вузов, врачи, юристы, школьные учителя, инженеры, кадровые офицеры... Рабочих мало. У большинства — дети: по двое, трое... (В Братееве получили квартиры более восьмисот многодетных семей.)

Не скрою. Мне симпатичны эти люди — интеллигентностью, спокойной, взвешенной уверенностью в том, что отстаивают правое дело: самим строить свою жизнь. Нет, не в русле

Школы микрорайона забыты. Через год в одной из них будет 24 (!) первых класса (1 класс «Щ», представляете?). А когда эти ребята подрастут — чем занять их? И это стало заботой комитета.

Валентина Амелина, учительница, после полугода хлопот («все говорят «да», улыбаются») выбила восемь комнат и ставки преподавателей для братеевского филиала Дворца пионеров. Она же организует семейный кооператив «Семь я» (десять тысяч дотации выделил молодежный центр «Эхо» при райкоме комсомола). Девочки с помощью родителей станут

ве. Только через семь месяцев после создания комитета произошла первая встреча секретаря с лидерами самоуправления. Состоялась она в райкоме. Событию предшествовала подготовка, напоминающая мероприятия перед встречей «на высшем уровне». С инструктором райкома члены комитета не раз и не два обговаривали: сколько человек будут принимать участие? какие темы обсуждать?

Братеевцы пришли в райком, разумно посчитав, что тот, кто первым протягивает руку, выигрывает. Было сказано немало верных слов о кон-



солидации усилий, о том, что необходимы взаимопонимание, терпимость (правда, взаимопонимание и терпимость виделись райкому как подчиненность комитета ему... Впрочем, об этом после...).

А что же стройка на пустыре? Пикетов больше не было. Комитет начал действовать легально-аппаратными методами: вели переговоры с проектировщиками, работниками Моссовета... Довольно быстро те согласились переместить стройку полиграфического комплекса подальше от жилья, за реку Городня, и оставить речку в естественном русле (первоначально планировалось забрать ее в коллектор). Но братеевцев это не удовлетворило, ведь на пустыре планировали возвести еще десятка два сооружений: фабрику легкой промышленности, проектный институт, автовокзал, метродепо, троллейбусный парк, склады...

И тогда родилась мысль о референдуме. Ничего подобного в стране еще не было. Жителям предложили два проекта застройки пустыря — на одном, разработанном проектировщиками, были все промышленно-транспортные сооружения. На другом, выдвинутом комитетом, — парк, аттракционы, стадион, бассейн. И опять тяжелейшая оргработа: отпечатать бюллетени — скидывались из своих личных бюджетов; нужны мегафоны и урны — помог центр «Эхо» и исполком; 150 членов комитета дежурили на пяти участках для голосования (отгулов за это никто, естественно, не получал)... В референдуме приняли участие 70 процентов взрослых жителей Братеева. За проект, представленный проектировщиками, высказались 58 человек. За проект комитета — 21 с лишним тысяча.

Тут вот еще что... Приходилось слышать: «А может ли какой-то Иван Иванович, не обремененный экономическими и политическими знаниями, решать судьбу проектов, разработанных специалистами?» Знаете, помоему, может. В Швейцарии за сорок лет прошло около 200 референдумов. Один из последних: переходить ли с 41-часовой рабочей недели на 39-часовую при неизменной зарплате? Казалось бы, ясно, каким будет решение. Однако большинство высказалось против перехода — швейцарцы беспокоятся об экономическом потенциале страны...

Так что не надо отказывать людям в государственном мышлении.

Депутаты районного Совета, которые собрались на сессию, чтобы обсудить застройку близлежащей к Братееву зоны (ее по инерции еще продолжали называть промышленной), знали об итогах референдума. Потому нелегко им было. Как выбрать: голосовать за решение народа или за мнение специалистов? Проголосовали «и нашим, и вашим» (и то какое мужество надо иметь!); от промышленных объектов отказались, строить в зоне только троллейбусный парк, метродепо, филиал библиотеки имени К. Д. Ушинского, помочь братеевцам в создании парка.

Главный инженер проектов десятой мастерской института Генплана Москвы Николай Викторович Борисевич по этому поводу назвал комитет «оголтелой кучкой» и добавил:

— Строительство парка — прожектерство! Тоже мне Нью-Васюки! Откуда взять деньги?! Помянете мое слово: пустырь там будет и через пятьдесят лет. А гектар земли, между прочим, в Москве стоит два миллиона...

Два миллиона!.. Только вот непонятно, кто и кому платит их? И отчего тогда в столице так много одноэтажных предприятий и складов, и пустырей, и свалок? Почему экономический аспект нового строительства отрегулирован так худо?

Директор будущего полиграфического комплекса Василий Трофимович Пилько сказал мне, что в прерванное строительство уже успели вложить около 300 тысяч рублей. На чей счет будут списаны убытки? Госкомиздата? Или жителей Братеева? Или тех, кто принимал решение о стройке?

Уже год, как строительство комбината «заморожено». Столько же времени уйдет на «привязку» к новому месту. А ведь надо еще дожидаться решения: куда его перенесут. Значит, комбинат пустят как минимум на два года позже. А стало быть, полиграфисты не получат около 40 миллионов рублей прибыли, а нам не достанутся миллионы книг. Что же, и за эти потери винить братеевцев? Или все же тех, кто принимал необдуманное решение, начинал строительство втихую? А если виноваты они, то как будут наказаны? Подозреваю — никак...

Да и весь микрорайон, выяснили члены комитета, построен в зоне отчуждения нефтеперерабатывающего завода. Городская санэпидстанция разрешения на его строительство не давала. Те же, кто распорядился строить, превысили свои служебные полномочия и должны (в принципе) отвечать перед законом. Вот и направил комитет письмо в городскую прокуратуру, требуя найти и наказать виновных.

Из городской прокуратуры (дело было в октябре 1988 года) письмо моментально спустило в районную, из районной — обратно в городскую, отписав братеевцам: подобные дела не входят в компетенцию райпрокуратуры. Сделав такой ход, Фемида и на письмо вроде ответила, и время потянула. В городской же прокуратуре письмо благополучно лежало (до мая!), пока его судьбой не заинтересовался ваш корреспондент. Только тогда служители закона нехотя зашевелились.

Десятилетиями строили где хотели, что хотели и сколько хотели. Сейчас — иное. Надо думать, считать, разрабатывать варианты. Надо советоваться с людьми. Надо аппаратное ведомственное самоуправство подчинить народному самоуправлению. Но бьется, бьется в чиновничьих умах: а надо ли?!

Между тем члены комитета нашли уже спонсоров, которые обещали профинансировать проект мини-Лужников: стадион, спортзалы, бассейн. Договорились братеевцы и с объединением «Союзпромкультура» — те хотят брать в банке кредиты и создавать на пустыре (здесь несколько небольших речушек, бьют десятки ключей) парковую зону с аттракционами, купальнями...

Братеевский центр НТТМ создан при комитете самоуправления и райкоме комсомола. 27 процентов дохода центр будет тратить на нужды микрорайона — на учебно-воспитательные комплексы, компьютерные классы, юношеские кружки и секции. Проектирование?!

Братеевский комитет, конечно, сила. Но я заметил: он добивается успеха, если только использует весь диапазон, всю мощь демократии. Но стоит лишь ослабить хватку...

Обратились в райисполком: просим, чтобы автобус от Братеева до метро шел экспрессом, без промежуточных остановок: на них почти никто не входит и не выходит. Пришел ответ: сократить остановки признано нецелесообразным, потому что они пользуются спросом у населения. Чтобы сочинить такое, достаточно двадцати секунд. Пользуются спросом — и все тут. Что, опять референдум проводить?... Еще эпизод. Одиннадцать членов комитета прошли обучение в ОБХСС и получили удостоверение на право проверки магазинов в микрорайоне. Провели несколько рейдов. Обнаружили нару-

шения. Послали материалы в исполком. А в ответ тишина... И еще: райком комсомола заключил договор с районным трестом столовых о том, что молодежное объединение «Арсенал» устроит в столовой, расположенной в центре Братеева, клуб. Ребята отремонтировали помещение, украсили интерьер, провели несколько дискотек... А потом в райком пришел представитель треста: договор расторгается. Объяснения? Без объяснений. Да и так все ясно: вскоре в столовой этой начали торговать пивом...

Сколько таких «братеевых» появилось нынче в стране! Люди выступают «за» что-то или «против» чего-то. Крым и Прибалтика, Запорожье и Нижний Тагил, Ленинград и Грузия, Молдавия и Куйбышев... «За» национальное достоинство, мемориал жертвам сталинизма, республиканский хозрасчет; «против» валютного парка развлечений, атомной станции, некомпетентного руководства, поворота рек... (Сегодня аппарат позволяет им «играть в эти игры» — полвека назад сгноил бы в Бутырках и на лесоповале...)

Но не будем умиляться «рывку демократии». Подумаем: может, это и вправду не больше чем игра? Разрешили, вот и играют. Выходят пикетировать, выступают на митингах, принимают резолюции... Есть театральные «игры в Лефортове», а есть социальные «игры в Братееве».

Хотелось бы, конечно, командно-административной системе, чтобы самоуправление оказалось просто спектаклем... Если комитет микрорайона — значит, тихий, послушный, лучше бы из пенсионеров при РЗУ, чтобы занимался озеленением или учетом нежилых помещений, а в большие дела не лез. Ведь какие планы лелеяли в райкоме, чтобы дирижировать тем же братеевским движением! Создать совет парткомов из представителей РЗУ, тамошних школ, магазинов; организовать в комитете партгруппу, подчинив ее совету парткомов, — чувствуете, какая узда?

Не получилось. А с какой тоской говорил мне инструктор райкома партии Олег Борисович Абрамов, что неплохо было бы, если б коммунисты стояли на учете и по месту работы, и по месту жительства!.. (Мол, за такими «самодельщиками» глаз везде нужен...)

Чиновникам выгодно, чтобы народолюбие превратилось в говорильню, выпуск пара, в свисток...

Сшибка мнений, эмоций, тяга к разуму и правде, нескрываемая боль за судьбу людей, Отечества — это что, тоже игра?!

Нет — это жизнь. Та самая, которую выбрали все мы.

«Самоуправство!» — слышится грозный окрик, когда люди пикетируют, митингуют. Самоуправство? Желание жить на земле, родящей цветы и хлеб, дышать чистым воздухом? А что же тогда отгрохать «спальню» для десятков тысяч человек, там, где и жить нельзя? Или соорудить промышленный монстр даже без формального разрешения санэпидстанции? Или строить АЭС на сейсмическом разломе?

Депутаты райсовета отчитывались перед жителями Братеева. Депутатов этих братеевцы не выдвигали, они здесь не живут, беды здешние им далеки.

Один из них встал, сказал обиженно:

— Не нравлюсь? Можете меня отозвать.

Зал — единодушно:

— Правильно! Уходи!

...Жить не по приказу, а по собственному разумению и совести — трудно. Но иначе уже нельзя.

Все мы ждем перемен. В умах они происходят быстрее, чем в жизни.

В первом номере «Смены» за прошлый год кандидат психологических наук Павел Ельчанинов предложил: во-первых, передать работникам в пользование средства производства; во-вторых, отказаться от привычного необоснованного пересмотра норм и расценок; и, в-третьих, платить труженику выраженную в деньгах долю вновь созданного им продукта.

Теперь мы знаем: эти предложения реализуются, когда трудовой коллектив берет предприятие в аренду или преобразуется в кооператив.

Тогда же, в первом прошлогоднем номере «Смены», было опубликовано письмо руководителей московского НПО «Измеритель», в котором они сообщали, что хотели бы опробовать «метод Ельчанинова» в своем объединении. Однако коллектив «Измерителя» не поддержал руководителей и высказался против столь решительных перемен (об этом рассказывалось в одиннадцатом номере нашего журнала за прошлый год). Дебаты на тему «Переходить — не переходить» продолжаются. И пока НПО трудится на «обыкновенном» хозрасчете, а работники входящего в объединение научно-исследовательского института распределяют заработок по коллективному подряду.

Велики ли первые перемены?

...И все сразу начинали говорить о деньгах. Секретарь партбюро Владимир Куфтин даже достал ведомости уплаты партзисносов и, перелистывая, сказал:

— Раньше какие зарботки были у научного работника? А теперь?

В ведомостях мелькали цифры, которые не стыдно жене назвать. Иные и четырехзначные.

— Зарботки повысились — это то, что хозрасчет дал вам. А что он дал нам, обществу? — спрашивал я собеседников.

— Пустяки, милые мелочи, — иронически сказал заведующий отделом Алексей Никольский. — Всего-то дозатор непрерывного действия с микропроцессором, аналогов которому нет за границей. Он пошел в серию. Вполне возможна продажа его за рубеж. Будут доллары не за пушнину и лес, а за технику. И это только благодаря хозрасчету. Восемь лет мы мучили подобный прибор. Делали на министерские деньги. Каждый год придешь в министерство, всплакнешь: не успели, не получилось — они и продлевали финансирование на следующий год. «Съели» мы полмиллиона. А в серию прибор не пошел. Хозрасчет поставил задачу — сделай и продай. Сам завод-заказчик платил свои деньги. Требовал: дай срок! дай качество! Ровно через год мы дали ему разработку. Вес — одиннадцать килограммов (у предыдущего прибора — 27), потребляемая мощность — 50 ватт (было — 160). И израсходовали на работу средств вдвое меньше.

Подобные истории рассказывали мне едва ли не в каждом отделе института. Ускорили, как утверждал заместитель генерального директора Анатолий Ракаев, три четверти разработок. Все они, как правило, выше качества, чем прежде.

За счет чего это происходит? Во-первых, теперь заказчик считает деньги. Раньше процентов семьдесят всех тем финансировались централизованно — в них никто конкретно не был заинтересован. Сейчас ученые работают по прямым договорам с заводами. Те платят



Виталий СЕРГЕЕВ

ПЕРВЫЕ ПЕРЕМЕНИ

из своего хозрасчетного дохода и потому требуют и срок, и качество. Во-вторых, у ученых больше времени остается на науку: перестали «в порядке любезности» налаживать серийную продукцию. В-третьих, появилась четкая ответственность за разработку. Каждую тему теперь исполняет определенная группа людей. Она работает, словно бригада, подрядившаяся поставить дом в селе. Выполнили договор — получают наличные (за вычетом зарплаты, которая авансом пошла исполнителям, куда они работали над темой). Деньги делят согласно КТУ. Сделаешь работу быстрее или меньшим составом — больше получишь.

Бригадный подряд в науке изрядно изменил психологию людей. Нет мелочной опеки начальства.

Всегда существовали люди, которые воспринимали свои 140 рублей как пособие по безработице и днями напролет решали кроссворды, бегали по магазинам и трепались о футболе. Теперь — шалишь! Заработок общий. Кто-то получает незаслуженно — значит, кто-то не

получает заработанное. Порядок стали наводить без помощи вахтеров, лоящих за полу опаздывающих. Резали правду в глаза на собраниях. «Почему рубль, взятый взаимно, не отдать — стыдно, а бездельничать за двести рублей — не стыдно», — говорил мне возмущенно заводделом Павел Иванов. «Безработные» проглотили немало других нелюбимых слов. Кто позакаленней и помахровей, пошли искать другую синектуру. Более совестливые подставили плечо под общую ношу.

И другое высветилось. Бухгалтеры, патентный, информационный отделы, вычислительный центр, плановики, кадровики, администраторы — они, конечно, НИИ нужны. Но хозрасчет заставляет думать: а не многовато ли их? Раньше никто не считал, теперь увидели: на каждый рубль, полученный разработчиками, приходится 1 рубль 32 копейки, причитающиеся вспомогательным отделам. И заговорили: надо бы накладные расходы уменьшить, людей сократить. Прежде в кулуарах, а потом вслух, на

совете трудового коллектива заговорили. Пока до решений, а стало быть, до конфликтов, не дошло. Но они, похоже, впереди.

Стали и об опытном заводе задумываться. Сдерживает он институтский темп. Можно было бы раза в два делать больше разработок. Не хватает мощностей. Перевооружение нужно заводу.

Хуже ли, лучше ли стало при хозрасчете научной молодежи? Спрашивал об этом самих молодых, спрашивал и «остепененных» сотрудников. Ответы получал разноречивые.

«Молодежь у нас не учат, — таково мнение секретаря комсомольской организации Сергея Комарова, инженера-технолога Елены Михеевой, младшего научного сотрудника Александра Шестопалова и других молодых. — Придет молодой специалист — ему, как правило, работу курьера-секретарши: принеси, начерти, отпечатай... Потому молодежь от нас уходит: лет пять назад в комсомольской организации было больше полтора человека, теперь — девяносто».

«А почему их, собственно, надо учить?» — говорили заведующие отделами Геннадий Мамедов, Алексей Никольский, Вячеслав Баранов и другие руководители. И жаловались, что молодежь пошла «не та», стала «и ленива, и нелюбопытна».

Хозрасчет это противоречие «отцов» и «детей» никак не сгладил. Напротив, в тех отделах, где молодых не «натаскивали», на них стали еще меньше обращать внимания: времени нет. Правда, в тех отделах (например, в том, которым руководит Николай Брио), где молодежь пестовали и до хозрасчета, этой любви не изменили и в жестких рамках нового экономического механизма.

Но, с другой стороны, может, и правы руководители — «а чего с ними нянчиться?». Каждый, особенно нынче, сам в ответе за свою судьбу. Учись в институте, аспирантуре, набирайся ума-разума, делай себя сам.

Ну, а если ты уже выучился, уже специалист, хозрасчет дает тебе отличные шансы проявить себя: включайся в тему, неси ответственность за участок работы, будешь умен и расторопен — неплохо получишь. Впервые у простого инженера или мэнэкса появился шанс хорошо заработать, иной раз больше генерального директора. Раньше — жесткая дифференциация: заводделом получает премию сто пятьдесят, завлаб — сто, инженер — сорок. Теперь все зависит от труда и таланта. И административный рост не нужен, если ты — талантливый исполнитель. Не надо лезть вверх тому, кто бездарен как руководитель, но толков в роли ведомого.

Впервые стало возможно организовать молодежную группу, занимающуюся какой-то темой. Такое формирование думает создать в ближайшее время комитет комсомола.

Но и проблемы хозрасчет новые открыл. Как же без проблем! Вот одна из них.

«Измеритель» на рынке новых весов, дозаторов — монополист. Раньше ему было безразлично, какую цену запрашивать у заказчиков. Теперь от цены зависит зарплата. Ясно, что цену стремятся взвинтить как можно выше. Заказчик и рад бы гордо хлопнуть дверью и уйти к другому продавцу. Но других-то нет! Так что ему приходится стиснув зубы платить. В итоге за прошлый год объем производства НПО вырос с четырех до семи миллионов рублей, а производительность труда — только на пятнадцать процентов. И подобная картина — практически на любом предприятии, перешедшем на хозрасчет. По

стране рост зарплаты составил 7 процентов, а рост производительности труда — 5 процентов. Безналичные деньги, которыми расплачивается заказчик, превращаются в хрустящие наличные — зарплату у исполнителя. Товарами и продуктами они не обеспечены. Вот и исчезает с прилавков даже то немногое, что на них было.

В нынешнем году положение, похоже, слегка исправится. Раньше любую цену за разработку отваливали предприятия, сами не перешедшие на хозрасчет. Теперь на хозрасчете все. Все считают деньги. Предприятие-заказчик лучше вообще откажется от приборостроения, чем купит его у «Измерителя» втридорога.

И все-таки пока есть монополизм, есть канал «накрута» цен. Нужны конкуренты.

Ими могли бы стать — и для «Измерителя» тоже — кооперативы по разработке и изготовлению новых приборов. И они нарождаются. Но как им, кооперативам, развиваться? Весной прошлого года — указ о «самом прогрессивном в мире налоге» для кооперативов. Отменили, слава богу. В конце года — постановление об ограничении деятельности кооперативов... То и гляди, новая шутка Минфина или Совмина появится. Вот и не очень охотно идут серьезные люди в кооперативы. Держатся поодаль.

Но вернемся к хозрасчету в НИИ. Что он дал «Измерителю»? Сокращение сроков и повышение качества разработок — раз. Большую социальную справедливость внутри коллектива, денежную дифференциацию тружеников и бездельников — два. Большой стимул для творчества — три.

Хорош хозрасчет, но все же не вершина это, нет, не вершина. Человека двадцати задавал я в НИИ один вопрос: «На сколько вы лично могли бы работать лучше, если б вам и платили соответственно?» Кто отвечал безоглядно: «В десять раз». Кто был осторожнее: «Если не будет рутинных отчетов, стандартов, то в полтора раза» или: «В два раза, если появятся персональные компьютеры». Тех, кто достиг потолка, не было. Что надо сделать, спрашивал я тогда, чтобы вы свои возможности реализовали? Из разных ответов одна складывалась картина: преобразовать НПО в кооператив. Взять в аренду средства производства. Резко сократить штаты. Высвободившиеся деньги направить на закупку оборудования и компьютеров.

То есть то, что, по сути, предлагал Ельчанинов!

Но кто возьмет на себя миссию сделать эту вот сказку былью? Рядовые сотрудники? У них ни силы, ни власти. И, опять же, опаска: а вдруг я в итоге окажусь уволенным?... Руководители объединения? Да, они хотели бы этого... но — искать от добра добра... Объединение на хорошем счету, прибыльно. А события последнего года показали: трудовые коллективы берут в аренду предприятия или преобразуются в кооперативы, когда уж отступать некуда, когда в долгах как в шелках... Тогда и бросаются, так сказать, в холодную струю. А «Измеритель»? Нет, не хочет бросаться. Может, министерство подтолкнет? Ну, ему-то зачем это нужно?..

Словом, хозрасчет — хорошая вещь, но это лишь первый шаг к нарисованной Ельчаниновым идеальной картине, когда все трудятся в полную мощь своих сил и таланта и получают без ограничений. И то: пока рост производительности труда 15 процентов.

...Все мы хотим перемен. И хотим, чтобы они наступили скоро. Но в жизни скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Айзек АЗИМОВ

4

ва совершенно разных вида! — настаивал капитан Гарм, пристально рассматривая доставленные на корабль создания. Его оптические органы выдвинулись далеко вперед, обеспечивая максимальную контрастность.

Проведя месяц на планете в тесной шпионской капсуле, Ботакс наконец блаженно расслабился.

— Не два вида, — возразил он, — а две формы одного вида.

— Челуха! Между ними нет никакого сходства. Благодарение Вечности, внешне они не так мерзки, как многие обитатели Вселенной. Разумный размер, различные члены... У них есть речь?

— Да, капитан, — ответил Ботакс, меняя окраску глаз. — Мой рапорт описывает все детально. Эти существа создают звуковые волны при помощи горла и рта — что-то вроде сложного кашля. Я и сам научился. Это очень трудно.

— Так вот отчего у них такие невыразительные глаза... Однако почему вы настаиваете, что они принадлежат к одному виду? Смотрите: у того, что слева, усики длиннее, и само оно меньше и по-другому сложено. В верхней части у него выпирает что-то, чего нет у того, что справа... Они живы?

— Живы, но без сознания — прошли курс психолечения для подавления страха. Так будет проще изучать их поведение.

— А стоит изучать? Мы и так не укладываемся в сроки, а нам нужно исследовать еще пять миров большего значения, чем этот. Кроме того, трудно поддерживать Временной Стасис, я бы хотел вернуть их и продолжать...

Веретенчатое тело Ботакса даже завибрировало от возмущения. Скошенная трехпалая рука качнулась в отрицательном жесте, а глаза перевели спектр беседы целиком в красный свет.

— Спаси нас Вечность, капитан! Мы стоим перед серьезнейшим кризисом. Эти создания могут оказаться самыми опасными в галактике — именно потому, что у них две формы.

— Не понимаю.

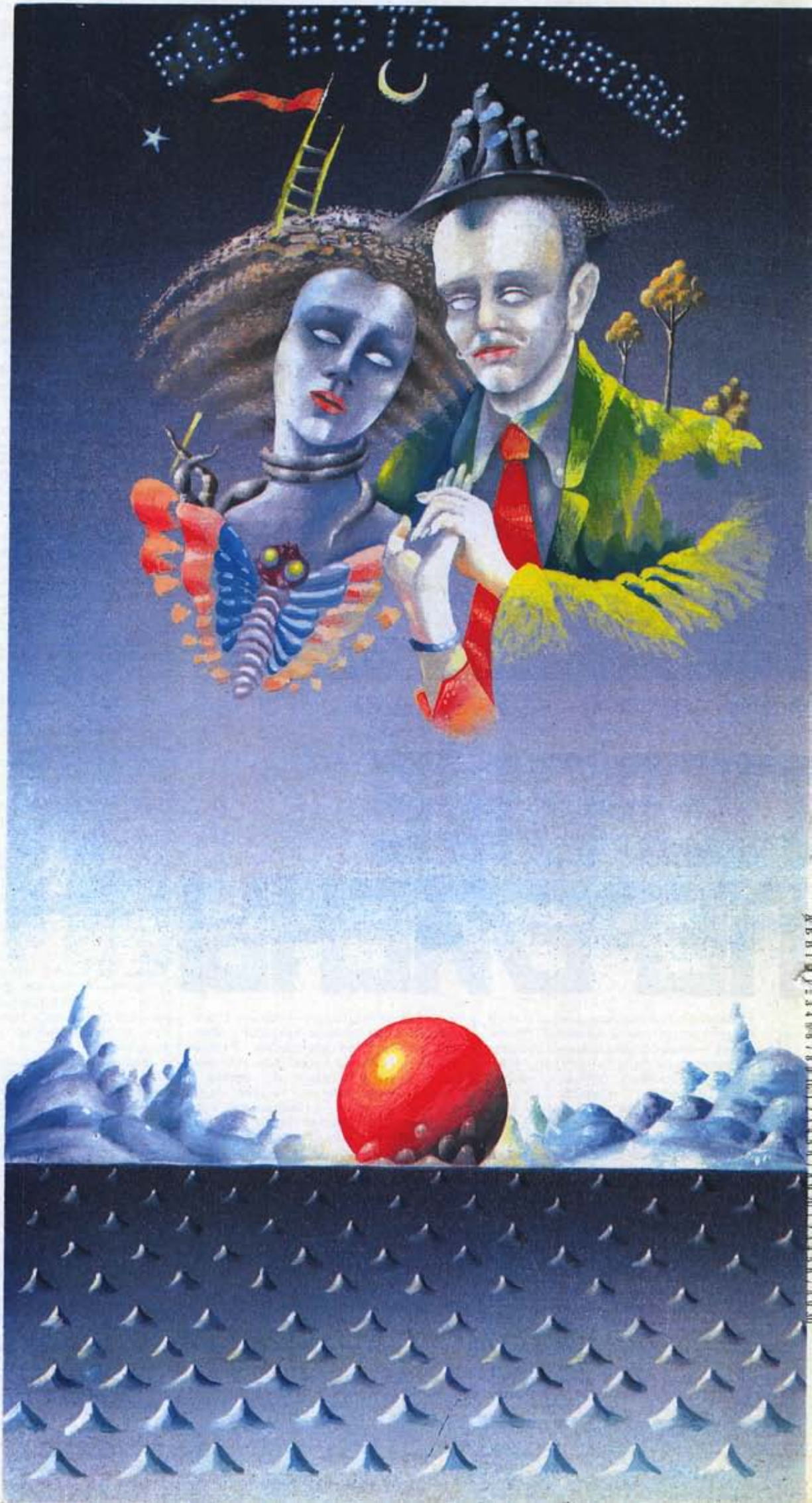
— Капитан, планета уникальна. Она настолько уникальна, что я сам не в состоянии осознать все последствия. Например, почти все виды представлены в двух формах. Если позволите употребить их звуки, то первая, меньшая, называется «женской», а вторая — «мужской», они-то сознают разницу.

Гарм мигнул.

— Какое отвратительное средство связи...

— Чтобы оставить потомство, эти две формы должны сотрудничать.

Капитан, с любопытством разглядывавший пленников, резко выпрямился.



ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА-ЛЮБОБОВЬ?

— Сотрудничать? Что за чепуха? Самый фундаментальный закон жизни — каждое существо приносит потомство в глубочайшем и сокровенном общении с собой. Что же еще делает жизненные формы жизненными?

— Чтобы одна форма произвела потомство, другая должна участвовать в этом, — упрямо повторил Ботакс.

— Каким образом?

— Очень трудно выяснить. Эта процедура считается у аборигенов интимной. В местной литературе я не мог найти точного и исчерпывающего описания. Но мне удалось вывести кое-какие разумные заключения.

Гарм покачал головой.

— Нелепо... Почкование является священнейшим, самым интимным процессом на десятках тысяч планет. Как сказал великий фотобард Левуллин: «Во время почкования, во время почкования, в то самое прекрасное мгновение, когда...»

— Капитан, вы не поняли. Это сотрудничество между формами приводит к рекомбинации генов. Таким образом в каждом поколении осуществляются новые варианты. Они развиваются в тысячи раз быстрее нас!

— Вы хотите сказать, что гены одного индивидуума могут комбинироваться с генами другого? Вы понимаете, насколько это смешотворно с точки зрения физиологии клетки?

— И все же, — нервно произнес Ботакс под тяжелым взглядом капитана, — эволюция ускоряется. Это просто мир разгула видов: их здесь миллион с четвертью.

— Двенадцать с четвертью будет ближе к истине. Не стоит принимать на веру то, что написано в туземной литературе.

— Я сам видел в очень маленьком регионе сотни различных видов. Говорю вам, капитан, дайте им время, и они разовьются в расу, способную превзойти нас и править галактикой.

— Докажите, что сотрудничество, о котором вы ведете речь, имеет место, и я рассмотрю ваши предложения. В противном случае я сочту ваши фантазии нелепыми, и мы двинемся дальше.

— Докажу! — Глаза Ботакса засверкали ярким желтым огнем. — Обитатели этого мира уникальны еще и в другом отношении. Они предвидят достижения, которых пока не добились. Вероятно, это следствие их веры в быстрое развитие. Я перевел их термин для такой литературы как «научная фантастика». И читал почти исключительно научную фантастику, потому что считаю, что в своих мечтах они ярче выразят себя и свою угрозу нам. И именно из научной фантастики я вывел метод их сотрудничества.

— Как вам это удалось?

— У них есть периодическое издание, которое иногда публикует научную фантастику, полностью посвященную разнообразным аспектам этого сотрудничества. Его название звучит приблизительно так: «Плей-

бой». Там не выражаются абсолютно ясно, что весьма раздражает, но допускаются прозрачные намеки. Очевидно, существо, подбирающее рассказы для издания, только этой темой и интересуется. Отсюда я и знаю, как все происходит... Капитан, после того как на наших глазах появится молодняк, умоляю вас: прикажите развезти эту планету на атомы!

— Ладно, — утомленно согласился капитан Гарм. — Приведите их в сознание и делайте свое дело.

Мардж Скидмор неожиданно осознала, где находится. Она отчетливо вспомнила перрон в сгущающихся сумерках: перрон был почти пуст, — один мужчина стоял рядом с ней, другой — в противоположной стороне. Уже слышался шум подходящего поезда.

Затем — вспышка, ощущение, будто тебя выворачивают наизнанку, и полумиллиозное видение какого-то тонкого существа, покрытого слизью, и...

— О боже, — простонала Мардж, — я все еще здесь.

Она чувствовала слабое отвращение, но не страх, и была почти горда, что не чувствует страха. Тут же стоял мужчина — тот самый, что был рядом на платформе.

— Вас они тоже прихватили? — спросила Мардж. — Кого еще?

Чарли Гримвольд попытался поднять руку, чтобы снять шляпу и пригладить волосы, но не сумел пошевелить пальцем, что-то мешало, казалось, тело стягивает резиновый кокон. Чарли посмотрел на тонколицую женщину — лет за тридцать, отметил он, но довольно привлекательная. В данных обстоятельствах ему хотелось очутиться подальше отсюда, даже обществу очаровательной женщины его не утешало.

— Не знаю, мадам. Я стоял на платформе...

— Я тоже.

— Потом увидел вспышку и... Это, наверное, марсиане.

Мардж энергично кивнула.

— И я так думаю. Вы боитесь?

— Как ни странно, нет.

— Я тоже не боюсь. Удивительно, правда? О боже, одно из них подходит!.. Если эта тварь коснется меня, я закричу. Посмотрите на его кожу — вся в слизи! Меня тошнит.

Ботакс приблизился и, как можно тщательнее вываривая слова, произнес:

— Создания! Мы не причиним вам вреда. Мы только попросим показать ваше сотрудничество.

— Э, да оно разговаривает! — удивился Чарли. — Что ты имеешь в виду под «сотрудничеством»?

— Оба. Друг с другом, — пояснил Ботакс.

— Вы понимаете, что он хочет сказать? — Чарли вопросительно посмотрел на Мардж.

— Не имею понятия, — надменно бросила она.

— Я имею в виду... — Ботакс употребил короткий термин, никогда не попадавшийся ему в литературе, но встречающийся в устной речи как синоним искомой процедуры.

Мардж залилась краской и воскликнула:

— Что?!

Ботакс и капитан Гарм в ужасе заткнули слуховые отверстия и болезненно задрожали.

Мардж яростно и неразборчиво продолжала: — Какая наглость! Я замужняя женщина... О, если бы мой Эд был здесь... А вы, умник, — она повернулась к Чарли, преодолевая резиновое сопротивление, — кем бы вы ни были, если думаете...

— Мадам, мадам! — взмолился в отчаянии Чарли. — Это не моя идея, клянусь вам! Поверьте, я не такой человек... Я тоже женат. У меня трое детей! Послушайте...

Капитан Гарм был недоволен.

— Что происходит, исследователь Ботакс? Я не намерен слушать эту какофонию.

Ботакс сверкнул багряной краской смущения.

— Видите ли, ритуал весьма сложен. Они обязаны выказывать сперва признаки нерасположения, как я понял, для улучшения результата. После этой начальной стадии должны быть удалены кожи.

— Они свежуются?!

— Нет, это у них искусственные кожи, которые снимаются безболезненно. Снятие кожи особенно необходимо для меньшей формы.

— Ну ладно, велите им снять кожи. Честное слово, Ботакс, я не нахожу это приятным...

— Пожалуй, мне не стоит просить меньшую форму удалить кожу. Думаю, нам следует точно придерживаться ритуала. Я прихватил с собой экземпляр издания «Плейбой», здесь кожи удаляются насильственно. Например: «...грубо сорвав одежду с ее стройного тела, он ощутил теплую упругость ее груди...» и дальше в том же духе.

— Грудь? — переспросил капитан. — Я не разобрал вашей вспышки.

— Мне пришлось ввести ее для обозначения термина, относящегося к двум выпуклостям в верхней части меньшей формы.

— Понимаю, понимаю... Ну, скажите большему, чтобы он удалил кожу меньшего... Что за отвратительная процедура!..

Ботакс повернулся к Чарли.

— Сэр, — произнес он, — не будете ли вы так любезны сорвать одежду с ее стройного тела? Я выпущу вас для этой цели.

Глаза Мардж расширились, и она в ярости обернулась к Чарли.

— Не смейте! Не прикасайтесь ко мне, вы слышите, сексуальный маньяк!

— Я? — жалобно запричитал Чарли. — Мадам, я тут ни при чем! Послушайте, — повернулся он к Ботаксу, — у меня трое детей и жена. Узнай она только, что меня подозревают в том, что я срываю, понимаете ли, платья, — и мне придется несладко. Вы знаете, что делает моя жена, заметив, что я просто взглянул на какую-нибудь женщину? Она...

Наталья РОДИОНОВА

зами попали в психиатрическую лечебницу.

Я шла к этим семерым и не знала, с чего начать разговор. А он и впрямь получился нелегким.

...Молчал он уже долго, глядя сквозь слезы, как за окном мечется промокшая рыжая дворняга. И вдруг засмеялся:

— Хорошая шапка. Я, когда вернулся домой, сшил из такой же. Подстрелил на улице и сделал... Ну, ты что?

Река плыла в никуда.

Он помнил: мужчины не плачут, не стонут. Но желтуха, тиф, малярия — все сразу — и раненая нога все ноет и ноет...

Генка погиб, потому что молчал... Геннадий Борисович Савицкий. Год рождения — 1962. Год смерти — 1982. В свой последний день он прижимался к земле в провинции Газни.

...Санитарный вертолет прилетел вечером. В первую очередь грузили тяжелых. «Куда ранен? В бедро? Подождешь до утра?» Генка улыбался. Ночью он не стонал. А когда рассвело и опустилась «вертушка», его подняли на носилки, но донести не успели: терпел слишком долго...

Мама его потом рассказывала, как видела Гену последний раз в госпитале после очередного ранения:

— Все — и врачи, и сестры, и повара — хвалили его. Он всем помогал, хотя сам на костылях был. Я ему тогда сказала: «Сынок, тебя тут все так любят. Буду просить, чтоб отпустили в отпуск домой, а?» А он: «Мама, не проси. Я буду работать, помогать на кухне. Меня и отпустят. У нас один пацан (он всех пацанами называл) тоже так работал, его и отпустили на 10 дней. А просить — не проси. Стыдно».

Когда зарыли гроб, у Генкиного отца закаменело лицо:

— Сын совестливый был, требовать не умел...

Генка погиб, потому что молчал. Но это на войне, где больно всем и потому терпеть легче. А зачем молчать сейчас, когда выжил, и где взять силы молчать, когда болит по-прежнему, и душа — не меньше, чем тело? Зачем терпеть и уступать, когда бросает тебе милостыню тот, кто, кажется, никогда и не знал этой боли?...

...Два дня просидел он в исполкоме: «Председатель занят. Председатель занят...» А на третий влетел в толстую, наглухо простеганную дверь и, не подбирая слов, закричал: «Подними зад. Ты, слуга народа... Встань! Я гражданин СССР, почему же ты даже не встанешь?»

Когда плохо тебе одному, болит сильнее...

Очень редко он достает из кармана старенького пиджака удостоверение участника войны. И на этот раз ждал приема у врача, как все. За ним подошел малый «в фирме», огляделся и проскользнул мимо очереди. И вот он уже устроился в кресле и по-приятельски хохочет с врачом. «Из кабинета я тащил его за уши...»

Часто слышу — они вернулись другими — грубее, резче, требовательнее. Они принесли афганский жаргон, свой кодекс чести. Я пытаюсь понять его жесткую, простую суть.

— Чмырь — дерьмо. Такие везде — и на войне есть. Вот земляк твой, москвич, был у нас в роте... Когда вертолет обстреляют, сидим голодные на горке. (Мы дорогу охраняли.) Сидим день, два, три... Ну, ничего, ящерицы ползают: настреляешь, поджаришь — зарубаем, нормально. Собак ели, котов, змей, как повезет... А как-то ночью

слышим, он лезет за последней банкой консервов. Сволочь... Человек на то он и человек, чтобы везде им быть.

— Но разве там ты был таким же, как здесь?

— Нет, наверное... Мирная жизнь требует человечности, сочувствия и за все это платит. А на войне...

«Бакиши шурави» — ножом на спине. Разве это ему забыть? Хоть когда-нибудь забыть? Изрубленного Володьку, подброшенного утром к гарнизону. «Подарок советским» — бакиши... Они отплатили за него сполна, в тот же день.

Потом соврут... Нет, вралы тогда. Потом скорее всего скажут и напишут правду. Они воевали с душманами? Конечно. Освобождали мирных, запуганных моджахедами афганцев? Да. Но ведь они же, советские солдаты, прочесывали вмиг опустевшие кишлаки, это они в ответ на стрельбу с каменного дувана отвечали испепеляющим огнем; но это же они, шурави, давали хлеб мальчишке и ждали автоматной очереди в спину...

— Как ты различал врага?

— Кто целился в меня, тот и враг. И я стрелял в него.

— Ты оставил там ненависть...

— Ненависть? Мы подставили свою машину, чтобы закрыть автобус с ними, мирными, когда душманы расстреливали их из пулемета, и заплатили своими одинадцатью парнями. Ненависть? Наверное... Но иначе мы бы не вернулись оттуда.

...Он вышел прямо на засаду, жилистый старый «байбак». Он пришел ночью с серпом, чтобы при свете луны сжать свой вызревший ячмень. Афганцы — трудолюбивый народ, из камня они умеют добывать хлеб. Советский переводчик из засады поддал голос: мол, не бойся, мы не причиним тебе зла. Афганец понял, конечно, понял, кивнул головой. Но когда командир поднялся с земли и дружески улыбнулся старику, серп в ту же секунду яростно блеснул у шеи русского. Только пуля опередила серп. Жизнь долго не уходила из старика, хрипела и клокотала кровью.

Цепная реакция зла... Почему началась она и когда кончится? Кто разбудил ее и кто оборвет?

Из госпитала он сразу поехал к матери в деревню, в Брестскую область. Успокоить. Помочь. Но косяба с тросточкой получилась неважнецкая, и он пошел к председателю попросить сена. «Не пуп земли, — отрезал председатель. — Я тебя туда не посылал».

За перевалами Гиндукуша Паша Шетько обменял руку на орден. Шесть лет назад. Только свежо это, будто вчера.

— Знаешь, мне сегодня снова снилось, что я стреляю, рву, ломаю чай-то хребет, бью и бью кулаками, бью детей, то ли своих Таню с Сережей, то ли афганских, не помню. Значит, сидит еще во мне зло, значит, есть...

Он ушел в армию в 1981 году, написал рапорт с просьбой отправить в Афганистан. Честное слово, не знал, что там война: думал, верблюды горы экзотика. До этого успел окончить СПТУ, по специальности тракторист-механизатор. Успел немного поработать

электрослесарем, киномехаником. Бегал на танцы, крутил маг, нравился девчонкам. И был уверен, что у него есть все.

Сейчас ему 26. «Обидно, — говорит он, — когда нас называют «раздавленным» или «потерянным поколением».

После Афганистана и череды госпиталей Павел окончил институт, женился, стал лектором обкома комсомола, возглавил «Память», один из самых действенных сегодня минских клубов военно-патриотических объединений при ЦК ВЛКСМ назвала его своим кандидатом в народные депутаты СССР... Да, они вернулись другими.

У войны, этой грязной мужской драки, есть тем не менее свойство возвышающее. Жизнь на самом пределе борьбы обнажает ценность каждого живого, каждого способного действовать. Закон войны сметает все зигзагообразные истины: если отступишь ты, погибнет другой, если отступит другой, погибнешь ты. Каждый соотечественник нужен другому соотечественнику. Оно свято, фронтовое братство!

— Я до конца жизни останусь инвалидом. Но когда провожал в армию брата, желал ему, не поверишь, попасть в Афганистан. Для меня Афган — самые счастливые годы. Я был нужен там. От меня многое зависело... Похожие слова услышу не от одного Шетько.

Они вернулись другими. С ощущением своей незаменимости, своей личной ответственности перед всем происходящим в жизни. С этим нормальным свойством развитой личности, потерянным большинством из нас: «От меня ничего не зависит... Разве ты или я не привыкли так существовать — вполсилы — вполжизни?»

И теперь они судят о нас бескомпромиссно:

— Вы здесь, как крысы, снуете — «Мы люди маленькие». А я знаю, я человек, не флюгер, и не потому, что лучше других. Просто я такой — один, как и он, и ты. И имею право на свою жизнь, на свое слово.

Три года назад, в апреле, по Минску прошел слух, что на одной из площадей будет отмечаться день рождения Гитлера. «Афганцы» распорядились ждать не стали. И когда несколько подонков вышли на улицы со свастикой, они взяли за шворот этих паршивых щенков и потащили в милицию. То, что произошло потом, ребята долго не могли себе объяснить:

— Этих сволочей отпустили по домам: «хорошие родители» заступились. А нас обвинили в хулиганстве и еще долго в городе говорили...

Нет, ни Шетько, ни его товарищи не ждали похвал, когда бежали на площадь. Однако к такому исходу никто из них готов не был.

Программа кандидата в народные депутаты СССР Павла Шетько была честна и конструктивна: добиться изменения в положении «афганцев» можно только через радикальные изменения в самом обществе.

На одном из слетов своей Всесоюзной ассоциации они написали письмо Горбачеву с просьбой дать политическую оценку военным действиям в Аф-

”Я ШЕ”

ганистане. «Мы хотели, чтобы вслух сказали, кем мы были там и зачем? Только кто-то «позаботился» о нас: письмо с полдороги назад вернулось...»

В минский клуб «Память» приходят все желающие. Поговорить, подумать, как решать проблемы житейские, да и просто увидеть друг друга, обняться. Приходят потому, что это и долг перед теми, кого уже никогда не будет.

Семьи погибших... Кому же, как не самим «афганцам», заботиться о них? А дни памяти — дни скорби — на всех кладбищах Минска?.. Как тщательно они готовятся к ним! И здесь нет мелочей: «Продовольственные заказы матерям погибших... Нужны или нет. Если будут раздавать представители власти, это может и обидеть, вроде откупаются. А если мы — другое дело».

Как-то в клубе раздался звонок. Сухой голос предупредил: «Завтра у вас будет товарищ из горкома партии, подготовьте встречу». Дежурный бросил трубку. Партиец раздраженно перезвонил и услышал: «У нас дверь открыта — приходите и смотрите».

Они хотели понимания. Нашего с вами. И знали, что имеют право на него. Не «калач ржаной» звал их домой.

Впрочем, калач-то уже был обещан... Жилье? Самое раннее, сказали, через пять лет. Пока живем в коммуналке, в четырнадцати метрах, вчетвером, с женой и двумя ребятами.

А я, как инвалид первой группы, получил... через полтора года. Зубами вырвал. Как? Тошно вспоминать.

«Еще эта пенсия. Стыдно сказать, сколько я получаю. Крохи... Сейчас пытаюсь уломать врачей, «сбить» инвалидность хотя бы до 3-й группы. Подачки мне не нужны. Мне двадцать три года. Я работать хочу».

Заказы? Кило мяса, кило колбасы... Только если не допрыгаю до магазина в четверг, так назавтра продавщица удивится, а ни за что не отдаст.

«Запорожец» получил бесплатно, хожу-то с трудом. Ломается, правда, маленько. В ремонт отвезешь — назад неизвестно когда получишь. Да и цены...»

Пора честно признать: общество не готово выполнить все обещания, — сказал народный депутат СССР Павел Шетько. — Вот и получается, что удостоверения раздают чуть ли не секретно и толкают нас: иди, добивайся — и это в системе сплошного дефицита... Бросают ледышку, да еще в конретной обертке, а мы — прыгай, кто выше. Слышали в магазине: «афганцы» гречку съели? Не надо нам таких «льгот».

Под всякими «благородными» предложениями отказываются брать на работу — ведь с «афганцами» лишние хлопоты. Как-то в институте встретил знакомого парня, заканчивает учебу, ждет распределения. Увидел меня и даже испугался: «Ты смотри не проговорись, что я оттуда». А сколько ребят бегают по инстанциям, бегают да и срываются «с резьбы».

Проблемы у них у всех схожи. Но тот, кто сильнее, знает, что он в ответе за тех, кому не хватает этой силы. И Шетько беспокоится не без оснований:

«Очень боюсь пьянства. Мне рассказывали, сколько их было после Великой Отечественной, этих калек-пья-

ниц. Теперь вижу, как забирает эта болезнь наших».

Мне довелось встречаться с американскими парнями, что воевали во Вьетнаме. Так они говорили: если хотите избежать «вьетнамского синдрома», не медлите! Нужны реабилитационные центры, чтобы не родился «афганский синдром»...

— Реабилитация и выздоровление — это разные вещи, не путайте, — любезно осведомил меня секретарь Белорусского республиканского совета профсоюзов Николай Иванович Рош. — В Бобруйске просто оздоровительный центр.

Беседа вышла любопытная, поэтому привожу ее дословно, по диктофонной записи:

— Какова же идея центра?

— Просто дать путевку тому, кто нуждается, чтобы он поехал туда и оздоровился.

— Но из 510 мест в санатории военна-инвалидам отведено меньше половины. Остальные отдыхающие в основном пенсионеры. Вы считаете, что для семидесятилетнего и двадцатилетнего система оздоровления одна и та же?

— Теми же средствами, я имею в виду ванны, бювет и перечень дополнительной медицинской аппаратуры... Мы должны дать прежде всего оздоровительный комплекс, как в санатории.

— А спорт?

— Ну, как сопутствующее...

— Но все спортплощадки завалены кирпичом и строительным мусором...

— Ремонт, видимо.

— Николай Иванович, очень неприятно поразил такой факт: в центре и развлечения, и спортивные игры платные. Час игры на бильярде — рубль с полтиной. За ракетки настольного тенниса изволь отдать 60 копеек; телевизор 10 рублей 40 копеек; чтобы побывать на концерте художественной самодеятельности, выложи полтора рубля. К тому же путевки в этом году крепко подорожали.

— Все платное? Первым раз от вас слышу...

— Никому мы здесь не нужны. Одно название — Центр для «афганцев». А так — Дом престарелых... Водичка да скукота». Это мнение Григория Крутова. Анатолия Чудука, Михаила Федоровича, Василия Беляевского, отдыхавших тогда, в мой мартовский приезд.

Степан Киреев: «Таблетки от печени попросил — вот уже две недели жду. У меня гепатит и еще целый букет болезней. Развлечения? За каждый шаг — плати. А где я деньги возьму? Ребят бы наших побольше... Так надеялся однопольчан встретить! С женой прехать хотел, женился только. Какое там! Себе полгода путевку выбивал».

— Путевки исчезают где-то между Белсовпрофом и местными, — подтвердил секретарь Бобруйского горкома комсомола Саша Козлов. — А центр так нужен ребятам! Консультации хорошего невропатолога или психиатра. А главное, душой они должны отдохнуть... У них совершенно иной взгляд на жизнь. Они не переносят демагогии, вранья. Я если что обещаю — делаю: второй раз они не поверят.

— Ты прав, Саша, многие не верят. Уже или пока?

— Николай Иванович, — снова спрашиваю у Роша, — почему же «афганцам» так трудно достать путевки в центр? Многие вообще не знают о его существовании...

— Неужели? А мы, в сущности, вынуждены догружать санаторий инвалидами Отечественной войны и труда. А «афганцев» мы удовлетворяем! Но некоторые попросту не хотят ехать. Путевки распределяем в месткомы постоянно...

— А путевка как-то помечается, что она для война?

— Нет. А вдруг не найдется желающего? Месткомы должны были догадаться по цене — их многократно информировали. Понимаете, мы проводили эксперимент...

Так вот, оказывается, в чем дело. Вот почему приехавшие сюда «афганцы» месяцами обивали высокие пороги, чтобы попасть в Бобруйский санаторий. Вот почему эти семеро на единственном концерте, который специально для них дали школьники, услышали раздраженное от большинства: «Сколько можно про этих «афганцев»!.. Хватит, надоело уже!» (В скобках замечу, что среди большинства — участники Великой Отечественной. Но это, как говорится, другая тема.)

Вот почему больше чем за полгода здесь не отдохнуло и сотни ребят, а из Бобруйска вообще не было никого.

Не слишком ли покойно чувствуют себя профсоюзные работники в новом, великолепно оборудованном здании в центре Минска, где в одном кабинете вполне свободно расположились бы койки всех семи «афганцев», так великодушно «обогретых» Белсовпрофом?

«Реабилитация» — емкое слово из латыни. Означает оно вот что: восстановление физической и психической работоспособности. Восстановление в правах. И еще — восстановление прежней репутации, доброго имени. А это полные, глубокие перемены, избавляющие от всего, что мешает свободно двигаться, жить.

На первом Съезде народных депутатов СССР депутат П. Шетько попросил три минуты.

— Мы, воины-интернационалисты, — сказал он, — знаем правду об Афганистане и хотим, чтобы вы все ее знали. Мы знаем, что сделать это будет нелегко, учитывая всю сложность ситуации. Но медлить, товарищи, нельзя.

Закрытое письмо ЦК КПСС породило неоднозначное толкование сути вопроса, а самым страшным может быть потеря веры в государство, посылавшее нас за границу на войну.

Мы не хотим быть жертвами политической ошибки. Мы будем усиливать борьбу за то, чтобы без решения высшего органа власти никто не посмел посылать наших детей за пределы нашей Родины.

Он протянул удостоверение участника войны. Участник... Они так и говорят между собой: «Потом на войне... Пошел на войну...» Это значит, шагнул в зону, где отворачивается от тебя истина, с которой срастался 18 лет: не убий.

— За что тебе стыдно в этой войне?

— Только за одно: не дал в морду одному... полковнику. Приехал из Союза с инспекцией: «Что же вы тут зверствуете, как наемные убийцы?» А сам даже погони не надел, как бы чего... Ты поверь, это правда, прежде чем спустить курок, вспомнишь: у него есть отец и мать...

Он протянул удостоверение участника войны. Опустил голову и пропустил его вперед. Не смей забывать, это он расплатился за твое молчание, за твою

политическую и гражданскую аморфность, расплатился не только кровью... И это ты в течение девяти лет давал немое согласие на его смерть.

— Жертва? Я никому не позволю называть себя жертвой, — Володе Турину, энергетика из Казахстана, не до компромиссов. — Я защищал советскую границу. Это сейчас умники говорят, что бессмысленная была война. Где же они были тогда? ...Я попал в окружение вместе с тридцатью пятью солдатами. Уцелел один. И когда для тебя одного поднимают вертолеты, когда сотни солдат рискуют жизнью для тебя одного, ты понимаешь, что такое Родина. И пока я сутки выбирался из окружения, все передумал.

Я шел к своим. Только не вышел до сих пор...

В госпиталь мне написали матери: «Сынок, ты у нас один на тридцать пять матерей». Я перед этими матерями всю жизнь в долгу буду.

Можем ли мы требовать больших льгот? Едва ли. Когда писали рапорты, мы не думали о куске колбасы... Мы прошли огонь, воду, а медные трубы — в нашу честь или не честь — не нужны нам.

Благословенны сильные, даже когда обманываются.

Моими собеседниками были разные люди: в Бобруйске, Минске, Москве, Алма-Ате... Но, казалось, это говорит один солдат. Он носит тельняшку. Прямо смотрит. Резко судит. Учиность — не в его характере. У него чуткие, глубокие глаза и сердце, мгновенно пеленгующее фальшь. Память об Афгане осталась, возможно, татуировкой: там, где сердце, — пуля с меткой группы крови и еще два крыла — крылья смерти. Он выжил, но эти крылья будут с ним всю жизнь.

Он рисковал правом на жизнь за глоток воды и свежего воздуха, согревался «одеялом» из терна, убивал, спасал, защищал... Гашиш, плант, чарс — большинство из нас, к счастью, только предполагают, что это. Ими он, случалось, поддерживал свой дух. Мать и жена знают, как страшно он кричит по ночам. Он вернулся с длинным перечнем хворей и стал сильнее, старше не только своих однополков. Но слишком часто забывает он о самом главном для того, чтобы выжить, — о страхе. Бояться он не привык.

— Скажи, что самое страшное на войне?

— Когда человек умирает. Особенно вначале... Первый раз увидел, когда пересекли границу. Мы ехали, а он лежал у дороги с вывороченными кишками, душман. Потом погиб наш и еще один погиб, а потом привыкаешь, что ли... Здесь на похороны ходить не могу. А там тащишь на себе труп, случалось сразу двоих, и ничего. Родные. Только бы дотащить... Только бы... Рубашка насквозь в кровище, слиплись, как срослись. И руки в крови, и голова в крови... А за что?

— Прошу тебя, хватит. Не надо больше.

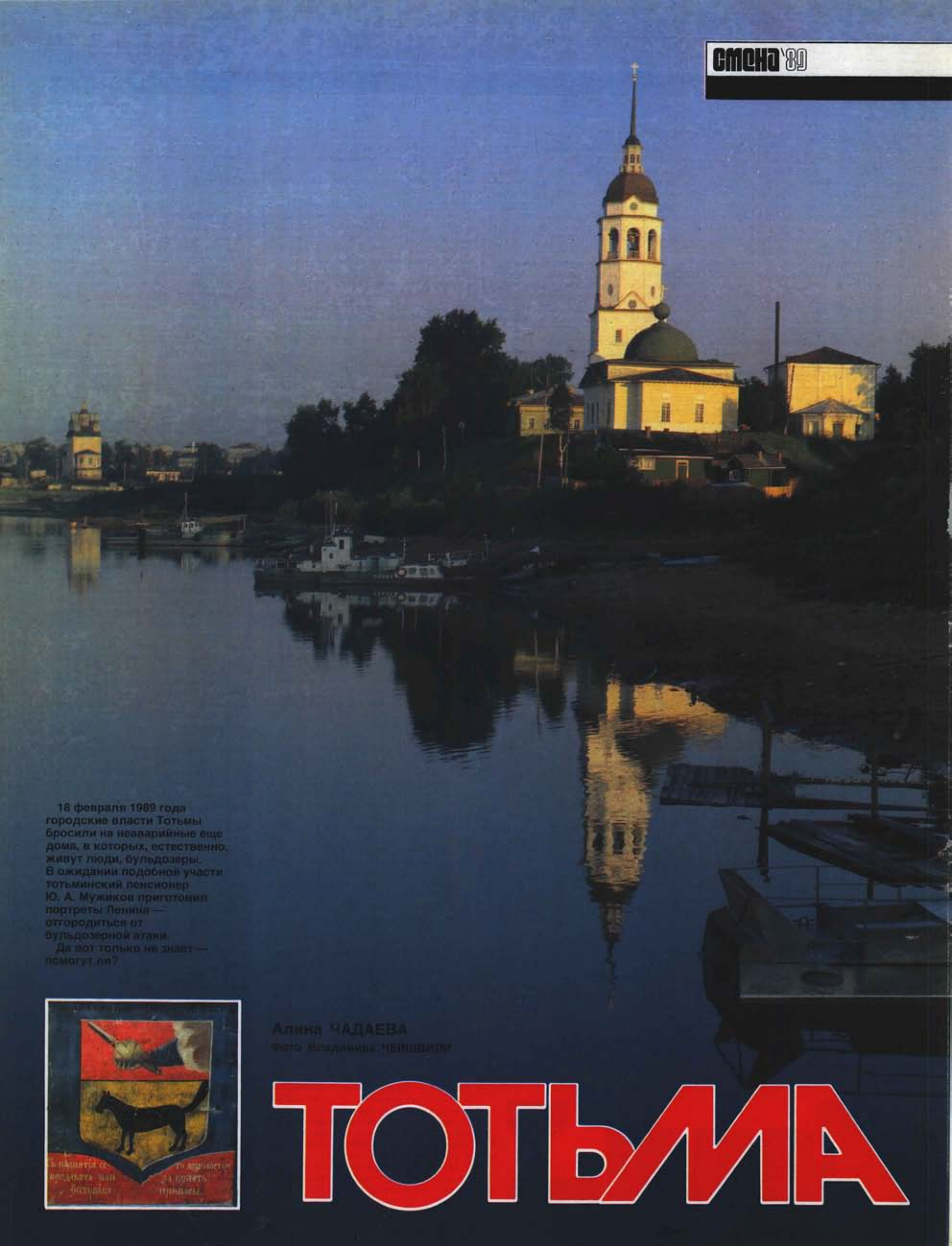
— Конечно. Только нам с этим жить... Прости.

...И на третий день шел дождь. Под зонтиками коротали время старушки, в столовой гремели посудой и пахло унылой диетической пищей — «оздоровительный конвейер» действовал.

А в центре санатория у гипсового монумента увядал букет тюльпанов. Да, вспомнила, ведь вчера здесь по заказу Белсовпрофа снимался рекламный фильм о центре.

Говорят, эти цветы подарили «афганцам». В кино.

СВОИМ



18 февраля 1989 года городские власти Тотьмы бросили на неаварийные еще дома, в которых, естественно, живут люди, бульдозеры. В ожидании подобной участи тотьминский пенсионер Ю. А. Мужиков приготовил портреты Ленина — отгородиться от бульдозерной атаки. Да вот только не знает — помогут ли?



Алина ЧАДАЕВА
Фото Владимира ЧЕШОВИЦЫ

ТОТЬМА



видно, это место. Не для суеты. Зреют в городе милосердные силы, готовясь попечительствовать, спасать. Да, денег мало: реальных восемьдесят тысяч в год на всю реставрацию. Но я видела, с какой болью принимают нынешние беды монастыря учитель В. П. Спажев, сотрудники музея, горожане. В этом сердечном движении, искреннем горестном сочувствии оскорбленным святыням, на мой взгляд, залог и начало воскрешения живой жизни предков, а не просто реанимация «памятников культуры».

Идея краеведа Станислава Зайцева — возродить былую международную значимость Тотьмы, вернуть смысловую память ее гербу, на котором по золотому полю бежит черная лисица, какую и не видывали в нынешних здешних лесах. С тихоокеанских островов переселилась на герб аспидная красавица из «Русской Америки». Сто семьдесят семь лет назад на калифорнийском берегу, пишет С. Зайцев, застучали русские топоры, положив начало крепости Росс — удивительному памятнику, обозначившему самую южную точку проникновения русской культуры на американский континент. Далеко не благоденствующих, а подчас и голодающих русских поселенцев Форт Росс предназначен был снабжать продуктами со своих угодий и через торговлю. Основателем его был тотмич Иван Александрович Кусков, мореход и судостроитель, коммерции советник и дипломат, исследователь и умелый организатор.

Умна была императрица Екатерина II, всячески поощрявшая движение

Поругание родной земли испокон веку было болью поэтов. Но как бы ни повергали колокола, их благовест воскресал: раскаленной добела тревогой строк; трагедией судеб, что оборачивалась посмертным признанием. Памятники — свидетельство прозрения живущих. Признание вины. Способ покаяния. Провидчески точен Николай Рубцов, слышавший неистребимость соборных, всенародных звонков, отозвавшихся эхом как в луговых колокольчиках России, так и в окающем вологодском говоре. На виду уж третьего поколения российских граждан именно отсюда разносятся по белу свету воззвания к исторической совести.

Позволительно ли сказать: публицистика красоты? Но именно такой я чувствую поэзию Николая Рубцова. Каждая его строка — припадание к ранам отеческой пахиты, врачевание иссеченной памяти, соединение двух великих понятий: Россия — Русь. «Храни себя, храни!» — обращенное к родине завещание. Судьба Рубцова, ныне одинокого сидящего в бронзовых одеждах на высоком берегу Сухоны в Тотьме, похожа на судьбу светлой свечой вознесенного к нему тотминского Входа-Иерусалимского храма. По велению вельможных рычагов в рубцовские времена в нем гнали «вермут», а ныне собираются перейти на безалкогольный лимонад. Горы угля чернят непорочную белизну стен. Механизмы сотрясают их изнутри. Прежде тихую церковную площадь линчуют колеса гигантских машин да брань пьяниц — водочный магазин прилепился возле храма, видимо, в качестве наглядного пособия по атеизму.

Судьба святынь наших определяет судьбу нации. Так всегда было на Руси. На духовный, незримый оплот наши предки полагались больше, нежели на видимую незыблемость крепостных стен. Не потому ли пришел на тотминскую землю, замученную трехлетним нашествием казанских татар, смиренный монах Феодосий Суморин? Отнюдь не сразу духовным назидателем. Ис-



полняя послушание, отправился из Прилуцкого монастыря в соседние с Тотьмой Варницы — варить соль.

«Постом и бдением, и власным одеянием, и веригами тело свое удручил еси», — поет слова тропаря псаломщик Иван в Троицкой церкви Тотьмы, выкликая из людского беспамьятства и небрежения замечательное имя, в лихое российское средневековье просиявшее на тотминской земле. Да и сам монастырь восстает из небытия усилиями местных реставраторов, возрождая не только имя его основателя, но и зодчего Василия Казакова, по чьему проекту был возведен, а ныне воссоздан Вознесенский собор.

Правда, лучше пока смотреть на него издали, с холма, ибо вблизи непереносимы следы нашествия «иных времен татар». Трос стягивает петлей зубцы монастырской стены. Еще недавно, привязанный к трактору, он крушил их, воруя кирпичи собственной истории. Свалки, Засыпанные источники. То пожар полыхает здесь, то провалится «сквозь землю» лишенное фундамента строение. Не для суеты предназначено.



...— Нет, если бы тогда, в середине 70-х, я бы мог рассчитывать поиграть после тридцати в каком-нибудь зарубежном клубе, я бы выкладывался, я бы себя в узде держал... А так... Из сборной я в двадцать пять окончательно вывалился, знал, что больше не возьмут. «Калев» наш таллинский до призовых мест дотянуться объективно не мог, но и из высшей лиги не выпадал — золотая, словом, во всем середина. А это не слишком-то стимулирует. Так я потихоньку и закончил, не доиграв и до тридцати.

Анатолий Крикун, экс-чемпион Европы по баскетболу и олимпийский призер, теоретизирует. Какие зарубежные контракты в 70-х? Откуда им взяться? Правда, лет пять назад не только болельщики, но даже специалисты были порядком шокированы, когда узнали, что не высшего всесоюзного класса футболист из ленинградского «Зенита» Анатолий Зинченко в эти самые 70-е целых три сезона тайком-молчком провел в венском «Рапиде», самом что ни на есть профессиональном клубе. Тот первый в отечественной истории профессиональный контракт окутан туманом и по сей день — наше прошлое умеет беречь свои тайны. Но когда три года назад из «Торпедо» отправился в тот же «Рапид» Сергей Шавло, эпоха гласности в нашем спорте уже наступала.

Вслед за первыми ласточками и другие стали вылетать из родных гнезд целыми стаями — да здравствует коммерция на спортивном фронте! И сегодня уже трудно посчитать, сколько же «наших» играет за границей. Гораздо легче выяснить, на каких условиях они это делают. «Я был бы совсем не против поиграть в Америке, но только не на тех условиях, которые предлагаются советским спортсменам советскими чиновниками при заключении контракта профессионального игрока».

Такое заявление сделал в печати накануне сеульской Олимпиады Шарунас Марчюленис, один из премьеров нашей баскетбольной команды. И выразил он этими словами, бесспорно, не только свои мысли. Ибо с первой же тренировки в составе своего нового клуба наши игроки знакомятся со своеобразной теорией относительности — приглашенные в эти команды отнюдь не на последние роли, реальную плату они относительно новых партнеров получают многократно меньшую. Но вот относительно работающих за рубежом советских специалистов спортсмены находят не в столь неравных материальных условиях.

В прошлом году нашу общественность, и не только спортивную, всколыхнул контракт футболиста киевского «Динамо» и сборной страны Александра Заварова со знаменитым итальянским «Ювентусом». Причем не столько сам факт подписания контракта, сколько его невиданно-неслыханная сумма — 5 000 000 долларов! Пять миллионов — и что же, все футболисту?

Два миллиона, как известно, пошли бывшему клубу Заварова, еще два — Госкомспорту СССР (так его сотрудники оценили свои посреднические услуги), а один, по логике, должен был достаться самому игроку — имеет право человек получить пятую часть предложенной за него суммы, сколь бы высокой она ни была? Иметь-то, может, и имеет, но это по нашей с вами логике. А Заварова за границу отправляли не мы, а люди, не допускающие даже мысли о том, что какой-то там футболист будет получать в несколько раз больше сотрудников посольства. И за что — подумаешь, мяч по стриженной лужайке каждый день покатаешь выходишь! В Италии!!! Хватит ему и тысячи долларов в месяц. За глаза хватит. Это был не первый случай, когда отечественные

чиновники выиграли битву за свой престиж, а Заваров из одного из номинально самых дорогих игроков итальянской лиги стал самым низкооплачиваемым. В утешение ему осталась все та же теория относительности.

Вот и Марчюленис не хотел получать унижительные пять процентов со своего контракта. И открыто заявил об этом. По прошествии некоторого времени ему дал пространную отповедь в печати один из ученых Литвы, заявивший, что спортсмены окончательно заелись, баснословные свои барыши в Союзе уже и считать не желают, только за границу им теперь подавай, да на каких еще условиях! А он вот много лет уже в очереди на мебель стоит, и никакого там движения не наблюдается. Так где же она, справедливость?

Мнения в республике тогда разделились. Кто-то взял сторону спортсмена,

кто-то — ученого. Первые твердили, что раз человек может принести государству многие и многие тысячи столь необходимой ему сейчас валюты, надо воспользоваться такой подвернувшейся удачной возможностью, но не работая при этом почти целиком на «дядю» — хватит, сгинули уже долгие времена «нашего, самого голого в мире энтузиазма». Вторые с ними не соглашались — почему кому-то и там, и здесь хорошо должно быть, а кому-то десятилетиями за его квалифицированный труд не доплачивают. Он, ученый, может, и за границей-то никогда не был!

Никита Михалков как-то сказал, что если в нашем обществе не получается обеспечить чем-либо всех, то неохваченные будут довольны уже тем, если у остальных этой самой обеспеченности поубавится. Психология «уж я-то там за

эти тыщи мячик и в кольцо бы позабрасывал, и в ворота позабивал, ни разу не смазал, будьте уверены» родом как раз оттуда, из недр пресловутой уравниловки. Если я чего-то не имею, давай всех ставь на мою доску, если я чего-то добился, то как же это кто-то будет получать еще больше меня?! Да и за что, опять же!

— С командами, в которых я играл, за границу выезжали, сколько я помню, руководители всех возможных рангов, — рассказывает Марчюленис. — И большинство из них почему-то предпочитало пить, например, воду из-под крана, хотя бутылка кока-колы всегда стояла в барах отелей, где мы останавливались, сущие копейки — ящиками можно было покупать. И при этом все время косились на нас — куда и как мы тратим свою валюту. Честно, между прочим, заработанную, неворованную. Я их вовсе не осуждаю — каждому, как известно, свое, но рассказы про «наших за границей» давно уже стали притчей во языцех. Но почему они-то сами так любят при каждом удобном случае осуждать других? Почему в Союзе только и слышишь от них такие правильные патристические речи на каждом шагу, а за рубежом все оборачивается совершенно не связанными со словами поступками? И почему во мне, всеми правдами и неправдами ограничивая сумму выплаты от моего же контракта, они так хотят видеть себе подобного?

Не знаю, известно ли вам, что на Западе существует строгий, до мельчайших подробностей определенный статус профессионального спортсмена. Согласно ему, он не может появляться в дешевых магазинах, в плохих ресторанах или останавливаться в отелях «третьей наценочной категории». Такие его действия подрывают престиж команды, за которую он играет и хозяева которой платят ему несколько прожиточных минимумов (а «звездам» — и максимумов). Неплохо, наверное, вернулся бы в Италию Заваров на свои миллионы. Или наши теннисисты, получающие — опять же большей частью номинально — свои тысячи, перестали бы наконец посылать врачей и массажистов в сосисочные за углом и выкраивать из своих суточных деньги на перетяжку струн ракетки. Но пока их имидж не слишком-то соответствует их профессионализму, пока они самые что ни на есть типичные «наши за границей», с той только разницей, что через их руки проходят громадные суммы, оседающие затем где-то в чиновничьих кабинетах.

— Да скажи мне, что часть заработанных мной средств пойдет, к примеру, на строительство в Вильнюсе Дворца детского спорта, разве стану я «зажиматься»? — пытается по-прибалтийски хладнокровно рассуждать Марчюленис. — Но только чтобы Дворец этот действительно построили, и я бы его увидел. Хватит этих нескончаемых абстрактных жертв «на расширение, на дальнейшее развитие массового спорта». Где оно, расширение, и где развитие — кто его видел? Кто-то опасался, что Марчюленис начнет получать больше его, не обладая при этом всеми необходимыми атрибутами — секретаршей, кабинетом, «персоналкой». Мир тогда перевернется! Все наши представления о том, кому положено у нас жить хорошо, станут с ног на голову. То, что я сам, добровольно всегда готов что-то отдавать — в разумных, естественно, пределах, — в расчет не принимается. Логика проста: черт с ней, с этой валютой, лишь бы он больше меня не получил. У меня, оказывается, свое, строго определенное место в расписанной снизу доверху жизненной иерархии, и выше его прыгать и думать не смей!

Престиж страны волнует чиновников

НАШИ ЗА ВАЛЮТУ

Сергей МИКУЛИК

Коллаж Владимира Зайцева



куда меньше собственного. Разве есть дело какому-нибудь минфиновцу до вынужденного хождения наших спортивных звезд по магазинам уцененных товаров? Да он бы на Западе с этими деньгами... Ан нет, должен сидеть тут, чужие контракты просчитывать. Скинем-ка еще процент «на руки» — глядишь, и небо московское за окном поглубело...

Хозяева иностранных клубов уже в достаточной степени ознакомились с ситуацией, в которую попадают приезжающие к ним играть «наши», и вынуждены ломать голову над дополнительными затратами, контрактом не предусмотренными. Им ли объяснять, насколько разной будет отдача от игрока, получающего за матч, скажем, тысячу долларов или десять, но не тысяч, а просто десять. И в ход идут различные подарки, кредиты, открытые счета в магазинах. Наши чиновники здесь, узнавая об этом, испытывают двойственные чувства — с одной стороны, соотечественники не питаются там одними дешевыми апельсинами с базара (а бывает и так, если верить нашей выдающейся баскетболистке Ульяне Семенович), а с другой — и здесь, глядите-ка, приспособились. Чего бы такого им еще срезать...

Много ругают в этой связи Госкомспорт. И частью — вполне справедливо. Но непосредственно зарубежными контрактами занимается у нас другая организация — «Совинтерспорт». На сегодняшний день она действует по следующему примерно принципу: за игрока такого-то из такой-то страны нам предлагают такую-то сумму. (Нужна вам валюта — нате, берите.) «Совинтерспорт» делает вид, что задумывается, и затем в десяти случаях из десяти объявляет: мало. (У капиталистов этих денег — куры не клюют, мы то знаем, а они гроши предлагают, обьегорить нас хотят, за простакон держат. Да не на таких напали!) Мы десятилетиями считали (и писали), что мастерство товаром не является, и теперь вот, когда вынудили нас признать обратное, понятия не имеем, даже приблизительно, во что может оцениваться на мировом спортивном рынке тот или иной наш отечественный мастер. Кто-то когда-то пустил слух, что с первыми контрактами мы изрядно продешевили (а поди проверь, если нет в стране таких специалистов, ни одного нет!), и теперь вот мы с ходу заявляем всем, пытающимся, по нашему твердокаменному убеждению, нагреть на нас руки — мало! Давай валюту, больше валюты давай!

Капиталисты, как известно, люди деловые. Но еще и компетентные в этих самых делах. И когда за какого-нибудь не высшей марки баскетболиста заламываются такие суммы, что с лихвой хватило бы приобрести двух Сабонисов, они лишь в недоумении разводят руками. (А мы-то слышали, будто с вами партнерствовать можно. Нет, ребята, и своих, и чужих обирать — это, знаете ли, слишком.)

Если уж мы не умеем собирать валюту, то куда нам до умения ею распоряжаться. По заверениям ее «приемщиков», значительная часть идет на улучшение массового спорта. Как там Марчоленис-то говорил?... Да нет, кто-то это «расширение», оказывается, видел. К сказке Андерсена ведь тоже можно относиться по-разному. Или встать на сторону мальчика и сказать правду, или — строго по ранжиру — втиснуться в свиту короля и восхититься его платьем. Но сегодня сторонниками блеска и красоты наряда Его Величества народного спорта остаются, пожалуй, лишь номенклатурные работники, отнюдь не мнимые одежды которых сшиты как раз на те самые средства.

Тогда, может быть, большой спорт что-нибудь выигрывает? Давайте посмотрим.

Посмотрим, к примеру, на всесоюзный баскетбольный чемпионат. Как вам это зрелище без отравившихся или отравляющихся за рубежом Сабониса, Волкова, Марчолениса, Белостенного, Куртинайтиса, Тараканова, Хомичоса, Эн-

дена? Не пресновато ли? Нам все талдычат, что вся политика этого самого большого спорта исходит прежде всего из зрительских интересов — так где же, простите, в этом случае наши с вами запросы? На каком месте?

Весь цивилизованный спортивный мир давно уже встал на путь экспорта-импорта игроков. Нам объясняют, что до второй половины мы еще не доросли. Но из объяснений, как принято говорить в таких случаях, шубу не сошьешь. Тем паче — из невразумительных объяснений.

Мы, отдавшие за рубеж треть нашей действующей футбольной сборной, видели ли хоть один-единственный матч своей «звезды» за ее новую команду? Ах, телетрансляции нынче дороги... Но, простите, с заваровских миллионов это были бы доли процента, и для пущей важности такой вариант можно было бы обговорить непосредственно в контракте. Или, боясь продешевить, мы и думать забыли об этой возможности?

Кто вообще умеет их у нас заключать, контракты? Твердые — еще да, а вот гибкие? Получая валюту и обещая пустить ее, скажем, на приобретение формы для детско-юношеских спортшкол — разве не проще обговорить часть оплаты за игрока непосредственно этой самой формой, в натуральном ее уже виде? Если действительно хочется ее приобрести — да, проще. Тогда, правда, меньше останется на «расширение и дальнейшее развитие»...

— Я больше не верю в эти разговоры, ибо за годы, проведенные в большом спорте, вдоволь насмотрелся на всяких «распределителей», — сказал мне Игорь Ларионов вскоре после подписания контракта с канадским хоккейным клубом «Ванкувер Кэнакс». — Вот получу первый гонорар, сам куплю детскую форму на несколько команд и лично перешлю в Воскресенск, где я вырос и где меня научили хоккею. А если денежный взнос сделать — валютного счета у подмосковной ДЮСШ ведь нет как нет, вот и пристроят эти денежки чиновники на свои нужды — только все их и видели. Днем с огнем потом не найдешь.

Да что детская форма! Тот же хоккейный ЦСКА, богатейший по логике клуб, (организацию-то какую представляют!) на суперфинальный матч прошлого года против «Крыльев Советов» выходил в форме, собранной в прямом смысле с миру по нитке. Одних рейтуз набралось девять видов. Девять! Через полгода, во время турне по Северной Америке, известная фирма «ССМ» не столько в рекламных целях, сколько из жалости, одела наших чемпионов. А после стокгольмского чемпионата мира в мае 1989-го представителям ЦСКА на приеме в честь победы в Министерстве обороны сообщили, что один западногерманский коммерсант из любви к их команде, за которую долгие годы заочно болеет, закупил ей формы на 60 тысяч долларов — а то он слышал, что у нас с этим сложности. Такую-то подачку — как не принять!

— Если он действительно от чистого сердца все сделал — низкий ему поклон и спасибо, — сказал, уходя из ЦСКА, Ларионов. — Если же таким образом от налогов «убегает», что в таких случаях чаще делается, — тоже молодец. Нашему бы чиновничьему аппарату такой оборотистости научиться.

— Валюту за проданного игрока должен получать прежде всего его клуб, — убежден Олег Протасов, к чьей персоне не первый сезон проявляют всевозрастающий интерес хозяева итальянских и испанских футбольных клубов. — Ведь он становится слабее, теряет зрителей. И дело его руководства, как этими деньгами распоряжаться — пригласить кого-то взамен ушедшего лидера или бархатные кресла расставлять для зрителей на трибунах. В футбольном деле к руководству у нас наконец-то пришли профессионалы, и они, я уверен, сумеют распорядиться этими деньгами с максимальной пользой.

Если говорить о киевском «Динамо»,

нынешнем клубе Протасова, то он хотел, отправив в другие страны Блохина, Заварова, Балтачу, Евтушенко и Раца, пригласить к себе одного-единственного игрока — полузащитника сборной Чехословакии Вейса. Но натолкнулся при этом на такую массу невообразимых сложностей, что вынужден был пока отступить. Посмотрим, чем закончится новая попытка вернуть на стадион уходящих с него болельщиков.

Возможным последователем Вейса разрешению на переход, правда, обещают давать быстрее, и вообще нам обещают скорое появление многих Вейсов на наших полях и площадках, взамен отданных за рубеж (не считая киевлян) Шавло, Дасаева, Хидиятуллина, Бубнова, Пригоды, Гаврилова, Буряка, Андреева, Хлуса и других, но пока мы имеем бывшего капитана болгарской футбольной команды «Берое» Тенько Минчева, сыгравшего по состоянию на середину июля в составе команды второй лиги «Крылья Советов» из Куйбышева... один полный тайм. Я ни в коей мере не хочу упрекать 34-летнего ветерана за допущенную им на предсезонных тренировках неосторожность, приводящую к травме — тем более что свои оговоренные контрактом 500 рублей он продолжает ежемесячно исправно получать, — но какой-то не слишком равный получается эквивалент...

Я не случайно указал возраст Минчева. Из всех наших старше его только Буряк с Гавриловым. (Олег Блохин, как известно, 28 июня провел свой прощальный матч.) Вопрос о том, с какого возраста может советский спортсмен начинать поглядывать в сторону зарубежья, рассматривался и обсуждался у нас в кругу специалистов. Каких именно, вам едва ли кто скажет, но было объявлено, что специалистов. И наконец «Совинтерспорт» оглашает вердикт — футболисты могут покидать страну по достижении 29-летнего возраста. Так научно обосновано.

Ну что ж, научно так научно. Но через пару месяцев после этого все объясняющего заявления взял да и уехал в Италию Заваров. В неполные 27. Естественно, через «Совинтерспорт». Что, мешок с пятью миллионами заморозил? Перевесил на чаше инстинкту, которую, морща лоб, создавали в своих трудах «специалисты»? Они у нас многопрофильные — сами создали положение, сами в нем лазейку и отыскали. «Может» ведь не значит «должен», верно? Именно так они непонятливым и ответили. Таким замечательно гибким документом незамедлительно начали пользоваться и баскетболисты — чем они в самом деле хуже. Были, правда, разумные предложения настоящих специалистов — тренера сборной Гарастаса, претендента на это звание, тренера московских армейцев Белова сохранить костяк национальной команды — игроков 1964 года рождения — в нашей стране до Олимпиады 1992-го. А потом — пожалуйте, пусть уезжают в свои 28. Но нет — стране вот, оказалось, нужна валюта. Сейчас. Я понимаю, как интересно поиграть Марчоленису в Америке и как нужно Сабонису окончательно залечить третий год не дающий ему покоя ахилл в Испании. И верю, что их туда влечет не только высокий гонорар, в конце концов они и у нас далеко не бедствуют. Но мы-то здесь что имеем взамен? Долларовый шельст в тиши кабинетов?

Легко, конечно, брать то, что лежит на поверхности. Легко продать «звезду» (называя при этом ее стоимостью натурально с потолка), которая в расцвете. Но поступали ведь к нам предложения и иного рода. Хотела же испанская «Гранада» пригласить к себе на лечение — в первую очередь — и, возможно, потом и для игры другого нашего многострадального баскетбольного гиганта, Владимира Ткаченко. Вот и помогли бы человеку, товарищи чиновники, тем паче, что вам бы это ничего не стоило — инициатива-то на Пиренеях родилась. Естественно, что за большого насквозь Ткаченко предлагали меньше, чем за находящегося в расцвете Заварова, так вы хоть мнением самого чело-

века поинтересовались? Нашли возможность оторваться от дел государственной важности и поговорить с ним между его мытарствами от Николая Касьяна к Валентину Дикулю? Да нет, зачем он вам с его невеликими тысячами. Вот миллионы отхватить — это другое дело. Сидеть вот и ждать, когда тебе их принесут, — работа. Специализация. Своего рода профессионализм.

Посредники, они ведь иногда что-то делать должны. Западники, те, когда узнают, какой процент берут наши оформители, любые деньги готовы заплатить, сверх контрактных, чтобы хоть одним глазом на них взглянуть, искусству менеджерскому поучиться. А видят, бедняги, что? Слава богу, пока хоть неустойки за такие смотрины не выставляют...

Но некомпетентность, она рано или поздно наказуема. Корыстная некомпетентность наказуема вдвойне. Первым тревожным звонком для разветвленного посреднического аппарата стал отъезд за океан Марчолениса. Принципиальный и настойчивый Шарунас добился-таки своего. В апреле, сразу после решения конгресса Международной баскетбольной федерации о праве выступать на следующих Олимпийских играх профессионалам, на него вышли представители клуба «Голден Стэйтс Уорриорс» из Сан-Франциско. Предварительные переговоры не слишком затянулись — Шарунас дал согласие на подписание контракта. А оформление его происходило уже без всякого участия «Совинтерспорта» — исключительно по республиканским каналам, через ОВИР. Так защитник из вильнюсской «Стативы», первым сумел отбиться от нападения многочисленных псевдобескорыстных посредников и добровольных ограничителей, так мечтавших отправить его за океан налегке. За ним последовали хоккеисты Сергей Стариков и Вячеслав Фетисов. Интересно, каким уроком послужат нашим чиновникам эти случаи? Последствия их, как вы понимаете, могут быть самыми непредсказуемыми.

К примеру, будет «не рекомендовано» кому-либо куда-либо вообще выезжать. Или же мы пригласим всю команду из Сан-Франциско поиграть здесь за наши рубли. Когда Минчева поначалу донимали вопросами о мотивах его приезда именно в нашу страну, то напирала в основном на интернациональные дружеские чувства. И лишь раз кто-то неосторожно обмолвился о высоком гонораре. «Ну что вы, — снисходительно улыбнулся болгарин. — Мои бывшие партнеры в других странах получают совсем другие деньги. И все больше, знаете ли, в конвертируемой валюте. У нас этот ход давно наработан. На тех же условиях и приглашаем людей — тоже давно». (В Болгарии сейчас играют два наших баскетболиста, Владимир Жигили и Раймондас Чивилис, в прошлом известные на международной арене.) Или выключим еще у кого-нибудь немного такого дефицитного инвентаря и обрядим в него наших чемпионов. Или прочтем еще разок Эйнштейна с Андерсеном и сделаем, как у нас водится, все наоборот. «О, эта загадочная русская душа! — в который раз разведет руками остальной мир. — Эти наши неистощимые на выдумки партнеры. Вот пока-зывать бы им ту нашу графу расходов — подарки, кредиты, открытые счета. Что б они, любопытно, еще придумали? Нет, что ни говори, а все-таки с ними дело иметь всегда интересно...»

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы разделяем озабоченность автора статьи о положении советских спортсменов, заключивших контракты с зарубежными клубами. И в то же время понимаем, что «Совинтерспорт» — организация новая, неустоявшаяся, которой выпало торить дорогу в совершенно новом для нас направлении. Но тем не менее хотелось бы услышать от руководителей «Совинтерспорта», какие конкретные шаги и как скоро намерены они предпринять для изменения ситуации. Ведь дальше так продолжаться, согласитесь, не может...

новоявленных мореходов значительными ссудами, почетными листами, возведением в дворянское достоинство. «Премножение пользы» для государства Российского она видела не только в присоединении земель и стоимости чернорунных лисиц, но, может быть, прежде всего в дружеском познании народом народов.

Жива ли в наши дни инерция дружеского движения, заданная более двух столетий назад? В бывшей «Русской Америке», проданной в 1867 году Соединенным Штатам, жива. Форт Росс — ныне национальный парк и памятник штата Калифорния. Есть общество «Друзья Форты Росс». Станислав Зайцев не расстанется с присланной им медалью, отчеканенной в честь Ивана Кускова. И не устает цитировать выступление профессора Роктянского из Калифорнийского исторического центра: «Представители многих национальностей мира внесли вклад в создание и развитие США, ...нельзя забывать и о той лепте, которая принадлежит русским». «Лепта, — продолжает его мысль тотеминский краевед, — надо сказать, существенная. Штат Аляска — бывшая Русская Америка — по территории составляет более шестой части США».

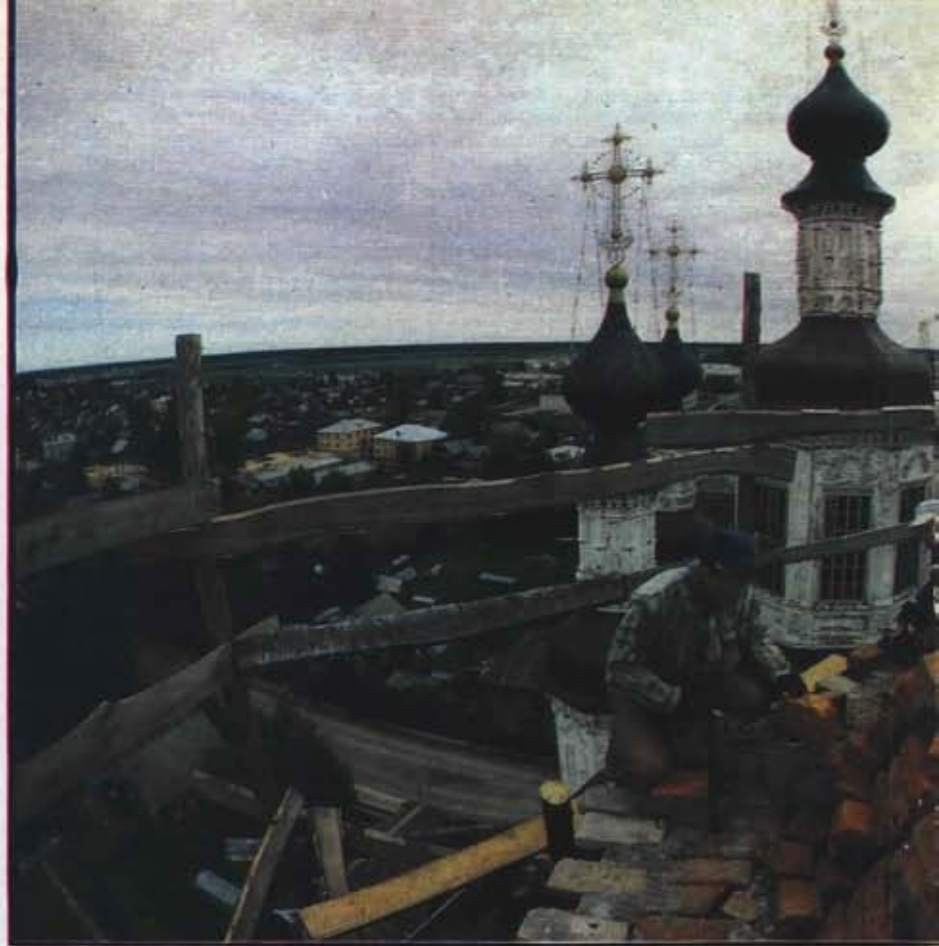
По выстраданной историей идее Тотьма и Форт Росс не просто побратимы — кровные братья. Однако «брудершафт» двух городов через океан пока не состоялся. Американцы бы и рады: передают с окаязией то материалы по

реставрации дома Кускова в Россе, то открытки Форты. А что Тотьма? А ничего. Ответных жестов вежливости со стороны градоначальства, занятого повседневностью, не наблюдается. Один С. Зайцев, поддержанный музеем, переживает крушения и штормы, пытается пробиться сквозь мертвую зыбь близорукости чиновников, чтобы дотянуться до протянутой через океан руки и скрепить столь насыщенное во все времена дружеское пожатие держав.

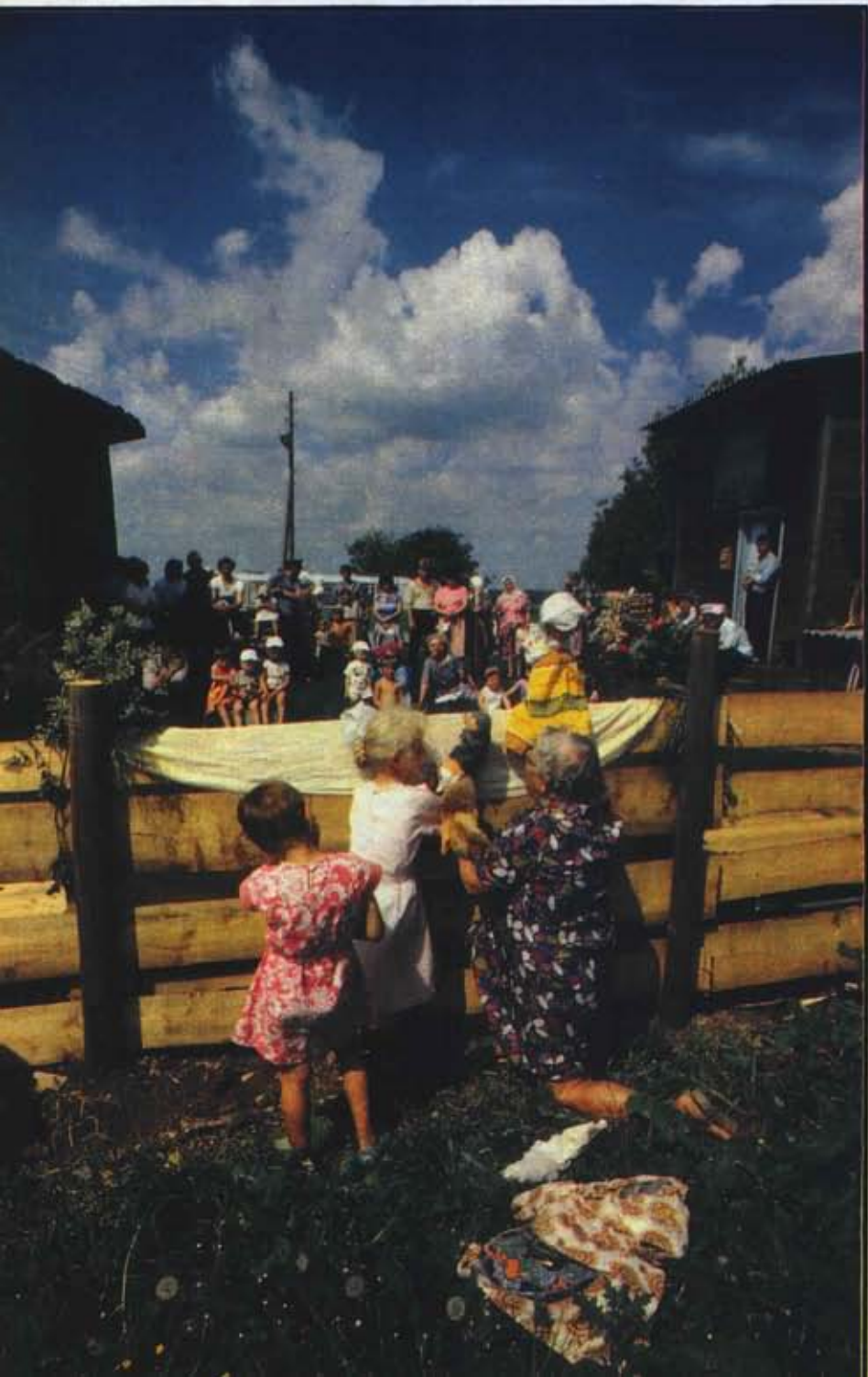
Судьба готовила его к подвижничеству заранее, полня душу его любовью к людям далекого континента. «Вы поймете мой интерес к Америке, если узнаете историю моей семьи», — сказал он корреспонденту журнала «Soviet Life». Отец Станислава, без вести пропавший в войну, как оказалось, при побеге из плена был тяжело ранен эсэсовцами. Истекающего кровью, его подобрала входившая в немецкий город американцы; переправили во Францию, в госпиталь. Спасли жизнь.

Если быть деловыми людьми, то трудно ли подсчитать, какие прибыли принесет Тотьме хорошо организованный международный, в частности, американский, туризм? (Если при этом государство не будет стричь купоны с туризма «под самый корешок».)

Городское и районное начальство парировало мои благие пожелания контрдоводом: где размещать заморских гостей, если в городе нет гостиниц высокого класса, и что показывать, если уникальные строения то сносятся, то



Окончание. Начало на 12-й стр.



валятся? А вот это и показывать. Сотрудница британского посольства в Москве Кэйт Кук и Кэйт Маррели из Канады, увидев зимнюю красоту улиц Тотьмы с уютными запахами березовых дымок из труб, восхищенно восклицали: «Тотьма — живая. Суздаль — слишком музей, в нем этого нет». Живая жизнь с ее бедами, прорехами, настроением вызовет куда более сердечное движение иноземных душ, нежели прибранные, парадные формой, но выхолощенные в изначальном их назначении и сути памятники.

Я гость не заморский, на всякое в отечестве своем насмотрелась, и то корчилась от стыда и боли, увидев, в каком непотребстве год назад вернули верующим храм нынешние власти, да и то чиня препятствия, страдая людей, вознамерившихся вступить в церковную общину. Бесчинства, учиненные над храмом, нельзя списать только на злую волю одержимых 30-х годов. Еще вчера речной порт ремонтировал здесь свои механизмы, захлывав, прокоптив, изувечив пространство внутри и вне храма. А когда мастерскую перевели в другое место, начальник порта приказал пригнать к бывшему пирсу кран и извлечь бетонные брусья, укреплявшие поднятую над берегом площадку возле церкви.

Не прямая ли в этих злых деяниях «преемственность поколений», способных сровнять кладбище под танцплощадку, а святыню превратить в отхожее место?!

Трубами крематория — без куполов, без крестов обращена к небу Троицкая церковь, о которой сохранились летописные записи в фондах местного музея. «Строение здания, — пишется в них, — начато в этом году (1768), приведено в совершенное окончание через двадцать лет. Произведена сия работа преимущественно на средства и капитал благочестивого прихожанина Степана Яковлевича Черепанова, принятого в Камчатке в компанию на судно...»

Мир праху твоему, благочестивый тотемич Степан. Сегодня детище твое в надежных руках. Да и что в России может быть надежнее старушечьих рук! Тирания ли, застой ли, война или разруха — ими держится и обогревается большая душа народа. И ныне с великой скорбью и великой радостью приняли на свои плечи заботы о полуразрушенном храме старые женщины Тотьмы. Побрели по домам в городе, в окрестных и дальних деревнях — просить милостыню на восстановление Троицкой церкви, которую власти не постеснялись отдать — изувеченной — в материнские руки.

Вот бы куда следовало С. Зайцеву водить экскурсии приезжих. Пусть поглядят, как теплятся свечи, поставленные за немением подсвечников в эмалированные миски, наполненные зернами овса, в какой нищете пребывает живая живых Тотьма и каким светом теплятся лица прихожан среди отступающего запустения. Может, найдутся еще



доброхоты, пожертвуют на возрождение памятника веры, тем более что открыт для этого расчетный счет. Его адрес: Тотьма Вологодской области, Агропромбанк, расчетный счет № 70102.

Возвращение национального самосознания — признак выздоравливающей жизни в некогда прекрасном русском городке. Многие стали понимать вечную ценность духовных ориентиров, воплощением которых было и каменно-деревянное зодчество. История не раз авансировала тотмичей, направляя распадающуюся на мелочи повседневности к цели государственно значительной, стратегической.

И. А. Кусков, чей дом ныне восстановлен и грядет быть музеем славного тотминского мореходства, приумножил достояние России за ее пределами. Сейчас — начало обратной миграции идей и людей. В Тотьму воротился, разворотив свое ленинградское благоденствие, уроженец деревни Варницы Владимир Замараев. Отдал жилье, оставил прорабскую работу на стройке, отказался от перспективы стать начальником стройучастка. Это в Питере-то! Архимедовым рычагом, перевернувшем мир и биографию Володи Замараева, было интервью С. Зайцева, попавшее на глаза десяток лет назад.

— Тогда поразило, — сказал Владимир, — что я ничего не знаю о своем родном городе. Началась резкая переоценка ценностей. Возникла цель: участвовать в возрождении Тотьмы как го-

рода-музея-заповедника.

И вот уже наравне с Зайцевым штатный экскурсовод музея В. Замараев водит экскурсии по городу и окрестностям (замечу — почти бесплатно), заканчивает заочно пединститут, а пока обучает будущих каменщиков, столяров, плотников в учебно-курсовом комбинате. Мечтает о возрождении всероссийски известной школы ремесел, просуществовавшей в Тотьме до конца 20-х годов.

Держава наша сегодня подобна кораблю, получившему много пробоин. Не знаешь, какую затыкать. Первоочередная брешь — сельскохозяйственная. Естественно, что основные силы Тотминского района сгруппированы под девизом: накормить — значит выжить. Выработана рациональная тактика: воинская часть учится строить гражданские дороги. Кроме дорог, прокладываются пути возрождения вологодской деревни. Понятию КРЕСТЬЯНИН возвращается изначальный смысл. Не по инициативе «сверху», всегда представляющей собой приказ. По желанию русского мужика. На селе появляются фигуры, кровно родственные Замараеву.

Надо было слышать овации участников районного пленума в честь репинского «Мужичка из робких», которому дали, наконец, возможность развернуться. Он действительно стратег, В. Н. Неклюдов, именующийся ныне «руководителем арендного коллектива из четырех человек». Умный, оборотистый фермер с хозяйским чувством не-

зависимости, он вложил свой капитал «на восстановление производства», купил скот, кое-какую технику. Попробовал иметь дело с колхозом «Север». Невыгодно: на откорм дают телят, которые от худобы и на ногах не держатся. Значит, будет покупать у частников. С колхозом — жесткий договор, как с партнером, без заискивания перед «благодетелем». В обмен на комбикорма — мясо. «Если не дадут, то и куска мяса не получат». Заявлено с трибуны принародно. Что ж, слушайте: хозяин возвращается на русскую землю. «Мы будем строить дома сами, разводить сады, теплицы, кур, коров, чтобы не из города везти продукты, а из деревни в город».

Не прост, не прост хватистый, деловой мужик с дворянской фамилией. Но только ли ради всеобщей «накормленности» старается, надрыгает пуп? «Люди пойдут за корыстью раз, и много два...» А ныне рифы хозяйствования в России, пожалуй, пострашнее морских. В том-то и дело, что для Неклюдова девиз: НАКОРМИТЬ — значит ВЫЖИТЬ НАЦИИ. Его слова: «Качественно обрабатывать землю — в этом суть и смысл нашей жизни. Я против вахтовых методов в сельском хозяйстве. Надо жить на земле, каждый день ее видеть».

Такая мысль от хватательных рефлексов не родится. Сама, истосковавшаяся в безгодьях земля обрела уста. Уклад крестьянской души всегда был равновелик ее материнским заботам.



Не помешать бы неключодовым, не лязгнуть рычагом хорошо смазанной бюрократической машины... Дать возможность вернуться когда-то бежавшим в отчие починки, как изначально — от слова починать — назывались русские деревни. Искусственный маневр с переселением на вологодские земли семей из Ставрополя, думаю, заранее обречен по причине такого, казалось бы, мистического понятия, как ностальгия по РОДНОЙ земле.

Появление замараевых и неключодовых — начало долгого мучительного процесса духовного и экономического исцеления нации. А пока униженные очереди за мылом, абсолютно пустые прилавки рынка, и предмет гордости: четверть килограмма масла на тотмиша в месяц (по талонам) — в других районах Вологодской области и этого нет. А ведь Тотьминский район вполне мог бы прокормить себя и райцентр, и области бы перепало, ибо есть в нем крепкие хозяйства. Да только стимул к «выполнению и перевыполнению» пропадает: львиную долю производственного продукта забирают в счет государственных поставок. По сути дела, действует система продрозверстки: чем больше доход, тем выше поставки. Даже партийная власть района в такой ситуации выглядит фиктивной. Первый секретарь райкома КПСС В. Д. Дмитриев настроен решительно против государственного вампиризма, но ему в этой системе отведена роль оратора со связанными руками.

Стереотипен конфликт между ревнителями старой архитектуры и внедрителями «серых», как в Тотье называют новостройки: «Весь город «серыми» захламили». «Плакала Саша, как лес вырубали». Некрасовская строчка в наши дни — эпиграф и к экологии зодчества. Тенденция, которую теперь пытаются завуалировать: от барокко — к бароку. И. А. Соболев в своей недавно изданной книге «Тотья» с застойным рвением салютует «массовому жилищному строительству». «На местах одно- и двухэтажных деревянных домов выросли многоэтажные дома из кирпича и бетона». Глава называется «С прицелом на перспективу». И действительно: прицельным методом в Тотье истребили несколько уникальных улиц в режимной, запретной зоне охраны культурной среды. И сейчас возводят «тихой сапой» восьмиквартирные сараи из бруса. Старый жилой фонд доведен до аварийного предела. Дома семидесяти владельцев в критическом состоянии.

В этой нелегкой ситуации мэр города С. Симонов позволяет себе разжигать страсти тотьмичей, публикуя в местной газете статью, в которой все беды относит на счет упрямства и несговорчивости производственной группы по охране памятников истории культуры при Управлении культуры облисполкома. «Как быть, если не сносить эти дома? — вопрошает он этаким демократом, будто бы советуясь с горожанами, вверенными его попечительству. — Охота мне знать мнение тотьмичей: будем дальше строить или приостановим всякое строительство в городе?» Позиция С. Симонова, мечтающего видеть на месте древнего города казармы из кубиков, плохо увязывается с ролью «городского головы». Не та, к сожалению, голова. О демократических же наклонностях председателя горисполкома свидетельствует решение № 102 об изъятии и сносе строений ничего не подозревавших домовладельцев по улицам Трудовая, Кирова, Гушина.

Просто быть Наполеоном с беззащитными людьми. Легко вездесущим ныне бульдозером крушить покой, здоровье и строения опешивших стариков владельцев, у других — отнимать огородные участки, зная полную безнаказанность своих разбойных деяний.

Отвечая на вопрос областной газеты, председатель Тотьминского райисполкома С. Громов называет варварскую акцию коллеги «проведением инженерно-геологических изысканий» и вместе с Симоновым вовсе не собирается прятать в ножны дамклов меч, нависший

над кварталом 31. «Снос жилых домов, строений, изъятие земельных участков будет определяться на основании разработанного и утвержденного генплана застройки квартала 31». Согласие владельцев, как видите, необязательно и ни в единой строчке не оговорено. Ну, держитесь, тотьмичи!

Может, оттого так беспардонно круты гор- и райначальники, что реальная власть в городе не в их руках. Они исполнители, слуги, но не народные — ведомственные. И не они одни. Сам город — негласный заложник ведомств.

— У нас все межрайонное и все подчиняется ведомствам, — с горьким бессилием говорил мне В. Спажев — заместитель председателя райисполкома. — Аэропорт, льнозавод, электротеплосети, химлесхоз...

Советская власть — в Тотье ли только? — голый король, театр мимики и жеста. Губительный бал правят ведомства. По их воле обречена деревянная красота города, уподобившегося рисовым чекам, ибо мостовые непомерно подняты, а старинные дома буквально плавают и гниют «на корню». Таков результат ведомственного мышления: выстроить трехэтажки, а там хоть трава не расти. И не растет — на развороченных дорогах, на изъятых для прокладки ливневых труб да тут же и брошенном грунте.

Сейчас на главных улицах Тотьи грейдеры снимают верхние слои земли, возвращают уровень мостовой к первоначальному. В какую колея обойдется городу политика: сначала распорем, потом зашьем? Не в ту ли, которая по закону должна идти на ремонт старого жилого фонда?

Ведомства диктуют условия, где, что и сколько строить: финансы сосредоточены в их руках. Власть зависимы от них и, располагая нищенской суммой, жаждут компромиссов между, например, соблюдением закона об охране памятников и интересами казенных «королей». Вознамерился агропром выстроить для себя 36-квартирный дом, выделив на это 280 тысяч — неплохой клочок сена. Обещает облагодетельствовать: сделать отводы от теплотрассы к старым домам (на деньги, разумеется, частников). Но свою «благоустроенную ночлежку» (по меткому выражению Ю. А. Мужикова) АПО собираются возвести на запретной территории, возле старинных амбаров.

— В чем город нуждается прежде всего? — этот вопрос я задала каждому из руководителей района.

— В дотации! — ответили хором. Безусловно, всякий принимаемый в государстве закон должен иметь механизм материального обеспечения. В том числе и «Закон об охране памятников истории и культуры», особенно в таких городах, как Тотья, включенных в число 115 жемчужин Российской Федерации, имеющих историческую значимость.

Но никакой государственной «машины» не потребовалось начальнику химлесхоза т. Морозу, чтобы выстроить за счет ведомства для себя и товарищей по партии превосходный особняк на четыре семьи. Сто тысяч — стоимость строительства «крепостного замка», как окрестили вызывающе благоустраиваемый кирпичный дом тотьмичи. Так что напрасно восклицает с газетной полосы градоначальник С. Симонов: «Где найти доброго дядю, который за спасибо построит частнику дом?» Есть такие «дяди». И не один такой особняк выстроили они в Тотье, ораторствуя об отсутствии средств на благоустройство уникального старого города.

В Тотье ведется недостойная, нечестная игра. Обеспечивается средствами снос старинных зданий и строительство трехэтажных коробок или ведомственных двorcов для начальства. А в это время гибнет обеспеченная только пустопорожними словесами культурная среда города. Безденежье это или политика, рассчитанная на удовлетворение сиюминутных ведомственных аппетитов?

Можно понять бедствующих в «аварийных памятниках» людей: намучившись, они готовы ринуться в любую трехэтажку. У них, коренных, потомственных жителей Тотьи, смещается зрение, деформируется шкала ценностей. Элементарные удобства в коробке предпочтительнее болота в гниющем отчем доме. Отчаяние этих людей С. Симонов умело направляет внешне — против производственной группы, подспудно же — и против самих памятников. И вот уже запестрели в газете ультимативные выступления: «Дом аварийный? Зато памятник», «Сараи или жилье?». «Сараи» — это пренебрежительно об амбарах, единственных сохранившихся на вологодском Севере. Так создается впечатление народного референдума. В духе времени — с поправкой на демократию. А далее все пойдет по отретелированному за семьдесят с гаком лет сценарию. Во имя «народного блага» снесут, что хотят, и что хотят, возведут, и кого надо, поселят, и по-прежнему ничуть не уменьшится очередь на жилье.

Таков один из безнравственных, развращенных итогов влияния ведомственной психологии и политики: извращение национального самосознания.

Напрасно авторы боевых статей в районной газете уповают на обещанный грядущий комфорт в обетованных «муравейниках». Модель реальной несовместимости интересов людей, находящихся на разных уровнях социальной лестницы, отражена в истории Л. В. Меньшиковой, дому которой угрозил соседствовать с химлесхозовской «крепостью». Именитые новоселы, чей особняк без всяких проблем был тепло- и газифицирован, «забыли» протянуть к соседке обещанные трубы теплоцентрали (за ее счет). Непомерно поднятый фундамент нарушил дренажные системы — домишко женщины-инвалида и живущей с ней матери — вдовы репрессированного оказался подтопленным. На слезы, просьбы, заявления, мольбы ответили равнодушием, пренебрежением, барскими окриками.

Что касается областной производственной группы по охране памятников, то далеко не во всех городах России ее деятельность не фиктивна, а столь эффективна, как в Вологде. Вооруженная принятым в 1978 году законом, а еще более болью и любовью к «родному пепелищу», группа бьется за сохранение славянского мировоззрения, запечатленного в архитектуре — учебнике российской истории и нравственности, представлений о прекрасном. Древние города, а в последнее время и деревни Вологодчины получают, наконец, сыновний заслон. Да, позиция группы категорична, и «ни один волос истории» не упадет теперь без ее ведома с изрядно польсевшей вологодской земли. Но это вовсе не значит, что группа категорически против любого строительства на охранных территориях. Стройте, но так, чтобы лицо города не превратилось в «свиное рыло», вломившееся некогда у провидца Гоголя в доверчиво распахнутое окно истории. Группа за деревянные дома по индивидуальным проектам и против казарм по типовым. Развивайте новый город, но за чертой старого, где не так уж сложно решить вопрос: быть или не быть резервному аэродрому, на месте которого предполагается расти Тотье?

Вологодскому поэту Михаилу Карачеву, чей стих впитал и живую воду деревенского колодца, и светоносные грозы Апокалипсиса, видится «белый всадник на белом коне». Снежной метелью мчится он по родной разоренной земле. «То он — этот таинственный всадник?»

Двух времен, охраняющий Русь...» Дух времен не бесплотная метафора. Реальность. Не он ли воплотился в трагический «лес крестов в окрестностях России», увиденный стоящим на холме собственной могилы Николаем Рубцовым? Не он ли увлекает сегодня за собою приверженцев возрождения Русской земли?

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

На вопросы
читателей
отвечает юрист
Моссовета
Павел ДОБРЯКОВ

Нас интересует вопрос, касающийся предоставления ссуды молодой семье. Объясните, пожалуйста, кому, где и на какой срок она выдается.

А. Ф. Тимашева, Рязань

Предоставление молодой семье, имеющим детей, беспроцентной ссуды предусмотрено постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей». Беспроцентные ссуды выдаются на строительство, капитальный ремонт, внесение вступительного взноса в жилищно-строительный кооператив или обзаведение домашним хозяйством. Под обзаведением домашним хозяйством следует понимать как покупку скота, так и покупку мебели и других предметов домашнего обихода, одежды, обуви и т. д.

Беспроцентная ссуда предоставляется предприятием одному из супругов в возрасте до 30 лет, проработавшему на данном предприятии не менее 2 лет и хорошо зарекомендовавшему себя на работе, при этом другой супруг не обязательно должен работать на этом предприятии. Ссуда может быть также выдана на указанных выше условиях матери, воспитывающей детей без мужа, или отцу, если дети остались на его попечении в связи с разводом или смертью жены. Наличие детей является обязательным условием выдачи ссуды.

Решение о предоставлении ссуды молодой семье принимается администрацией предприятия совместно с профсоюзным комитетом только при наличии рекомендации трудового коллектива соответствующего подразделения, в котором работает один из членов семьи. В последующем администрация и профсоюзный комитет осуществляют контроль за целевым использованием выданной ссуды.

В решении администрации должно быть указано, в какой сумме, на какой срок и с какой целью предоставляется ссуда. Размер ссуды в 1500 рублей и срок погашения 8 лет являются максимальными, хотя ссуда может быть выдана и в меньшей сумме, а ее погашение произведено в более короткий срок. Получив ссуду, работник дает предприятию обязательство о ее возврате. Ссуда погашается равными долями в течение установленного срока, причем в кассу предприятия ежемесячно вносится 1/12 части годового платежа, начиная с месяца, следующего за тем, в котором выдана ссуда. В случае увольнения работника по собственному желанию без уважительных причин или за нарушение трудовой дисциплины, а также нецелевого использования полученных средств ссуда подлежит возврату предприятию досрочно.

Особенностью беспроцентной ссуды является частичное списание задолженности, если в семье после получения ссуды родится еще один ребенок. В этом случае долг молодой семьи сокращается на 200 рублей. Если же в семье после получения ссуды родились близнецы, то долг сокращается на 500 рублей. При этом количество детей, которые были у молодой семьи до получения ссуды, не имеет значения.

— Он все еще не расположен? — нетерпеливо спросил капитан.

— Очевидно, — признал Ботакс. — Непривычная обстановка может продлить данную стадию. Так как я знаю, что вам это было бы неприятно, эту часть ритуала я выполняю сам. В космических рассказах часто описывается, как с делом справляются существа из других миров. Например, здесь, — он покопался в своих записках, — действует совершенно омерзительное создание! Они не могли себе даже представить таких красавцев, как мы.

— Продолжайте, продолжайте! Не тяните время! — приказал капитан.

— Да... Вот: «Чудовище ринулось к девушке. Заливаясь слезами и отчаянно крича, она оказалась в объятиях монстра. Когти проскребли по ее трепещущему телу, сдирая юбку лохмотьями». Видите, туземное существо кричит от возбуждения, ощущая удаление покровов.

— Тогда действуйте, Ботакс! Только, пожалуйста, не допускайте визгов. Я весь дрожу от этих звуковых волн.

Ботакс вежливо обратился к Мардж:

— Если вы не возражаете...

Мардж скверно выругалась.

— Не прикасайся! Не прикасайся, мерзкая тварь! Ты испачкаешь мне платье! А оно стоит двадцать четыре доллара... Отойти, чудовище! — Она отчаянно пыталась защититься от непрошенных рук. — Ладно, я сама сниму его.

Мардж потянула молнию и бросила гордый взгляд на Чарли.

— Не смеете глядеть!

Чарли пожал плечами и закрыл глаза. Мардж сняла платье.

— Ну, хорошо? Вы довольны?

Капитан Гарм недоуменно постукивал пальцами по столу.

— Это и есть грудь? А почему другое создание отвернуло голову?

— Нерасположение... Нерасположение! — уверенно заявил Ботакс. — Кроме того, нужно удалить и другие кожи. Обнаженную грудь постоянно описывают в виде шаров цвета слоновой кости. Вот у меня здесь рисунки из этих фантастических рассказов.

Капитан задумчиво переводил взгляд с иллюстраций на Мардж и обратно.

— Что такое «слоновая кость»?

— Вещество, из которого состоят клыки одного большого животного.

— Ага! — Капитан Гарм залился зеленым светом удовольствия. — Теперь все ясно. Меньшая форма принадлежит к воинственной секте, а выпуклости являются оружием, которым она сокрушает врага!

— Нет-нет, они, как я понимаю, мягкие.

Маленькая коричневая рука Ботакса скользнула в направлении объекта разговора; Мардж взвизгнула и отпрянула.

— Какое же тогда у них назначение?

— Мне кажется, — произнес Ботакс с некоторым сомнением, — что они используются для кормления молодежи.

— Молодняк их съедает?! — воскликнул ошеломленный капитан.

— Не совсем так. Эти объекты выделяют жидкость, потребляемую молодеью.

Капитан страдальчески закрыл голову всеми тремя руками.

— Трехрукое, скользкое, пучеглазое чудовище, — сказала Мардж.

— Верно, — согласился Чарли.

— Ладно, ладно, бесстыдник. Побольше следите за своими глазами!

— Поверьте, я стараюсь не смотреть...

Ботакс вновь приблизился.

— Мадам, не могли бы вы снять все остальное? Мардж сжалась.

— Никогда!

— В таком случае это сделаю я, если позволите.

— Не прикасайтесь! О, боже, боже... Хорошо, сама сниму.

Делая то, что обещала, Мардж бормотала себе под нос и бросала в сторону Чарли гневные взгляды.

— Ничего не происходит, — заметил капитан в глухом разочаровании. — Это, должно быть, бракованный экземпляр.

Ботакс принял реплику на свой счет.

— Сэр!

— Но грудь этого создания вовсе не похожа на шары, кроме того, она почти бесцветна.

— Ерунда, — возразил Ботакс. — Надо считаться с возможностью естественных отклонений. Впрочем, мы спросим у самого существа. — Он повернулся к Мардж. — Мадам, с вашей грудью все в порядке? Глаза Мардж широко раскрылись, и некоторое время она не могла даже дышать.

— Вот уж, — наконец проговорила она. — Может, я и не Джина Лоллобриджида и не Анита Экберг, но у меня все в порядке, благодарю вас... О-о, если бы Эд был здесь! — Она повернулась к Чарли. — Эй, скажите этому пучеглазому чудовищу, что я вполне развита!

— Э-э... — осмелился заметить Чарли. — Вы забываете, что я не смотрю.

— О да, вы уж не смотрите... Такие типы только и знают, что похотливо глазеть на женщин. Можете чуть-чуть взглянуть, но не больше, если в вас есть хоть что-то от джентльмена, чему я, разумеется, не верю.

— Ну, — промолвил Чарли, — я не хотел бы оказаться замешанным в таком деликатном деле, но полагаю, что у вас все в норме.

— Полагаете?! Вы что, слепой? К вашему сведению, я однажды была претенденткой на звание Мисс Бруклин, и если проигрывала, так это — линия талии, а не...

— Конечно, конечно... Грудь восхитительна, честно. — Чарли энергично кивнул Ботаксу. — В полном порядке. Я не специалист, вы понимаете, но по мне она хороша.

Мардж успокоилась.

Ботакс почувствовал прилив сил.

— Большая форма проявляет интерес, капитан. Стимул работает. Теперь — последняя стадия.

— В чем она заключается?

— Сущность ее состоит в том, что аппарат речи и поглощения пищи одного существа накладываеся на аналогичный аппарат другого. Позвольте мне для этого процесса ввести такую вспышку: «поцелуй».

— Меня тошнит от этой мерзости... — простонал капитан.

— Это кульминация. Во всех историях после того, как кожи удалены, формы обхватывают друг друга конечностями и предаются горячим поцелуям. Вот один пример, взятый наугад: «Он схватил девушку и жадно приник к ее пылающим губам».

— Может быть, одно существо пожирает другое? — предположил капитан.

— Ничего подобного, — нетерпеливо возразил Ботакс. — Это жгучие поцелуи.

— Жгучие? Происходит сгорание?

— Очевидно, нет. Тут, вероятно, подчеркивается факт повышения температуры. Чем выше температура, тем успешнее, надо полагать, происходит производство молодежи. Без этой ступени потомство получить невозможно. Это и есть сотрудничество, о котором я говорил.

— И все?

— Все, — подтвердил Ботакс. — Ни в одном из рассказов, даже в тех, что печатаются в «Плейбое», я не нашел описания какой-либо дальнейшей активности, связанной с детопроизводством. Иногда описание поцелуев завершают серией точек, но, я полагаю, что это обозначает просто большее число поцелуев. Один поцелуй на каждую точку — когда хотят произвести целое множество молодежи.

— Только одного, пожалуйста, и немедленно.

— Разумеется, капитан.

Ботакс торжественно произнес:

— Сэр, поцелуйте, пожалуйста, леди.

— Послушайте, я не могу двинуться, — сказал Чарли.

— Конечно, я освобожу вас.

— Леди это может не понравиться.

— Уж будьте уверены, мне это не понравится! Держитесь от меня подальше! — прошипела Мардж.

— Мадам, может, не стоит их сердить? Мы можем...

...ну... только сделать вид.

Она колебалась, сознавая справедливость опасения.

— Ну, ладно... Но чтоб без всяких штучек! Я не привыкла целоваться с каждым встречным!

— Разумеется, мадам. Уверяю вас, это не моя за- тея.

Мардж сердито бормотала:

— Гадкие чудовища! Ишь...

Чарли приблизился, смущенно положил руки на голые плечи Мардж, и их губы встретились.

Капитан Гарм раздраженно вспыхнул:

— Я не чувствую повышения температуры.

Его тепловоспринимающие усики полностью распрямились и дрожали на голове.

— Я тоже, — растерянно признался Ботакс. — Но мы все делали в точности, как написано в этих историях. Пожалуй, его конечности должны быть более распрямленными... О, вот так... Смотрите, действует!

Почти случайно рука Чарли скользнула вдоль мягкого обнаженного торса Мардж. На миг она, казалось, приникла к нему, затем внезапно отдернулась.

— Отпустите! — прошипела Мардж. Неожиданно она сжала зубы, и Чарли с диким криком отскочил в сторону, заливая кровотокающую нижнюю губу.

— За что, мадам? — воскликнул он жалобно.

— Мы договорились только делать вид. Что вы на меня уставились? Господи, ну и в компанию я попала!

Капитан Гарм быстро засиял голубым и желтым.

— Все закончено? Сколько теперь нужно ждать?

— Мне кажется, это происходит сразу. Сами знаете, когда вы поцелуетесь — вы поцелуетесь.

— Да?.. После всего того, что я здесь видел, не думаю, что когда-нибудь смогу поцеловаться... Пожалуйста, заканчивайте побыстрее.

— Один момент, капитан.

Однако время шло, и сияние капитана медленно становилось мрачно-оранжевым, а Ботакс почти угас.

Наконец, Ботакс спросил:

— Простите, мадам, когда вы будете поцеловаться?

— Когда я буду... что?

— Производить потомство.

— У меня уже есть ребенок.

— Я имею в виду производить потомство сейчас.

— Но... я еще не готова для другого ребенка.

— Что, что? — потребовал капитан. — Что она говорит?

— Кажется, — слабо произнес Ботакс, — пока она не намерена иметь маленького...

Капитан яростно вспыхнул всеми цветами радуги.

— Вы знаете, что я думаю, Исследователь? Я думаю, что у вас большое, извращенное мышление. С этими существами ничего не происходит. Между ними нет никакого сотрудничества, и не появляется никакая молодежь. Я думаю, что это два разных вида, а вы валяете со мной дурака!

— Но, капитан... — начал Ботакс.

— Молчать! — рявкнул Гарм. — Не спорьте со мной.

С меня достаточно. Вы домогались личной славы и награды, и я позабочусь, чтобы вы их не получили. Немедленно избавьтесь от этих созданий! Отдайте им их кожи и верните на то место, откуда взяли. Все расходы, связанные с поддержанием Временного Стасиса, будут вычтены из вашей зарплаты.

— Но, капитан...

— Это приказ! — Гарм метнул на Ботакса испепеляющий взгляд. — Один вид, две формы, груди, поцелуи, сотрудничество... Вы болван, Исследователь, извращенное и большое — да-да — большое существо!

Дрожа всеми членами, Ботакс стал настраивать приборы...

Они стояли на пустынном перроне, дико озираясь по сторонам. Сгустились сумерки, и подходящий поезд давал знать о себе приближающимся гулом.

— Неужели все это на самом деле было? — неожиданно спросила Мардж.

Чарли кивнул.

— Отчетливо помню.

— Нам никто не поверит.

— Послушайте, я сожалею, что вы были поставлены в неловкое положение. Это не моя вина.

— Конечно, понимаю...

Мардж, потупившись, изучала деревянную платформу под ногами. Поезд приближался.

— Э-э... Вы вовсе не были плохи. То есть вы были изумительны, только я не решился вам сказать.

— О, что вы...

— Может, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе для успокоения? Моя жена... ее пока нет.

— Правда?! И Эд уехал за город на уик-энд, так что меня ждет пустая квартира. Наш мальчик у моей мамы, — пояснила Мардж.

Поезд подъехал, но они уже шли по улице.

В баре они позволили себе чуть-чуть выпить, а потом Чарли не мог отпустить ее одну в темноте и, естественно, проводил домой. Конечно, Мардж была обязана пригласить его зайти.

Тем временем в космическом корабле несчастный Ботакс предпринимал последнюю попытку доказать свою правоту. Пока Гарм готовил корабль к отлету, Ботакс торопливо установил узколучевую видеоэкран. Он сфокусировал луч на Чарли и Мардж в ее квартире. Усики Ботакса напряглись, а глаза засияли переливающим светом.

— Капитан Гарм! Капитан! Посмотрите, что они сейчас делают!

Но в это мгновение корабль вышел из Временного Стасиса.

Перевод с английского Владимира БАКАНОВА

ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА - ЛЮБОВЬ?

В начале марта здесь цветет сакура и целые улицы утопают в розовой пене, круглый год продают клубнику и... все, что человек пожелает.

Бельгия — небольшая страна, и не на каждой карте углядишь. Но в нынешней системе мировых политических и экономических взаимоотношений без ее участия мало что обходится. Здесь разместились штаб-квартиры ЕЭС, НАТО, Совета таможенного сотрудничества и других международных организаций.

Космонавты рассказывают: Бельгия ночью светящийся островок — все автомагистрали освещены. А про бельгийцев говорят, что они рождаются с кирпичом в желудке — чтобы за свою жизнь построить хотя бы один дом. И строят. И какие дома! Архитектор в Бельгии не просто человек уважаемый, но в полной мере создатель. Слово его — закон.

Что еще удивляет?

Простой рабочий живет так, как не может себе позволить советский министр. Про тамошние магазины и говорить не хочется. Единственное, что мучает: куда девается то, что не реализуется? Оказывается, все просто — ежедневно приблизительно треть продуктов из крупнейших магазинов отправляется на удобрения и в зоопарки.

Мы привыкли не завидовать западному человеку: как же — медицинское обслуживание платное. Действительно, платное, но кто платит? Так называемые больничные кассы, средства в которые вносят профсоюзы и фонды. Поэтому визит к врачу больному обходится копеек в восемьдесят в пересчете на наши деньги, а сложнейшие дорогостоящие операции в десятке рублей.

Удивляет и социальная защищенность человека. Женщина зарабатывает меньше, чем мужчина. Но если что случится с главой семьи (смерть, гибель), вдова получает пенсию, по-

ложенную ему, причем почти в полном размере.

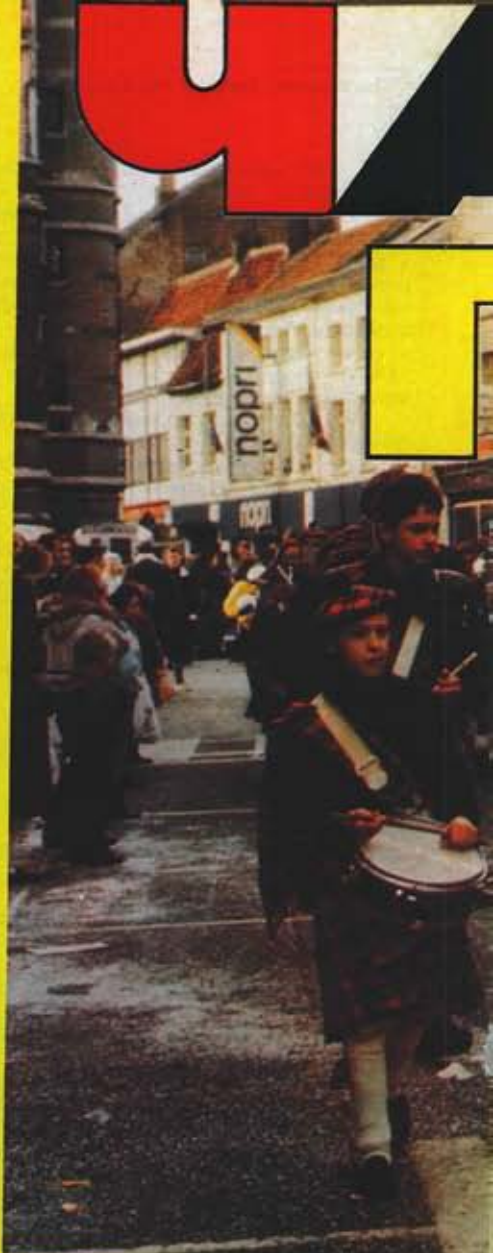
У матерей-одиночек — пособия, на них вполне можно растить и воспитывать детей, не исхитряясь «сводить концы с концами».

Да, маленькая страна Бельгия, но все в ней есть. Есть, конечно, и бездомные, и безработные. Впрочем, если человек живет и трудится честно, то живется ему неплохо.

И, быть может, именно поэтому Бельгия еще и страна карнавалов, на которых люди «сходят с ума». Ведь карнавал — это что-то неописуемое и невообразимое. Мне посчастливилось видеть его в Темсе. С утра в городок со всей страны устремляются самые причудливые повозки, фуры,

трайлеры с избушками, ранчо, танцевальными площадками. В узкие улочки вкатываются элегантные и изящные, последнего «писка», легковые автомобили, ловко втискиваются огромные грузовики, забитые рекламируемым товаром. С машин в людей на тротуарах летят апельсины и авторучки, спички и надувные шарики, конфеты и жевательная резинка. Повсюду музыка: духовые оркестры, инструментальные ансамбли, стереосистемы создают праздничный фон. Вслед за потрясающим, шоколадного цвета «ситроеном» с не менее потрясающей блондинкой за его рулем на улочки втягивается карнавальное шествие.

Кого тут только нет!





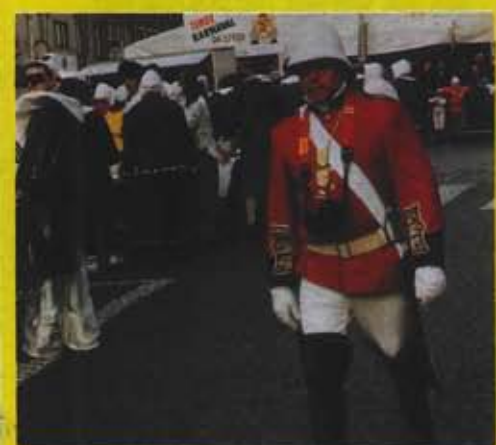
ПОТОТЕХИ

шей чуть больше четырех лет, а старшей... Не будем уточнять. Над ними желто-зеленые парни на огромных, до трех метров, ходулях. Они улыбаются, кричат что-то шутовское. У каждой группы своя музыка — поют, хохочут, танцуют, скандируют. Одни краше других...

Часов в шесть шествие заканчивается. Но не карнавал. Он перемещается в многочисленные кафе, а потом в огромный надувной «сарай», где танцуют, пьют пиво и победителям вручают призы. Веселье веселее, но при подведении итогов полетес учитывается четко: первое место присуждено группе «Европа-92» (с этого года в Европе не будет границ), второе — группе «Политикир», третье — «Бригел» — изображавшим бельгийскую свадьбу. А четвертое — «Русской группе». Тоже дань моде. Советский Союз в Бельгии нынче уважают.

Всю ночь жители будут веселиться, переходя из одного кафе в другое. А утром так же дружно пылесосами и щетками со стиральным порошком вычистят и вымоют улицы. И жизнь побегит своим обычным чередом. До следующего карнавала. Ибо карнавалы хороши тем, что хотя бы раз в году человек может себе позволить то, о чем мечтает. А это оказывается очень нужно, когда в стране все есть. Но, быть может, еще нужнее, когда чего-то и не хватает?..

Михаил Кизилев

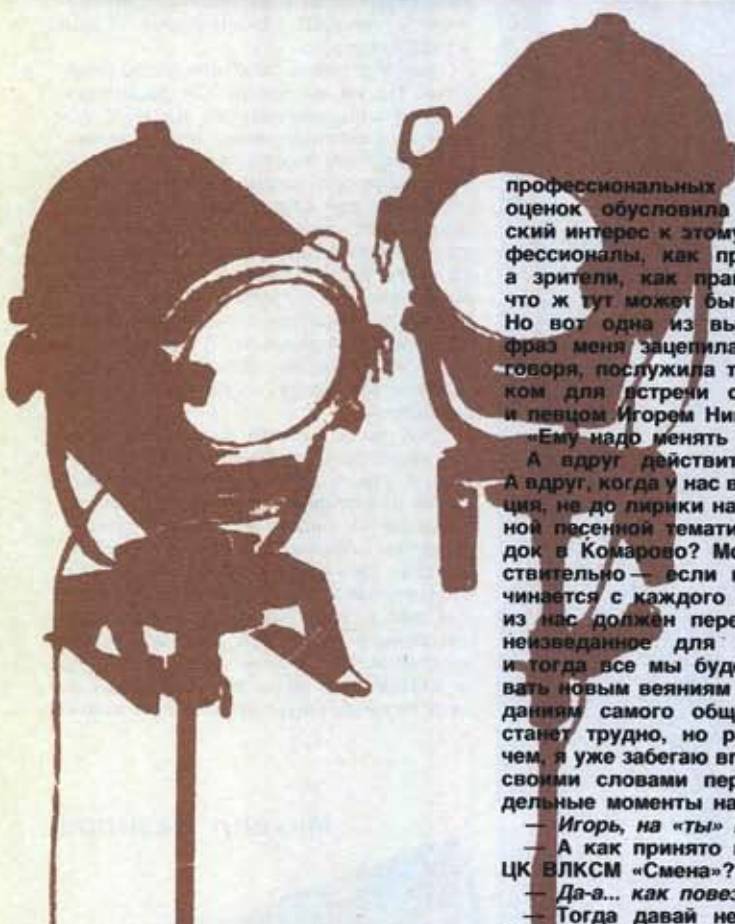


Одетые в старинные национальные костюмы молодые и пожилые люди играют сцены традиционной бельгийской свадьбы: катят длинный стол с жареным поросенком, огромными пивными кружками, кругами колбасы и свежайшим, неподражаемого аромата караваем только что испеченного хлеба.

Следом приплясывают черти, за ними трусцой торопятся велорикши в национальных китайских костюмах, а дальше — принцы и балагуры, хулиганы и ковбои, разбойники и монахи. Вот шуты с мешками конфетти торопятся высыпать их содержимое за шиворот двум элегантным девушкам. Те хохочут, как и все.

Неожиданно из-за поворота появляется группа в русских национальных костюмах, на автоприцепе трон с толстеньким мальчишкой. На троне надпись: «Цар — распутин». Что поделаешь — плоховато с историей. Следом старательно на каблучках топают фрейлины, самой млад-





Андрей КУЧЕРОВ

профессиональных и зрительских оценок обусловила мой репортерский интерес к этому человеку; профессионалы, как правило, злобны, а зрители, как правило, наивны — что ж тут может быть интересного? Но вот одна из вышеприведенных фраз меня зацепила и, откровенно говоря, послужила тем самым толчком для встречи с композитором и певцом Игорем Николаевым.

— Ему надо менять репертуар!..»

А вдруг действительно — надо? А вдруг, когда у нас в стране революция, не до лирики нам, не до любовной песенной тематики, не до поездов в Комарово? Может быть, действительно — если перестройка начинается с каждого из нас, каждый из нас должен перейти в какое-то неизведанное для себя качество, и тогда все мы будем соответствовать новым веяниям времени и ожиданиям самого общества? И жить станет трудно, но радостно? Впрочем, я уже забегаю вперед и начинаю своими словами пересказывать отдельные моменты нашего диалога...

— Игорь, на «ты» или на «вы»?

— А как принято в вашем органе ЦК ВЛКСМ «Смена»?

— Да-а... как повезет.

— Тогда давай не будем делать вид, что мы с тобой знакомы первый день.

— Ты потому и не пишешь «социальных» песен?

— Уж очень упрощенно ты толкуешь социальность. «Народ и партия едины!» — еще не социальность, хоть и выкрик. С восклицательным знаком в конце. Я считаю, что у меня тоже есть социальные песни, но только они идут от спокойного взгляда человека, находящегося вне ажиотажа и сиюминутности проблем. «Расскажите, птицы» — песня гражданская. Это мой взгляд на мир, и он не может быть иным. «Афганский ветер» — тоже не марш, не крик, не манифест. Это ситуация, по которой мне захотелось высказаться, поскольку она стала трагедией общечеловеческой. И, кстати, разве ты не обращал внимания на то, что прислушиваются обычно к негромкому, спокойному голосу? А когда человек начинает четким языком, чеканя каждое слово, отчетливо!..

— Да, наверное, ты прав. Но думаю, что это наблюдение применимо исключительно к нашей своеобразной ситуации, где привыкли орать, чтобы доказать и свою правоту, и свою неправоту. Только какое отношение все это имеет к эстраде?

— Самое прямое. В жизни, то есть в природе, взаимосвязано абсолютно все. Короче, для меня не существует проблемы ущербности лири-

— Отнюдь. И вообще очень плохо знаю отечественных представителей этого музыкального направления. Более или менее мне знакомы две команды...

— Какие?

— «Крузи». И в особенности я люблю их пластинку, которую они записали в ФРГ. Еще мне нравится группа «Парк Горького». Эти группы, на мой взгляд, понимают, что они играют. А вообще-то я за песни, в которых есть мелодия. Речитативные, рапповые, маршевые, постсинтеблужные проявления меня не трогают.

— Быть может, дело в том, что «легкую» музыку легче писать?

— Так легче думать, а вот писать... Но для начала согласись, что и танцевальная музыка необходима. А затем сделаем еще один вывод: эту музыку люди джудят от тех, кто может ее написать. Да, почему-то считают, что легкую музыку может написать каждый. Пусть считают. Я думаю, что на эту тему надо как можно меньше говорить. Есть прекрасная персидская поговорка: имеющий в кармане мускус не говорит об этом. Запах мускуса говорит за него... Не нужно рассуждать о песнях человеку, который их сочиняет и поет. Его дело — сочинять и петь.

— В таком случае я воспользуюсь твоим сравнением про запах и стану

ПОШКОМ НА ПУШУ

— Понял. И вот о чем хочу спросить: когда в стране революция, имеет ли право песня быть не революционной? То есть я выражаю сейчас точку зрения, которую встречал довольно часто — нет ли в заведомой облегченности эстрадной песни ее ущербности?

— Давно хотел поговорить на эту тему. Хотя ее уже до меня, так сказать, осветили. У Есенина в «Черном человеке» — гениально и убедительно:

*В грозы, в бури, в житейскую стынь,
При тяжелых утратах и когда тебе
грустно,*

*Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство.*

Это не о тех, кто сочинял про доменные печи или прозаседавших заседателей. Он посвятил это тем, кто писал, по его же определению, «чахлую лирику». Одновременно существовали автор «Цементы» и автор «Бегущей по волнам». Читали и одного и другого...

— Одних читают, других перечитывают... Одних сдают на макулатуру, чтобы перечитывать других... Одних...

— Я не об этом. Всегда было разделение творческих людей на «социальных» и «лириков». И это не означает, что произведения тех или других были плохими. Мне кажется, что и в революционные — как ты их называл — годы людям хочется улыбнуться, услышать в себе светлые ноты.

ческих сочинений перед социальными. Я всегда читал и почитал тех поэтов, которые слушали прежде всего себя, не приспособляясь к политике. Как только поэт начинает меняться, «прислушиваясь» к социальности, он меняется и как поэт, и как личность. Пастернак не был бы Пастернаком, если бы «прислушивался». Только не изменивший себе человек способен легко и нечаянно сказать: «Я клавишей стаю кормил с руки...» И знаешь, когда человек приходит к простоте, он тем самым себе не изменяет. Мне кажется, с возрастом появляется библейский взгляд на жизнь, и тогда рождаются строки: «Жизнь прожить — не поле перейти». Простые и гениальные строки... Но я представляю, как нужно прожить жизнь, чтобы так просто записать эту истину.

... Мне, например, смешны те люди, которые вдруг начинают «переодеваться в металл». Они не становятся «металлистами». Они — конъюнктурщики с наивной верой в «переодевание», которое должно помочь.

— Конкретно, но... не очень убедительно. Не убедительно в том смысле, что переодевание, на мой взгляд, помогает и даже — очень. И в этом, увя, беда не только музыкальной, но и нашей общественно-политической жизни. Ведь переодеть можно не только одежду, но и лицо, и мысли, и слова. А спросить я хотел о другом: мне показалось, что ты недолюбила наших «металлистов»?

утверждать, что твое песенное творчество имеет очень тонкий аромат, который безумно нравится женщинам. Я даже слышал шутку: «Если вы одиноки и хотите жениться, сходите на концерт Игоря Николаева — там всегда колоссальный выбор очаровательных дам...» Или же ты не согласен с тем, что тебя любят женщины? В смысле — любят твое творчество.

— Я не специалист по женской психологии. Но ничего не имею против того, что им нравятся мои песни.

— Но и сам ты склонен писать и петь о любви...

— Да не склоняюсь я никуда! Я просто пишу песни. Есть две темы: любовь и политика. Кто мне назовет третью?

— А чтобы писать про любовь, нужно иметь богатый жизненный опыт или богатое воображение?

— Думаю, не обязательно в порядке творческого эксперимента ложиться под поезд и потом восстанавливать свои ощущения, чтобы написать, к примеру, об Анне Карениной. Не обязательно, наверное, и летать на метле, чтобы записать самочувствие булгаковской Маргариты.

— И все-таки я не ошибусь, если посмею предположить, что твое общение с Аллой Пугачевой как-то сказало на постижении глубин и красок женской психологии.

— Не ошибешься. Для Пугачевой было очень интересно писать. Я всегда знал, что эта женщина во-

...А «эстрадники» приговаривали: «На него падают цены...», «Игорек Николаев?.. Исчерпался. Не идут на него...», «Леонтьев, Кузьмин, Барыкин, Николаев — это уже не звезды, так — второй эшелон...», «Если бы Игорек перестал вздыхать про «люблю тебя, не гони меня», он бы не прогорал. Ему надо менять репертуар!..»

«Эстрадники» вздыхали, морщили лбы, становясь похожими на засохшие груши и... продолжали приговаривать.

Есть и другая точка зрения — я бы назвал ее стихийной — точка зрения большого зрительного зала. Я лично имел возможность ее наблюдать: на одном из концертов, когда Николаев спел свою «Народную артистку» и ушел со сцены, люди встали, чтобы он вернулся и спел еще.

Нет, отнюдь не противоречивость

плотит мои замыслы так, как этого не делает никто. И воплощение будет богаче замысла. И будет точным. И настоящим. И пульсирующим. И с нервами. И...

— Игорь, а ее уход в театр песни, это уход на тренерскую работу?

— Этот вопрос послужит темой для твоего интервью с Пугачевой.

— Будем считать, что я готовлюсь к этому интервью. И ненавязчиво пытаюсь у тебя выяснить, как ты оцениваешь ее творческую форму на сегодняшний день и, пожалуйста, прогнозируй день завтрашний?

— Я не имею права давать оценок и выступать в качестве ясновидящего. Я не знаю ее творческих планов. Не знаю и ее творческую форму. Я просто верю в Аллу Пугачеву. Она непредсказуемый человек. Меня восхищает ее многообразие и заставляет ее завидовать. К стати сказать, нам всем нужно почаще восхищаться тем или иным творческим человеком. Это огромный стимул для творчества. На зависти, на взгляде исподлобья ничего не произойдет. Все настоящее строится на любви. И так должно быть всегда.

— Ну, это ты хватил. Нет, я ничего не имею против такой «невинной» позиции, однако про любовь, да еще взаимную, в вашей эстрадной среде говорить как-то даже неприлично. По-моему, закон у вас один — человек человеку друг, товарищ и волк. И мечтать о какой-то взаимоподдержке, взаимопомощи, обмене творческими идеями — извини, но это блеф.

— Очень категорично. Есть исключения из этого мрачного правила. Есть люди, которые друг другу помогают. Но в целом, да, мы существуем по каким-то странным и неприятным законам, и они стали чуть ли не нормой.

Не так давно Владимир Кузьмин, Александр Барыкин, Андрей Макаревич, Давид Тухманов, Владимир Матецкий, я и другие мои именитые коллеги — все мы общались и вместе писали песни с крупнейшими американскими композиторами и поэтами, которые работают в жанре поп-музыки. Между прочим, я считаю это событие знаменательным событием года, и до смешного странно, что наши средства массовой информации обошли его вниманием. Ни ТВ, ни радио, ни журналы, ни газеты... А ведь с американской стороны были Том Келли, Билли Стайнберг — авторы шлягеров Мадонны, Уинти Хьюстон, Синди Лаупер (сама Синди Лаупер!), был Майкл Столер — автор всех шлягеров Элвиса Пресли, была знаменитая Бренда Рассел — американская звезда и композитор, наконец, Дэймонд Чайлд — автор сорока поп-звезд, в числе которых «Бон Джови», Элис Купер, «Аэросмит», Бонни Тайлер. И наши встречи — две недели взаимного познания, влюбленности друг в друга, узнавания каких-то мелочей, секретов сочинения, самого процесса создания музыки, песни. Мы заходили в студию в 11 утра и выходили в 6 утра следующего дня. Чтобы поспать пять часов и снова собраться вместе. Американцы подарили нам уроки дружелюбия. Никакой кулуарности сочинения — я написал и никому не покажу — наоборот: я сочинил и покажу всем. Чтобы и ты, и ты, и ты что-то сказал, предложил, дополнил. Никому ничего не жалко. Важен конечный результат и сам процесс. Важен кайф

от процесса. А иначе зачем работать? Господи, это было так ново и трогательно для нас! И мы говорили друг другу — ну, почему же мы такие несчастные, почему мы так воспитаны, обделены даже в этом?..

Да, очень странно, что об этой встрече объявили все ТВ компании мира, назвав ее сенсацией года. И только у нас в стране тишина.

— А что, трудно было сообщить журналистам?

— Хороший вопрос. Я бы даже сказал, это наш, советский вопрос. Во всем мире сенсацию ищут журналисты и только у нас, наверное, надо искать журналиста под сенсацию. Да и незачем как-то, по-моему, звонить и сообщать: «Слушай, я тут буду с американской звездой Синди Лаупер общаться, ты подскочи...»

— Ты сказал, что одиночество растаскивает. Но я вдруг подумал, что все не так-то просто. И нет ли горькой истины в том, что человек творческий, самобытный, популярный попросту обречен на одиночество, и эта беда — именно беда! — неминуемая. Но и естественная. Возможно, так защищается душевное пространство? От непонимания. От зависти. От отталкивания. И в то же время, спасаясь от одиночества, человек идет на преодоление, развивается и — сочиняет нечто новое.

— Соглашусь только отчасти. Наверное, есть люди, которые находят в мучении одиночеством какой-то выход для своей энергии. Но я спрошу так: а чем питаться? Чем питать силы, душу, сам творческий процесс?

— И чем же?

— Один мудрец заметил: если у человека есть тыл, он пойдет пешком даже на Луну. А тыл — это семья, дом, атмосфера в доме. Я тоже знаю людей, которые утверждают, что главное для них творчество, работа. Такие они горячие, одинокие, независимые... Вольному — воля. Но мне все это не близко. Я считаю, что жить надо правильно в самом обычном, человеческом понимании этого слова. И чем дольше я живу, тем больше простых истин открываю. И вот пример: для меня было открытием, когда я узнал, что образ жизни моих американских друзей, звезд мировой эстрады, похож на мой образ жизни. Когда мне довелось попасть в дом к Билли Джоэлу в Нью-Йорке, я поразился обстановке тихого семейного счастья, которое лучилось из каждого угла этого дома. Милая, обаятельная жена. Очаровательный ребенок... И я искренне считаю, что именно эта среда, обстановка позволяют человеку оставаться человеком в ситуации, когда трудно удерживать нравственные позиции. Чтобы не наказывать себя в конце жизни пустотой, жить надо правильно, сохраняя и оберегая тот остров, который создал ты сам и твои близкие.

— Неожиданный монолог. Я даже как-то внутренне... притих. Это без шуток, абсолютно серьезно... Но послушай, ведь — продолжая тему — разве в нашей стране возможен культ семьи? Разве возможно нормальное развитие семьи в тех условиях, которые предлагает наша система? Тот образ жизни, который ты исповедуешь, могут иметь лишь немногие счастливицы. Им случай, небеса, талант — не знаю, что еще — дали возможность забыть о быте. Забыть об отсутствии плюрализма на

обеденном столе, говоря образно. И скажи, пожалуйста, не приводит ли семейное и материальное благополучие к благостности творческой?

— Никто никогда не даст гарантии: ни в случае богатства, ни в случае бедности. Я убежден — бедность духа и бедность материальная — очень разные вещи. Нет, я не хочу рассказывать рождественские сказки про то, что бедные люди живут всю жизнь счастливо. Бедность унижает человека. Но я о другом. Все-таки гармония в семье не зависит от количества денег. В моей семье куча бытовых, житейских проблем. Но главное, мы запомнили себя такими, какими были в 17 лет. И мы — нынешние — остались там. Там критерии счастья, и они неизменны. Понимаешь, о чем я говорю — о точке отсчета. И «там» мы были счастливы. Несмотря на жуткую неустроенность. Жена с дочкой снимали квартиру, я служил в армии, и была просто материальная катастрофа! И даже несмотря на то, что я уже слыл известным композитором: уже прозвучали «Айсберг» и «Расскажите, птицы»...
— Сюжет очень умильный...

— Я это рассказываю не для того, чтобы кто-то повздыхал: бедный Игорь Николаев — у него было такое трудное отрочество... Просто не надо думать, будто я всю жизнь пребываю в состоянии благодати, хожу в халате с кисточками и иногда, играючи, подхожу к роялю.

— Игорь, а если совсем пристально взглянуть назад, на свой творческий путь... Какие ошибки тебе не хотелось бы повторить в будущем?

— Есть мучительная болезнь, которой не я один болен — страх, что давно уже не было новой песни, и ее нужно срочно сочинить. Мы часто не понимаем и не ценим чувства золотой передышки. Помнишь у Евтушенко:

*Успокойся, в хорошие книжки заройся,
Не спеши никому ничего доказать,
А того, что тебя позабудут — не бойся,
Все немедля сказать, как себя наказать.*

— Ты называешь это состояние «золотой передышкой», я называю его жестче — кризис...

— А я считаю, что кризис — одно из прекраснейших состояний творческого человека. Ты исчерпал какую-то часть своего творческого «я», что-то сломалось, что-то кончилось. Но тупиковая ситуация заставляет искать выход. Ужасно и уныло, когда все идет своим чередом, все поставлено на рельсы, все — по расписанию. Ты в срок выдаешь песню, в срок записываешь новую пластинку. По-моему, такая накатанность и есть самый глубокий творческий и человеческий кризис.

— А кто мешал тебе в творческой жизни? Подчеркиваю — кто, а не что?

— Во-первых, не думаю, что кто-то ставил перед собой цель: буду мешать Игорю Николаеву. Во-вторых, хочу вспомнить гениальные строки Фазила Искандера. Он говорил, что судьба художника — это виноград, который всю жизнь топчут ногами, чтобы добыть вино. Творчество — вино жизни... Но надо уметь прощать, и тогда прощен ты будешь сам. Очевидно, ты и сам однажды поступил плохо или подло, и твой поступок возвращается бумерангом.

— Красиво говоришь. Но тем не менее повторю свой вопрос: кто мешал тебе?

— Да, каждый поступок имеет свою фамилию, имя и отчество... Я не хочу никого называть. И считаю, что эти люди не сами по себе возникли на моем пути. Так их воспитали. Они являют собой отражение ценностей, которые предлагает система, в которой они существуют. Исключительные превозмогают эту систему, большинство ей соответствует. И винить их — неправильно... Именно этим для меня объясняется практическое бессилие подавляющего большинства разоблачительных статей последнего времени. В них называют имена, фамилии и — никаких результатов в главном. Их эффективность уже тонет в их обилии. И повторю — я всегда оставляю за собой право сомневаться в собственной правоте. Когда я, например, приношу песню на ТВ, и главный редактор программы говорит, что песня не достойна звучать в «Новогоднем огоньке», я думаю: а вдруг он прав?

— Разделяю твою иронию относительно пронизательности главных редакторов. И коль речь пошла о телевидении, хочу заметить, что ситуация, когда худсовет выносит свой приговор песне — ситуация дикая для всего мира. Так ведь?

— Я неоднократно смущался за рубежом, и там, естественно, ни у кого не возникает вопроса выбора песен. Там считают: ты — артист, ты привез то, что считаешь нужным, а задача телевидения конкретная — думать, как это снять. Эта гениальная в своей простоте ситуация абсолютно чужда нашему ТВ. Мы привыкли ждать результата — как они там решат, а если что-то выберут — мы должны прыгать от счастья. По-моему, сейчас только Пугачева имеет право принести песню и сказать, что снимать она будет это, и так тому и быть. Хочу сказать и несколько слов в защиту Владимира Кузьмина. И удивиться от имени всех людей, которым нравятся его песни, почему его нет на экране. Я знаю, что у него много новых песен и он приносил их на телевидение. Человек, названный певцом и композитором года!

Ну, почему у нас певец, композитор должен самому себе быть суперагентом и все пробивать? Неужели недостаточно того, что он сочинил песню, что его любят? Ведь он заслужил своим творчеством, чтобы ему звонили и спрашивали — нет ли у вас чего-нибудь новенького? Или наше телевидение работает не от имени народа, а от своего собственного имени?

Песня — скоропортящийся продукт, она быстро стареет. Вскоре выйдет моя пластинка «Королевство кривых зеркал». Прошел год (!) после того, как она была записана. Это же не симфония, и я отдаю себе отчет, что песня пишется не на века. Так почему же?! Короче, я из таких «почему» могу составить отдельную беседу для толстого журнала. Но я прекрасно знаю, что они останутся безответными. Они повиснут в воздухе подобно лозунгам застойного времени. Поэтому изначально грустно говорить на эти темы.

— Пусть грустно, но поговорим. Лично я свято верю в упрямую силу воды, которая точит камень... Другое дело, что точить приходится лет по семьдесят — так сказать, многовато. И все же... Продолжая тему борьбы с чиновниками... Как, по-твоему, возможно ли нормальное развитие шоу-бизнеса (я в самом хорошем смысле слова) без того, чтобы дать зеленую улицу эстрадным менеджерам?

// ВОЗМОЖНЫ ... ВАРИАНТЫ ВАРИАНТЫ ВАРИАНТА //

Римма КАЗАКОВА

НЕДОВЕРЧИВОЕ

«Неужели в самом деле
все качели — карусели?»
К. Чуковский

Неужели в самом деле —
перестройка?
Все — на фронт, и в кабаке
пустует стойка!

Неужели в самом деле
он не вечен,
приколоченный к бумагам
человечек?

Неужели бюрократ умрет
от стресса
и от задницы его отлипнет
кресло?

Неужели — понемножку,
понемножку —
и студентов не погонят
на картошку?

Неужели вправду умницу —
в министры! —
и дозволено на бездарь
не молиться?

Неужели в самом деле
все качели — карусели,

Неужели полевели
даже те, что польсели?!

Неужели анонимщик —
не писатель?
Неужели нас за правду
не посадят?

Неужели вместо графиков
отчета
будет мясо и еще всего
до черта?

Неужели будут яства и наряды
за арендные и прочие подряды?

Неужели в самом деле —
роскошь платных туалетов...

И Лубянка без секретов,
и — нет власти без Советов?!

Неужели? Неужели? — вопрошаю
в напряженье.
Неужели? В самом деле?
Ах, какое достижение!

...А отец-красногвардеец
из времен, что отлетели,

смотрит пристально, надеясь,
что теперь-то — в самом деле!

■
Не экзотическая птичка,
обычный стиль, насыщенный хлеб:
о, эта русская привычка —
творить добро себе в ущерб!
Своей судьбою помыкаем,
зато — наивные сердца! —
кому-то вечно помогаем,
кого-то кормим без конца.
Люблю Луанду и Гавану,
мне эфиопских жаль ребят.
Но и Саратов — не Гавай,
и не Манхэттен — наш Арбат...

Я б раньше так не написала,
хоть думала немало раз:
нет ни пеньки уже, ни сала.
Качаем нефть. И дарим газ.
В родных морях нельзя купаться.
Инопланетная жара...
Куда пропала семга, братцы?
Где черно-красная икра?!
А впрочем, что за речь прямая?
Кого хочу я обвинить?
Толкаю речь, а понимаю:
натуру трудно изменить.
Другими станем мы едва ли.
И, любосердые, опять,
как раздавали, —
все так же будем отдавать?..

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО

«Не уезжай ты, мой голубчик...»

Не уезжай, мой милый, не покинь,
какое-никакое, но — Отечество.
Твоя душа давно по праву
мечется,

но заклинаю, — жертва
и ответчица:
в чужой вселенной для меня
не сгинь!

Будь выше травли, предрассудков,
зла,
на правду обопришь и
на несильное

плечо мое, —
нет, не гнездо осиное
погромщиков
крестили мы Россию,
с которой в сердце я по жизни
шла!

Ты все равно прилеплен
тоже к ней,
хоть мачеха она порою
вроде нам.

Но не покинь — что найдено
и пройдено.
Какая-никакая, это —
родина,

найдешь получше, только
не родней.
А впрочем, человечество — родня.
Живи, где хочешь, где печаль
залечится,

где будешь только — сыном
человечества.
Но и моя любовь — твоё
отчество.
Любимый мой, не покидай меня!

Не уезжай! Как в песне
давних лет,
я заклинаю своего голубчика.
И, может, что-то все-таки
получится,

и, где была одна печаль горючая,
сверкнет надежды тоненький
просвет...

■
Мать меня зовет под утро: «Мама!»
Я не мама, я ей только дочь.
Я ничем ей не могу помочь.
Это время счет ведет упрямо.
Это жизнь уходит в небеса,
ставится единственная точка.
А когда она на полчаса
вдруг в себя придет,
прошепчет: «Дочка...»
Вечность обнимает нас обоих,
что-то обещает мне и ей
и качает твердою рукою
колыбельку матери моей...

■
Хочу сказать, как я тебя люблю,
как все еще люблю, забыть
не в силах,
в восторге — и в слезах
невыносимых,
люблю — как боль смертельную
терплю.

Хочу сказать... Но все в себе
крушу.

Хочу — лишь благодарно,
без укора...
Но слово — приговор.
Я приговора
не подпишу себе, не подпишу...

■
«Не убий!» — Не сегодня написано.
«Не убий!» — Дым пожаров
клубится...
«Не убий!» — Но, хотя это —
истина,
не кончается в мире убийство.

В битвах праведных и неправедных
гибнут души — свои и чьи-то.
«Не убий!» — Но игра не по правилам,
но убийство — еще и защита.

Солнце красное, небо синее,
все букашки и все колосья
не приемлют зло и насилие,
тишины и покоя просят.

Беззвучность детского лепета,
всех любовью жгучие повести...
Ну а чаша весов колеблется:
право силы — и правда совести.

Сколько скошено и замучено!
Их оплакать — не хватит слез.
Не убий! — ни по воле случая,
ни без умысла, ни всерьез.

Все младенцы и все погребенные
вопиют с верой в новую быль:
— Человечество,
милый ребенок, —
не убий! Не убий! Не убий!..

ВАРИАНТ

...Вдруг поняла, что жизнь —
лишь вариант,
для счастья и не слишком-то
пригодный.
Но мне земли другой не сотворят
и жизни тоже не вручат другой мне.

Вношу поправки, мучаюсь, дерусь,
бессильно плачу, гордо грусть
глотая,
махнув рукой, теченью отдаюсь...
И снова где-то в облаках витаю.

Мой вариант... Он у меня в крови.
Кто так вершил, что далеко
не мед он?
Любовь ответной не нашла любви,
а до конца почти клубок
размотан...

Тут — не дошла, не дотянула —
здесь.
А время подгоняет нас жестоко.
Считала, что друзья и вправду
есть.
Но почему-то все же одинока...

Мой вариант, ты точен, как весы,
и что-то изменить — невероятно.
Но все ж, как над макушкой
ни виси,

возможны
варианты
варианта!
Я поняла, как я себя собою
с тропы привычной, все
переиначив.
Сама себя, чтоб изменить
судьбу,

меняю —
как условие задачи.
Так чувства сумасшедшие гудят,
твердят,
что в жесткой западне предела
лишь я сама —
возможный вариант
того, чего столь дерзко захотела.

И небеса дорогу отворят,
и будет все доподлинно собою,
и станешь ты судьбою, вариант, —
моей одной-единственной судьбою.

■
По радио, в газетах — без конца,
исполнены неоспоримой силы, —
речения известного лица,
цитаты, поминания и ссылки.

Они звучат как отческий завет.
Все скреплено и выверено ими.
А ведь еще вчера — и нет
как нет! —
нам возвещало их другое имя.

И были так же те слова мудры,
уверены в себе, полны азарта.
Внимали им сердца людей, миры...
Так что же будет с нынешними
завтра?

И ведь куда счастливее поэт:
пусть век петлей забот
на горле стянут,
когда поэт покинет этот свет,
цитировать его не перестанут!





НОЧНОЙ

Журнальный вариант.

Григорий ГЛАЗОВ

ПАДЕЛЯНО

1

«Из десятилетия в десятилетие время перетаскивает жизни миллионов людей, живых и умерших, никогда не видевших и не знавших друг друга, родившихся в разных странах и говоривших на разных языках. Но есть в безмерности времени, в его неостановимом движении точки, где жизни или имена этих людей когда-нибудь соприкоснутся, окликнув ныне здравствующих даже из загробного мира» (Стефан-Пауль Хайнрих. «Закон случайностей», гл. 1, стр. 87).

2

— Кому ты поручил расстрелять их?
— Не беспокойся, люди надежные, не промахнутся. Из первой роты.

Они стояли в ночном осеннем лесу около землянки. Тяжелая тьма соединила небо и землю. Высоко в невидимых кронах шумел дождь. Иногда налетал ветер и вырывал из низкой трубы землянки рой искр: как красные светлячки, они отлетали на несколько метров и гасли в мокрой и непроглядной глубине сомкнувшихся кустов и деревьев. Было сыро и знобко. Курили, напряженно глядя в ту сторону, куда конвоиры повели на расстрел двоих, тревожно ждали, почти не видя в темноте лиц друг друга: вот-вот оттуда донесутся автоматные очереди. И, затягиваясь цигаркой, оба благодарили ночь и темень, когда не видно по выражению глаз, что думает каждый, потому что повязали себя кровью.

Из-за завывания ветра и шелеста дождя они так и не услышали стука автоматов. Разом сделав по последней затяжке, выбросили окурки и спустились в землянку...

Была вторая половина октября 1941 года...

3

«Московская городская коллегия адвокатов. Коллеktiv адвокатов. Инюрколлегия. 18 апреля 1980 г.

Дело о наследстве Майкла Бучински начато нами по сообщению Стэнли Уэба. Пока мы располагаем лишь незначительными данными для розыска, но, учитывая ценность наследства (300 000 американских долларов), просим на основании этих данных начать розыск. Известно, что Майкл Бучински родился 8 апреля 1918 года в Подгорске».

Консультант местного отделения представительства Инюрколлегии Сергей Ильич Голенок еще раз перечитал бумагу, пришедшую с утренней почтой, подчеркнул красным фломастером имя и фамилию наследодателя. Сведений о нем негусто, но за многие годы службы Голенок привык уже ко всему, знал схемы, по которым раскручивались такие дела, обрстая к итогу подробностями, удивительными или банальными.

Взяв большой лист бумаги, Сергей Ильич синим фломастером нарисовал большой прямоугольник, вписал в него: «Майкл Бучински, род. 8 апреля 1918 г. в Подгорске» — и мысленно стал дорисовывать красные треугольники, к которым потянутся линии, исходящие из первоначального синего прямоугольника. Так в процессе поиска и возникает генеалогическое древо, по которому в итоге определяется та или та, кто наследует 300 000 долларов...

Но все это рисовалось лишь в воображении. А пока он взял новенькую папку-скоросшиватель, вложил письмо-сообщение из Москвы и на обложке надписал: «Дело Майкла Бучински, № Р-935, начато 25 апреля 1980 г.».

Сергей Ильич понимал, что с этим делом Москва заторопит. — слишком уж большие деньги, да и Стэнли Уэб — американский адвокат, ведущий дела Инюрколлегии в США, — задерживает, ведь не за спасибо работает, за гонорар, которого тут накручивается приличный процент. С Уэбом связаны давно, адвокат солидный, надежный, не первый год занимающийся наследственными делами, знающий и свои законы (а они порой в разных штатах разные), и в наших поднатворивший. Начавшийся день пошел своим витком.

После четырех наступила пауза, колокольчик над входной дверью уюмонился, умолк и телефон. Сергей Ильич сел за пишущую машинку. Печатал он четырьмя пальцами, но довольно быстро:

«...Наш Р-935, 25 апреля 1980 г.

г. Подгорск, УВД облисполкома. Начальнику паспортного отдела облисполкома.

В наше производство поступило дело о значительном наследстве, открывшемся в США после смерти там Майкла Бучински (видимо, Михаила Бучинского), родившегося в Подгорске 8 апреля 1918 года. Не исключено, что местом рождения его является один из районов Подгорской области. Просим начальника паспортного отдела выслать нам адреса Бучинских, про-

живающих в Подгорске, а также сообщить, в каких населенных пунктах области встречается такая фамилия. Заведующего областным отделом ЗАГС просим выслать в наш адрес выписку о рождении Михаила Бучинского, родившегося 8 апреля 1918 года.

Консультант С. Голенок».

Отправляя этот запрос, Сергей Ильич понимал, что ответ придет уже после праздников, в мае, у каждого ведомства есть и свои срочные дела...

Ближе к шести Сергей Ильич на клочке бумаги составил список, что нужно купить по дороге домой: хлеб, пачку вермишели, полкило манной крупы для вюка... Все это, подумал он, можно сделать в гастрономе на углу возле дома...

Раздался телефонный звонок.

— Слушаю, — снял трубку Сергей Ильич.

— Здравствуй, Сережа. Как живешь? Все добываешь валюту? — звучал в трубке глуховатый, чуть насмешливый голос.

— Добываю, добываю, Богдан Григорьевич. — Сергей Ильич узнал говорившего. — Как вы? Давно не объявлялись.

— Что я? Пенсионер, свободный художник. Привожу в порядок свои архивы. Надо готовить завещание. Мне ведь уже семьдесят пять. Учти, все достанется тебе. Денег не жди. А вот бумаги мои — капитал в вашем деле. — Слова были серьезные, но Сергей Ильич улавливал знакомый смехок после каждой фразы.

— Рано вы о завещании. Кто знает, кого первым господь призовет на собеседование.

— Тоже верно... Я вот чего беспокою: не знаешь, Миня в городе? Два дня звоню ему, никто не отвечает. Дай мне его домашний, не могу найти у себя.

— Он мог куда-нибудь на происшествие уехать... Запишите: 42-18-73, — продиктовал Сергей Ильич.

— Ну ладно, будь здоров...

4

Опустив трубку на крючок допотопного настенного телефона, висевшего в большой прямоугольной прихожей, Богдан Григорьевич вернулся в комнату, положил пятерку в маленький измятый кожаный кошелек, туго застегивавшийся заходившими друг за друга никелированными шариками, проверил, как обычно, выключен ли газ. Жил он в одной комнате старого одноэтажного дома. Две другие комнаты с кухней занимала соседка, вышедшая на пенсию швея, имевшая окрестных клиентов, которым всегда требовалось то что-то укоротить, то удлинить или вшить в юбку «молнию». В доме была еще мансарда, на нее вела поскрипывавшая крутая лестница. Неказистое зданище это на улице Садовой было последним, за ним начинался запущенный лесопарк, куда любили ходить парочки и где выгуливали собак близживущие любители животных.

Каждый сантиметр в комнате казался обжитым давно и надежно. Стол, стулья, кушетка, платяной шкаф — все куплено по отдельности и в разное время: что-то в мебельном магазине, что-то в комиссионном,

что-то с рук. Основное место занимали полки и стеллажи с книгами и папками. Если мансардой пользовалась соседка — держала соленья, какую-то рухлядь, сушила в непогоду белье, то полуподвал по взаимному соглашению принадлежал Богдану Григорьевичу. Там имела кафельная печь, старый стол, выкрашенный белой масляной краской, две табуретки. Здесь Шиманович иногда работал. И здесь стены были уставлены стеллажами, на которых хранились подшивки газет, выходивших в Галиции и на Волыни с начала века.

Среди многих людей Богдан Григорьевич слыл чудачком. Он выпадал из их стереотипов, из нормальных, как считали, представлений о быте, образе жизни, одежде. Он был не как все, непонятен, а потому у одних вызывал непонимание, у других снисходительную жалость: пусть на пенсии, но все же человек с высшим образованием, юрист, знает языки, мог бы подрабатывать репетиторством, переводами технической литературы, что дало бы возможность отремонтировать квартиру, прилично обставить ее, одеться солидной, а не ходить замухрышкой с огромной брезентовой сумкой. Но людям этим было невдомек, что ведь и они заслуживают снисхождения, и, понимая это, Богдан Григорьевич безвозмездно дарил им его.

Он родился на Волыни, в Горохове, в семье адвоката, но вот уже шестьдесят лет, как жил в Подгортке, где до войны окончил юридический факультет и куда в 1945 году вернулся преподавать латынь и уголовное право. В 1956 году его изгнали из университета. В приказе значилось: «...за систематическое появление на лекциях перед студентами в нетрезвом виде». Что же, водился за Богданом Григорьевичем такой грешок. Но правда и то, что студенты любили его за доброту, образованность, демократичность, особенно бывшие фронтовики, с которыми не раз веселой компанией заглядывал Богдан Григорьевич в пивную около университета. Но правда его увольнения состояла в другом — в ненависти проректора. Была и причина. Когда-то они дружили. В 1949-м зашел однажды Шиманович к проректору домой, тот в ту пору был еще замдекана, и застал его сидящим на полу среди кучи книг. Он перебирал их, что-то рвал, швырял в печь. Богдан Григорьевич вытащил из развала том Грушевского. «Ты что, спятил?» — сказал он хозяину. «Рискованно сейчас это держать». «Я возьму себе?» — попросил Богдан Григорьевич. И унес. Года четыре спустя, июльским вечером, подвыпивший Богдан Григорьевич вспомнил, что сегодня день рождения проректора, нашел какого-то мальчишку, дал ему на мороженое и велел отнести по такому-то адресу пакет. В доме проректора был разгар пиршества. Мальчишка вручил пакет хозяйке, она, не подозревая подвоха, отдала кому-то из гостей, тот содрал оберточную бумагу, посмотрел недоуменно на потрепанную книгу, открыл и, увидев на титульном листе надпись, стал читать вслух: «Огонь от сожженных книг поджег печи Освенцима». Кроме хозяйки, никто ничего не понял. Об этой странной шутке тут же забыли: хозяйка внесла торт. Именинник не спал всю ночь.

Из университета Богдан Григорьевич перешел в адвокатуру, а затем в нотариальную контору, где и просидел до самой пенсии. Но была у него и другая работа. Она ничем не оплачивалась, вмещала в себя страсть и страдания, наслаждение и разочарование, подвижничество и упорство. Богдан Григорьевич полвека собирал родословные, всякие ведомости, например, кому, когда и за что были пожалованы титулы, земли, поместья, кто, когда и за что был награжден теми или иными орденами; имела хронологическая история папства, история фирм, адвокатских контор, издательств, гостиниц, кинотеатров, ресторанов, косметических салонов и прочее, и прочее, где его прежде всего интересовали персоналии: основатели, владельцы, наследники.

Полвека Богдан Григорьевич занимался подобным собирательством. По всем этим изданиям за пятьдесят лет он составил картотеку, в ней можно было найти тысячи родословных, генеалогических карт, проследить передвижения во времени и пространстве сотен и сотен людей, узнать, кто обанкротился, а кто разбогател, поскольку в прежние годы газеты, справочники, разного толка ежегодники давали подобную информацию о людях, мало-мальски находившихся на поверхности.

Если кто-то и посмеивался над увлечением Богдана Григорьевича, то, видимо, не знал, как часто к нему за справкой обращались историки, литераторы, юристы, архивариусы...

5

В 1951 году, получив дипломы, они на прощальном вечере в честь окончания университета поклонились каждому пять лет, первого мая, собираются и отмечать это событие. От пятилетия к пятилетию съезжалось все меньше давних выпускников юрфака: кто-то не мог по семейным обстоятельствам, кто-то по служебным, по состоянию здоровья, начала гулять по их рядам и смерть со своей гребенкой, вычесывая то

одного, то другого, напоминая, что время движется в одном направлении...

В этот раз решили собраться на год раньше, и не первого, а девятого мая, поскольку можно было совместить с тридцатипятилетием Победы — среди них было много фронтовиков. Обычно заказывали малый банкетный зал в «Интуристе»: непременно приглашали двух-трех любимых преподавателей, среди которых всегда оказывался Богдан Григорьевич Шиманович. Из женщин допускались только сокурсницы, иногда они являлись и чьими-то женами. Эти посиделки вносили нервность в жизнь администрации ресторана и официантов, ведь бывшие студенты стали за минувшие тридцать лет прокурорами и следователями, работниками обкома партии и важными милицмейскими да судейскими чинами, сотрудниками облюста и адвокатами.

Если бы в этот вечер кто-нибудь грозно-предостерегающе, прорвавшись сквозь шум голосов, объявил, что один из присутствующих будет вскоре убит, они бы все дружно ответили смехом на такое пророчество: так нелепо оно прозвучало бы в разгул застолья, когда жизнь радовала встречей, обилием хорошей еды и выпивкой на все вкусы. Но так уж устроен человек — он не верит в свою смерть, хотя даже самый последний дурак знает, что она неминуема...

Стол накрыли, как и четыре года назад, на тридцать две персоны, однако прибыло только двадцать четыре человека, не хватало в основном тех, кому добираться из дальних городов и весей страны, и тех, кто жил поближе, да служил уже повыше. О последних, пренебрегающих, беспечно-иронично, а то и с жалостью к ним, подумали: «Бог с ними, была бы честь... Мы-то переживем, обойдемся...»

Тамадой, как всегда, был Михаил Михайлович Щерба, которого все по старой памяти звали просто Миня, как некогда в студенческие годы. Высокий, толстый, с кустиками рыжих волос в ушах, прокурор следственного управления областной прокуратуры Михаил Михайлович Щерба держал застолье в узде каких-нибудь сорок минут, затем, после первых рюмок, тостов, прожеванных наспех салатов, шпротин, колбасы и прочей закуски, начиналась анархия. Снимались пиджаки и галстуки, закатывались рукава сорочек, вспоминались те, кто отсутствовал. Пир разгорался. Ножи и вилки уже были перепутаны. Стоял галдеж, смех, раздавались выкрики: «Нет, вы послушайте, да дайте же досказаться!..» Но никто до конца не мог высказаться. Смахнув со скатерти щелчком зеленую горошину, выпавшую из чьей-то тарелки с салатом-оливье, Михаил Михайлович поднялся, громко постучал ножом по горлышку пустой бутылки, призывая к послушанию, и крикнул:

— Граждане, минуточку! Аня, помолчи! — и, втиснувшись в краткую паузу, спросил: — Кто знает, почему не пришел Юрка Кухарь? Обещал ведь!

— Жена отговорила! Он же теперь начальство, председатель облсовпрофа! — громко напомнил кто-то.

— Сегодня их гараж выходной, — засмеялась женщина, сидевшая в центре стола и выдавливая дыша пухлыми пальцами с перламутровыми ногтями из дольки лимона сок в фужер с минеральной водой.

— Бросьте злословить! Мало ли какие причины могли помешать...

Михаил Михайлович и старик Шиманович устроились у окна, примостив на подоконник бутылку, рюмки и вывалив в тарелочку с нарезанным лимоном полбанки шпрот.

— Ерунда все это, — говорил Михаил Михайлович. — Чувства, эмоции, интуиция — для беллетристики. Процветание и стабильность обществу может обеспечить только профессионализм каждого. Компетентность и профессионализм. Банально, но, увя... Все остальное — химеры. Они мешают профессионально делать дело.

— А долг? — насмешливо поблескивая темными глазами и пьяненько расслабив в улыбке губы, спросил Шиманович.

— Какой долг может быть у непрофессионала? Да пусть хоть тридцать лет он сидит на этой должности! С каждым днем его долг превращается в долги!

— Закажи пивка, Миша, — попросил Шиманович.

— Ну зачем вам после водки?

— Закажи, закажи, я привык...

Принесли бутылку пива. Богдан Григорьевич медленно наливал в высокий фужер, следя, как поднимается кверху пена. А Щерба наблюдал за осторожными движениями его смугло-пергаментной старческой руки с седыми кустиками волос на фалангах пальцев и охмелевшей душой почему-то неприязненно думал: «Неужто я восторгался когда-то образованностью этого неряшливого человека? Опустившегося, спивающегося. Я ведь всегда мечтал услышать от него похвалу на зачетах и экзаменах. Почему важна она была всегда именно от него?» Он ждал сегодняшней встречи с Богданом Григорьевичем, именно здесь, в час застолья, свободы, в кругу давно и хорошо знакомых людей, хотелось откровенности. С другими так или иначе довольно часто сталкивала служба, какие-то совме-

стные совещания, семинары, активы. А вот с Шимановичем не виделся по пять и более лет, и Михаил Михайлович ждал этой встречи, ощущая на душе таяние всего, чем заледенили ее жизнь и профессия, ждал, чтобы подсесть, отстранившись от всех, остаться вдвоем, настроиться на исповедальность, на простые человеческие слова, как только и можно в беседе с человеком, духовно свободным и внутренне независимым, каким еще со студенческих лет помнил Шимановича. Но сейчас вдруг этот порыв погас, когда увидел, как дрожит рука Шимановича, держащая фужер с пивом, как чуть ли не воровато он в самом начале за столом, не дождавись тоста, выпивал внеочередную рюмку, как жадно, по-старчески неопратно, ел салат. И от невозможности исполнить свое желание Михаил Михайлович внезапно ощутил неприязнь к старику, словно тот отказался быть собеседником.

— Зачем вы пьете столько, Богдан Григорьевич? — спросил Щерба. — Пожалейте себя. В чем душа-то держится?

Шиманович ответил лукаво-хмельным взглядом, из глубины которого светился какой-то лучик:

— Душе не нужно твоих объемов, Миша. Если она есть, то уместится и в наперстке...

В это время растворилась дверь, на пороге возник высокий худощавый человек, быстро, сквозь толстые линзы больших очков, охватил взглядом зальчик, порушенную изначальную чинность стола, группы людей, сидевших в вольготных позах, пиджаки, висевшие на спинках стульев.

— Прибыли его сиятельство! — крикнул кто-то.

— Юрка явился! Штрафуйте ему!

Юрий Кондратьевич Кухарь улыбнулся, расстегнул пиджак, под которым была жилетка, как-то извинительно развел руками.

— Братцы, простите за опоздание. Обстоятельства. — Он прошел к опустошенному столу, садиться не стал, взял чью-то пустую рюмку, поискал глазами бутылку с коньяком и спросил, обращаясь к Щербе:

— Тамада, можно без твоего разрешения?..

— Валаяй, я сложил уже свои полномочия, — ответил Михаил Михайлович. — Только жилетку сними, не унижай нас.

Одиноко сидя в дальнем углу и медленно покуривая, Сергей Ильич Голенок с трезвым вниманием наблюдал за всем происходящим в этом удивленном зале. Не остался не замеченным им и тот колкий перелад, которым обменялись появившийся Кухарь и Щерба. Из всех сидевших здесь бывших сокурсников только они трое — Сергей Голенок, Юрка Кухарь и Миша Щерба — знали друг друга еще со школьных лет, с момента эвакуации в Казахстан, откуда вместе уходили юнцами на фронт, даже не успев закончить десятый класс.

Сергей Ильич чувствовал, что Кухарь сейчас подсядет к нему, внешне никак заискивать не станет, не с руки ему, председателю облсовпрофа, но найдет иную форму — начнет доверительно, мол, между нами, только тебе, что-то рассказывать такое, о чем не всем, дескать, положено знать. Сергей Ильич понимал, что Кухаря даже не очень смущает, что эти ухищрения, которые он выдает за искренность, дружеское расположение, понятны Сергею Ильичу. Стремление заглушить в памяти прошлое длится уже десятилетия. Бояться Кухарю, конечно, нечего, даже смешны его старания, но то, что стало однажды рефлексом, изжить невозможно...

И, глядя, как к нему направляется Кухарь, держа в руке рюмку с коньяком, Сергей Ильич заставил себя подняться навстречу...

6

Соседка Богдана Григорьевича, Теодозия Петровна Парасюк, была женщиной тихой, одинокой, услужливой, богомольной. Она исправно ходила в церковь Петра и Павла всю свою жизнь, с тех пор, как ее туда в первый раз привела покойная тетка, когда Теодозия перебралась из села в город. Она блюла все религиозные праздники и посты, варила вкусную кутью, пекла сдобные, как вата, куличи на пасху и, уложив кулич в круглую плетеную корзиночку, накрывала его чистейшим вышитым рушником, клала сверху еловую веточку и шла в церковь освятить. Она по-соседски обихаживала Богдана Григорьевича, в праздники приносила ему маленькие твердые огурцы домашнего за-сола, кусок кровяной колбасы собственного изготовления, пирог с капустой или еще что-нибудь вкусное, а когда, случалось, он болел, отпаивала травяными отварами. Она знала Ветхий и Новый Заветы, но по долгу могла слушать комментарии к каждому из их сюжетов, которые пространно разворачивал перед ней без лукавства Богдан Григорьевич. У Теодозии Петровны имелись небольшие сбережения, и, выйдя на пенсию, она первым делом купила хороший цветной телевизор, заплатила пятьдесят рублей, чтоб ей поставили специальную антенну с усилителем для приема двух программ варшавского телевидения. Телевизор она могла смотреть беспрерывно, он был для нее окном в огромный, порой пугающий мир, захватывавший своим многообразием, нередко казавшийся ей

инфернальным, ибо вся ее примитивная жизнь накопила несколько стереотипов, зижделась на одномерной информации, а многолетнее общение с невидимым богом не вносило вариантов в миропознание, поскольку еще две тысячи лет назад семь заповедей вобрали в себя навсегда неизменные законы бытия для всех и для каждого. Особо любила Теодозия Петровна смотреть передачи из Варшавы, посвященные пасхальным и рождественским праздникам. Она наливала себе чай, клала пухлые руки на кружевную дорожку, прикрывавшую темный полированный стол, и, млея от восторга, смотрела и слушала так проникновенно, словно соучаствовала.

Было у Теодозии Петровны еще одно увлечение — раскладывать пасьянсы. Она знала их множество, могла по два-три часа заниматься этим с таким усердием, сосредоточенностью и терпением, будто, берясь в очередной раз за карты, была озабочена грядущей судьбой всего человечества.

В этот майский вечер Теодозия Петровна была обеспокоена. Она знала, что Богдан Григорьевич ушел на какую-то вечеринку, видимо, важную, он даже надел свой парадный костюм, сшитый еще по моде конца пятидесятых годов, который доставал из шкафа раз в пять лет, и, что самое удивительное, повязал галстук. Беспокоество Теодозии Петровны имело одну причину: как он под хмельком доберется домой. И хотя это его состояние никогда не превышало привычной и разумной черты и уловить его мог только человек, хорошо знавший Богдана Григорьевича, все же Теодозия Петровна волновалась: праздник, выпившего народу на улицах будет немало, а время позднее...

Часто отрываясь от телевизора и поглядывая на часы, она подходила к окну и, осторожно отодвинув тюлевую занавеску, всматривалась в темную улицу, где фонарь горел только на трамвайной остановке, которая тут была уже конечной, а дальше — лесопарк и по другую сторону его Туровское кладбище... Чтобы успокоить себя, Теодозия Петровна достала из комодика новую колоду карт и стала раскладывать пасьянс...

7

Отшли майские праздники, но без натуги все вернулось в свою колею. Олег Зданевич сидел в фотолаборатории. Работа была срочной: начальство, удовлетворив просьбу польского консула, распорядилось снять фотокопии с ряда документов, касавшихся демаркации приграничных земель в середине сороковых годов. Поисками этих документов занимался сотрудник одного из отделов Ярослав Романец.

В лаборатории горел красный свет, на натянутой капроновой леске, схваченные пластмассовыми бельевыми прищепками, сушились уже проявленные пленки. Олег Иванович, пошевеливая в ванночке пинцетом, проявлял, фиксировал и промывал большие листы фотобумаги, на которых четко проступали тексты, затем валиком накатывал мокрые фотоснимки на большое стекло, чтоб не коробились.

Время от времени входил Ярослав Федорович Романец, вносил новые документы для перефотографирования...

— Много еще этой трухи? — спросил недовольно Зданевич.

— Думаю, до обеда закончим, — ответил Романец. — Какая тебе разница, что щелкать?

— Есть халтура, обещал к двенадцати, а уже половина первого, не успею.

— Что за халтура?

— Какого-то ветерана из «Интуриста» на пенсию провожают, хотят буклетик на память.

— Отзовони им, перенеси на завтра...

Они были ровесниками, по тридцать одному каждому, но положение в обиходе занимали разное — Романец исполнял обязанности заведующего отделом информации и публикаций.

Он часто заходил в лабораторию, но каждый раз с неисчерпаемым интересом наблюдал, как на опущенной в ванночку фотобумаге в багровом свете лампы, вделанной в стену, возникало сперва мутное пятно, которое через несколько минут становилось четким изображением.

С Олегом они не то чтоб дружили, но относились друг к другу доброжелательно. Сблизили их шахматы, оба неплохо играли, тянули на второй разряд. И в обеденный перерыв, погасив красный свет, поднимали черную штору на зарешеченном окне, варили на электроплитке в старой алюминиевой кастрюльке сосиски, кипятили воду для кофе, раскладывали кто что принес из дому и, жуя, рассматривали на картонной шахматной доске фигурки, одну черную утерянную ладью заменяла пустая кассета от фотопленки.

— Ну, что, разыгрываем сегодня эту из журнала? — спросил Романец.

— Ладно, вари сосиски. Пойду позвоню в «Интурист», договорюсь на завтра.

В том, как люди едят, нередко виден их характер. Олег даже здесь, в лаборатории, хотел некоего домашнего подсобия. Держал тарелки, две вилки и нож,

салфетку, на которой нарезал хлеб. Ел он с тщательностью, аккуратно очищал сосиску от кожицы, отрезал по кусочку и макал в горчицу на краю тарелки. Романец все это упрощал, не сдирая кожу с сосиски, разрезал ее вдоль, клал на ломоть хлеба, густо намазывал горчицей, откусывал большой кусок, жевал и при этом разговаривал. Олег же отвечал ему, только все прожевав и проглотив.

— В субботу за город не собираешься? — спросил Зданевич, ставя ферзя на черное поле.

— В су-ббо-ту, в су-ббо-ту, — пропел, раздумывая над ходом. Романец. — Нет, мне надо съездить к тетке. Лекарство отвезти. С трудом достал через фарцовщиков, импортное какое-то. Да и с бензином туго.

— А что с теткой?

— Перенесла инсульт. Диабет тяжелый. — Он надкусил большой кусок хлеба с сыром, запил глотком кофе. — Врачи настроены пессимистически.

— А сколько ей?

— Семьдесят семь... Шах.

— Многовато, — похивал Олег, убирая короля... — Еще кофе?

— Пожалуй... А я пойду вот так, маэстро. Это вашему спону тоже диабет...

Так, переговариваясь, они завершили обед и шахматную партию...

8

Почты за праздничные дни скопилось много. Сергей Ильич Голенок привыл, что ничего не значащих писем в их адрес не поступает, из каждого, казавшегося даже пустым или безнадёжным, нередко выуживалась какая-то мелочь, намек, который потом становился отправным, главным в розыске.

Вскрывая конверты, он раскладывал их содержимое в известном ему порядке. Так дошла очередь и до ответного письма на запрос, посланный Сергеем Ильичом накануне праздников. И не было в нем для Голенка ничего неожиданного — ни разочаровывающего, ни радостного.

«Подгорскому отделению представительства Инюрколлегии УССР. На ваш Р-935 от 25 апреля 1980 г.

Сообщаю, что, как значится по областному адресному бюро, в Подгурске проживают четыре лица по фамилии Бучинские. Кроме того, в населенных пунктах области имеются двое лиц по фамилии Бучинские и гражданка Бабич У.В., урожденная Бучинская. Справки с их адресами прилагаем.

Начальник адресного бюро УВД Подгорского облисполкома».

Прочитав справку, Сергей Ильич подумал, какую сеть придется забрасывать. По опыту знал, что от семи Бучинских пойдут такие круги, которые всколыхнут и поднимут с илистого дна времени десятки живых и покойников, возможно, имеющих, а возможно, и нет кровное отношение к человеку, оставившему в США после себя 300 000 долларов. И из всех нужно будет выловить одного или нескольких, кто в конце обретет законное право на эти деньги.

Сейчас предстояло направить семь писем-запросов: четыре — жителям Подгурска в разные адреса и три — в районы области. И все — одного содержания. Он начал в том порядке, в каком они шли в справке адресного бюро:

«г. Подгурск, ул. Ив. Франко, 8, кв. 2. Бучинской Веславе Юзефовне.

В наше производство поступило дело о наследстве умершего в США Майкла (Михаила) Бучинского. Просим сообщить, не является ли он Вашим родственником. В положительном случае укажите дату и место его рождения и объясните степень родства с Вами. Если Вы поддерживали переписку с ним, вышлите 1—2 письма с конвертами и фотокарточку.

Консультант С. Голенок».

Дата и место рождения наследодателя были известны Сергею Ильичу — в письме из Москвы указывались. По ним в определенной мере можно будет сверять достоверность сведений тех, кто, не исключено, будет претендовать на наследство. Это была чисто профессиональная уловка, как и просьба прислать письма с конвертами и фотографию: вдруг со временем в руках Сергея Ильича окажутся подлинный почерк и фотография наследодателя... Можно будет сличить...

Затем на таких же бланках он напечатал запросы в исполкомы Ужвинского, Кулиничского и Новоздвинского районов области, на территории которых, как указано в той же справке адресного бюро УВД, проживали люди с фамилией Бучинские...

Сидели друг против друга — Щерба и старший помощник прокурора области.

— Что он опять хочет? — спросил Щерба. — Дважды этим делом занимались и мы, и КГБ.

— Вот, новая жалоба, — протянул собеседник листки, скрепленные прозрачной клейкой пленкой. — Почитай.

— Но ведь было решение парткомиссии обкома, — сказал Щерба, прочитав бумаги и откладывая их на

стол. — И почему нам? Почему не городская прокуратура?

— Ты мне их не отсовывай, — засмеялся коллега. — Резолюцию шефа видел? Бери опять эти два тома и изучай.

— Но в этих бумажках ничего нового, никаких доказательств, фактов, сплосные эмоции и требования. Наша проверка и расследование КГБ согласовались, оправдательных мотивов мы не нашли. Человек совершил самосуд, расстрелял двоих людей. Случилось, правда, в экстремальной ситуации, война. Но это и учла парткомиссия, отделался исключением из партии. И на том бы спасибо сказал.

— Что ты меня уговариваешь? Жалоба есть, зарегистрирована у нас. И резолюция шефа недвусмысленная: начинается с твоей фамилии.

— Ну-ну, — вздохнул Михаил Михайлович и, сунув листки в черную папку, поднялся.

— Новость слышал?

— Хватит мне новостей, — постучал Щерба папкой по спинке стула.

— Нет, серьезно?.. По новому административному делению нам прирезают большой кусок соседней области. А это значит, что нам с тобой...

— Понятно, что нам с тобой... А штаты хоть увеличат?

— По логике должны.

— Смотри у кого какая логика...

10

Досье Майкла (Михаила) Бучински постепенно обрело солидность, то есть объемы. Сергей Ильич подкладывал под зажимы скоросшивателя письма-ответы, поступившие на его запросы.

«Я, Бучинский Николай Павлович, получил от Вас сообщение о наследстве после моего брата Бучинского Федора Павловича, умершего в США. Сообщаю следующие данные: Бучинский Федор Павлович родился в 1910 году (месяца и числа не помню), в селе Вербное Волынской губернии. Был он лесорубом. В 1936 году уехал в Америку. С тех пор никаких данных я о нем не имел. Псылаю сохранившиеся фото. Прошу его возвратить. Н. Бучинский».

Сомнения вызывали три обстоятельства: наследодателя звали Майкл, очевидно, Михаил, а не Федор, как указывалось в письме, родился он в 1918 году, а не в 1910-м, как этот Федор, и не в селе Вербное Волынской губернии, которая входила в Российскую Империю, а в Подгурске, входившем в Австро-Венгрию. По профессии этот Федор — лесоруб. Профессия Майкла (Михаила) неизвестна. И все же Сергей Ильич не мог пренебречь Федором Бучинским, знал, какая путаница, какие изменения случались в именах, датах и месте рождения, даже в написании и в звучании фамилий эмигрантов. Тем более, что точных и подробных данных о наследодателе он не имел.

Следующее письмо тоже давало мало надежды:

«...От Бучинской Веславы Юзефовны, проживающей в г. Подгурске, по ул. Ивана Франко, 8, кв. 2.

У моего мужа, Бучинского Тадеуша, родившегося в Лодзи в 1903 году и умершего в 1973-м, был брат Збигнев, родившийся, кажется, в 1899-м, тоже в Лодзи. В молодости он уехал то ли в Америку, то ли в Канаду. Известий о нем никаких не имею...»

Еще один Бучинский сообщал «...адресное бюро, видимо, перепутало. Я не Бучинский, а Бачинский. Никаких близких родственников у меня в США не было и нет. Даже если бы были, я не желаю поддерживать с ними какие-либо отношения, не нуждаюсь ни в каком наследстве. С уважением, полковник в отставке Т. Бачинский».

Последнее письмо было более обещающим:

«...Сообщаю, что ваше письмо получила. Отвечаю на ваши вопросы. Михаил Бучинский, о котором вы пишете, является двоюродным братом моего покойного мужа. Точную дату его рождения не знаю. Отец его, Тарас Петрович, 1880 года рождения (согласно свидетельству, которое у нас сохранилось), в 1931 году уехал в США. Фотографию Михаила имею, где он в возрасте 14—16 лет. До 1939 года мы переписывались. Когда началась вторая мировая война, переписка оборвалась. Все его письма и конверты погибли во время оккупации. Мы просим установить его адрес в США или адрес его детей. С уважением, Бучинская Ольга Мироновна».

Из Москвы пришло письмо:

«Московская городская коллегия адвокатов. Коллектив адвокатов. Инюрколлегия. Р-935.

В дополнение к нашему письму от 18 апреля 1980 г. по этому крупному делу сообщаем, что его будем вести через фирму Стрезера, а не через Стэнли Уэба. Ожидаем срочного сообщения о розыске наследников»...

Он понимал, конечно, как они там нервничают, почему возникла срочность: сумма-то — ого-го! Но что еще могли написать?! Тут служебное рвение диктовала сама ситуация, хотя все отлично знают, что так быстро это не делается. Сообщить что-либо о своих подвигах в розыске наследников Сергей Ильич пока не мог. И сейчас он сделал то, что делал всегда: письма

подшил, а на большом листе, где в рамке прямоугольника значилась фамилия наследодателя, отвел от этого прямоугольника три линии, подсоединил к ним красным фломастером три круга и вписал в них фамилии, инициалы и адреса тех, от кого получил только что прочитанные письма: Сергей Ильич, выстраивая родословную наследодателя, никогда не отказывался даже от самых сомнительных линий. Мало ли куда приведет поиск да еще при наличии весьма скудных данных о Майкле Бучински. Правда, в двух кружочках он поставил вопросительные знаки. На третье же письмо написал еще один запрос:

«...P-935, 1 июня 1980 г. Бучинской Ольге Мионовне.

Мы получили Ваше письмо. Для проверки, являетесь ли Вы тем лицом, которое мы разыскиваем, просим срочно ответить на следующие вопросы:

1. Девичья фамилия и имя матери Михаила Тарасовича Бучинского.

2. Кто он был по специальности, образование и вообще все данные его биографии, которые Вам известны.

3. Были ли у него родные братья и сестры, их имена, адреса, а если умерли, то кто, где и когда.

4. Если кто-либо из родственников переписывался с ним, вышлите 1—2 письма с конвертами от него, фотокарточку... — в этом месте Сергей Ильич задумался и добавил: — Для сравнения с имеющейся у нас.

5. Где и когда умерли его родители.

6. Укажите других родственников.

7. Опишите, как и через кого названные Вами другие лица приходятся родственниками Михаилу Бучинскому, указав их имена, даты рождения, брака, смерти, начиная от общих родоначальников (видимо, его деда и бабки).

Было бы хорошо, если бы кто-либо из родственников, кто знает фамильное древо, прибыл к нам в Инюрколлегю. Расход по приезде мы не возмещаем. Наследство значительное, и дело носит срочный характер.

Консультант С. Голенок...»

Из районов области поступило три ответа: Новозавиженский исполком сообщил, что Михаил Бучинский не является уроженцем тех мест, нигде не значится, никто из его родственников в райцентре и на территории района не проживал и не проживает.

Запрос туда Сергей Ильич посылал на основании справки областного адресного бюро, значит, ошибка исходила из адресного бюро, как и в случае с отставным полковником Бачинским, возмущившимся, что у кого-то возникло предположение, будто у полковника могут оказаться родственники в США: письмо из Ужвы сообщало, что там живет некая Бабиц Ульяна Васильевна, 1903 года рождения, в девичестве Бучинская. Ее адрес — г. Ужва, ул. Черешневая, 5; третий ответ гласил:

«...На ваш запрос за № P-935 извещаем, что в с. Гапоновка Кулиничского района проживает Бучинский Степан Андреевич, 1913 г. р. У него был брат Михаил. Прилагаем справку.

Секретарь исполкома сельсовета О. Добрянская... К этой бестолковой справке прилагалась еще одна — из архива ЗАГСа Кулиничского райисполкома, — похожая на ребус:

«...Записи акта о рождении Бучинского Михаила за 1918 год не имеется. Книга регистрации актов о рождениях за 1916—1922 годы сохранилась...»

«Как же так, — думал Сергей Ильич, — книга сохранилась, а человек в нее не вписан? Может быть, этот Михаил из Гапоновки, брат Степана, родился не в Гапоновке? Или появился на свет после 1922 года?.. Надо писать повторный запрос, разжевать: когда и куда Михаил Бучинский выехал из села, чем занимался до выезда (работал, учился, по какой профессии), еще раз проверить через райотдел ЗАГСа наличие актовой записи о его рождении и сообщить точную дату его рождения и имена его родителей».

Звякнул колокольчик, послышались шаркающие шаги. В дверном проеме показались Богдан Григорьевич Шиманович. В руке он держал знакомую истертую холщовую сумку, и Сергей Ильич понял, что старик совершал свой обычный обход букинистических магазинов, один из них находился в цокольном этаже соседнего здания.

— Как улов? — спросил Сергей Ильич, кивнув на сумку.

— Ты не иронизируй, — Богдан Григорьевич лукаво сощурил темные глаза, присел к столу. — Думаешь, твой улов, — указал он на бумажки, — богаче моего? Это иллюзия богатства, дорогой мой, — доллары, марки, фунты. Их можно истратить, проиграть в карты, пропить.

— Для кого как... Кофе?

— Свари. Минут пятнадцать передохну у тебя. Не помешаю?

— Да что вы!

Сергей Ильич был рад приходу Шимановича хотя бы уже потому, что появилась возможность отвлечься от чтения нудных писем, от мыслей о Майкле Бучинском и его наследниках или наследнике, которые вроде и не прячутся, но и не знают, что их ищут.

Кофеварка была какая-то импортная, с несколькими кнопками и таймером.

— Вода не сбегит? — спросил Богдан Григорьевич, когда Сергей Ильич, включив кофеварку, сел в кресло.

— Там автоматически отключится, зуммер напомнит.

— Молодцы, — усмехнулся Шиманович. — Технический прогресс.

Сергей Ильич достал из тумбочки бутылку с вишневым ликером.

— У тебя в Шевченковском райисполкоме кто-нибудь есть? — спросил Шиманович.

— Секретаря знаю. Что у вас там за дела?

— Пошел слух, что мой домик сносить будут. Возле лесопарка должны строить дворец пионеров. Дом мой, как тебе известно, последний на улице, там якобы должен пройти бульвар. Хотелось бы знать, когда это свершится. Может, мне удастся еще до этого времени умереть.

— Попробую узнать...

— Чем занят сейчас? — поинтересовался Богдан Григорьевич.

— Вот, — Сергей Ильич пододвинул ему dossier Майкла Бучинского. — Эта папочка весит триста тысяч долларов.

— Прилично, — хмыкнул Шиманович. — Если я тебе помогу отыскать наследников, мне бы комиссионных рублей сто, книжные полки купить, — засмеялся Богдан Григорьевич и начал читать.

А Сергей Ильич подумал, что за праздною шуткой старика о комиссионных имелся и реальный смысл: многие, в том числе и Инюрколлегия, пользовались услугами Богдана Григорьевича, его картотекой и всякими допотопными справочниками...

— А знаешь, Сергей, я ведь действительно смогу тебе помочь, — сказал Богдан Григорьевич, закрывая папку, — я вел дело этой дамы из Ужвы как адвокат. У нее была какая-то тяжба с соседями, они оттапали кусок земельного участка... Запиши-ка мне ее адресок...

Когда Богдан Григорьевич ушел, Сергей Ильич еще долго сидел задумчиво за столом, потирал ладонью глаза, поглядывал в окно. Затем, вымыв чашки и рюмки и убрав следы пиришества, напечатал повторное письмо в Ужву, откуда долго не было ответа:

«...1 июня 1980 г., наш P-935. Повторно. г. Ужва, ул. Черешневая, 5. Бабиц Ульяна Васильевна.

В наше производство поступило дело о наследстве умершего в США Майкла (Михаила) Бучинского. Просим сообщить, не является ли он Вашим родственником. В положительном случае уточните следующее:

1. Точную дату и место его рождения.
2. Укажите степень родства.
3. Когда и при каких обстоятельствах он уехал из дому.

4. Что Вам известно о его проживании в последний период.

5. Если Вы имели с ним переписку, то просим выслать письмо с конвертом, либо другие почтовые отправления, указав его адрес.

6. При наличии его фотографий, просим прислать.

7. Уточните дату его рождения в ЗАГСе. И при наличии актовой записи, сообщите об этом нам. Обращаясь в ЗАГС, предъявите это письмо.

С получением ответа мы примем меры к оформлению документов для получения наследства Вами и другими родственниками.

Консультант С. Голенок...»

11

Свалившаяся на Ярослава Романца работа не была неожиданной, как и для многих сотрудников областного архива. Давно знали, что грядет изменение административных границ области, что какую-то часть документов по новому территориальному признаку надо будет передавать в соседнюю область, а что-то, по той же причине, принять от них.

Но одно дело знать, а другое — приступить к этой нудной и кропотливой работе: отбирать, сортировать, составлять описи, укладывать в ящики.

Высокая стопка папок торчала перед ним. И с какой-то постылой злобной обреченностью Ярослав уже не поглядывая на часы и не стряхивая скользковатой пыли с рук, тупо вкрутился в эту рутинную работу...

В конце дня вошел Олег.

— А может, сгоняем партию? Прервись, передохни, — предложил он.

— Помог бы лучше, — не разгибаясь, отозвался Ярослав.

— Я в этом не смыслю. — Олег стоял у стола за его спиной и держал в руках толстую пачку забытых машинописных страниц, соединенных огромной скрепкой. — Это что, опись того, что нам передали?

— Да, — оглянулся Ярослав. — Уже привезли, пока свалили в подвал армянской церкви.

— «Записи актов рождения и смерти, Костел Святой Элизабеты, 1907—1937 гг.», «Документы штаба партизанской бригады «Месть», 1941—1944 гг.», «Материалы Антифашистского конгресса, 1936 г.», — читал Олег вслух.

— Слушай, не бубни, мешаешь, — остановил его Романец.

Олег положил опись на стол и молча вышел из комнаты.

Вошла начальница.

— Как у вас дела, Ярослав Федорович?

— Вот. — Он кивнул на гору папок и, поднимаясь, поморщился, разгибая колени.

— Я имею в виду другое — ваш реферат. В августе следующего года в Мюнхене симпозиум по архивному делу. Реферат послать надо не позже мая.

— Вы верите в эту затею?

— Да.

— А я — нет.

— Ну почему же?..

— Я уже ездил в Прагу, — усмехнулся он. — А тут — Мюнхен! И — какой-то Ярослав Романец! Да кто меня пустит?

— Я буду предлагать вашу кандидатуру.

— Спасибо, Надежда Францевна. Поживем — увидим.

— Стараюсь... За такую работу надо платить «за вредность». У шахтеров силикоз. А вы думаете, наши легкие от этой вековой пылици в лучшем состоянии? «Пыль веков»! Романтика!.. Господи, какой бред!..

— Скоро начнем строиться. Новое современное здание. Кондиционеры, температурный режим, электронная вентиляция.

— И вы во все это верите? Вы же прожили жизнь, Надежда Францевна!

— Но нельзя же в вашем возрасте уже ни во что не верить! Я буду у себя еще полчаса, — заключила она разговор и вышла.

«Да-а! Мюнхен! Как раз то, что нужно! Мой реферат должен быть экстра-класса... Чтoб обратили внимание... Внимание! Я обязан выложиться ради этого... — думал Романец. — Ах, если бы удалось!..»

Уложив дочь, Катя убирала разбросанные игрушки в специальный пластмассовый ящик на колесиках, который трехлетняя Настя целый день возила по комнате.

Олег сидел на кухне за столом, ждал, пока дочь заснет, чтоб можно было включить телевизор. Газеты прочитаны, чай допит. О чем-то думая, он медленно сгребал ребром ладони крошки хлеба и выбрасывал их в раковину, находившуюся на расстоянии вытянутой руки, вставать не нужно было, тем более, что не хотелось. Рядом с пепельницей лежали клочки мелко изорванных лотерейных билетов.

Вошла жена, устало опустилась на табуретку рядом, кивнула на бумажки:

— Вижу, выиграл.

— Фунт дыма.

Она обвела взглядом закопченную кромку потолка над плитой.

— Кухню белить надо.

— А может, все-таки поменяем? Чего зря затевать с побелкой?

Они жили в четырнадцатиметровой комнате. С появлением на свет ребенка пробовали менять квартиру на двухкомнатную. Попадались подходящие варианты, но с большой доплатой, а где ее взять, доплату эту, когда едва сводили концы с концами. По вечерам жили, в сущности, на пятиметровой кухне, ни почитать лежать ни посмотреть телевизор — в комнате спала дочь. Так и коротали время до полуночи на табуретках.

— У меня от них уже мозоли на заднице, — печально шутил Олег. — Вот выиграть бы в лотерею «Жигули», взял бы деньгами, хватило бы на обмен квартиры. Я бы купил еще себе «Никон». Видел в комиссионке. С набором линз и объективов. Какой аппарат!.. Молодцы японцы!..

— А что бы ты мне купил?

— А что ты хочешь?

— Мебель хорошую. Настеньке в комнату — детский набор из светлого дерева, а в нашу — югославскую или финскую стенку, журнальный столик, диван и два кресла. Знаешь, из серого велюра. Или из сиреневого. Очень красиво...

Он давно мечтал о хорошей японской фотокамере. Не раз держал в руках, заходя в комиссионный, разглядывая, щелкал. Как профессионал, толк в этом знал. Но, повертев, повздыхав, уходил расстроенный: цена была для него немислимой...

— Почему ты не ужинаешь? — спросила Катя, сдирая с ногтя пленочку отставшего лака. Она видела, что муж как бы отсутствовал, отгородился от нее своими затаенными мыслями.

— Не хочется... Чаю попил...

— Олег, я знаю, что с тобой творится! Уж я-то вижу! Очень прошу тебя, оставь это, выбрось из головы! Забудь!

— Нет, я решил и сделаю!

— Подумай о дочери.

— Я о ней и думаю. О ее будущем... В конце концов тут и мой, личный интерес. И хватит!

— Что это даст? Наследство получишь? — усмехнулась Катя.

— Да, наследство!
 — Кончится все бедой.
 — Оставь меня в покое...
 Она знала — его не переломать, упряма.
 — Сними сорочку, воротник уже грязный.
 — Ничего, еще один день поношу.
 Она посмотрела на его сильные покатые плечи, мышцы уже чуть залпыли сальцем, огрузнел, а ему всего тридцать один год.

13

Старое дело, которое пришлось вытащить из архива, состояло из двух томов.

Михаил Михайлович Щерба знал его почти наизусть, уже дважды занимался в разное время по просьбе парткомиссии обкома и административного отдела. И вот сейчас — в третий раз по очередной жалобе.

Полистав первый том, он остановился на допросе некоего Вороновича и стал читать.

«Следователь. Ваша фамилия Воронович Игорь Матвеевич. Родились 24 сентября 1918 г. в Черкассах. Служили кадровую. Рядовым. Все правильно?»

Воронович. Да. Все так.

Следователь. Как попали в отряд «Мечь»?

Воронович. Вышел вместе с батальоном из окружения.

Следователь. Сколько человек участвовало в расстреле?

Воронович. Двое. Я и еще один.

Следователь. Когда это произошло?

Воронович. В октябре 1941 года.

Следователь. Какого числа?

Воронович. Двадцать четвертого или двадцать пятого. Уже не помню точно. Но не позже. Двадцать шестого я был ранен.

Следователь. Кто отдал приказ о расстреле? Подробней, пожалуйста.

Воронович. Под вечер командир роты вызвал меня и еще одного бойца — Василия Орлика. Сказал, чтобы мы взяли с собой оружие и отправились к комиссару. Ну, мы и пошли с Орликом к комиссарской землянке. Была ночь, сильный ветер, ливень, весь лес от него гудел. И все черно вокруг. Вышел комиссар, спросил, откуда мы родом. Потом сказал: нам предстоит расстрелять двух саботажников. Это, мол, приказ командира. Их держали в отдельной землянке под замком. Мы и повели их... К яру...

Следователь. Вы знали, кто они?

Воронович. Нет. Видели только, что в гражданской одежде. Тьма была такая, что лиц не разглядеть.

Следователь. Где же вы их расстреляли?

Воронович. Я ж говорю — в яру Вильчанского леса. Пока дошли туда, а потом возвращались, — вымокли до исподнего.

Следователь. Там и зарыли?

Воронович. Та... Кое-как...

Следователь. Сейчас нашли бы это место?

Воронович. Трудно сказать... Дело-то ночью происходило. Места незнакомые. Когда мы с Орликом шли назад, через лес, чуть не заблудились...

Следователь. Что вы можете сообщить по поводу того, вершился ли какой-нибудь публичный или другой суд над ними, может, разбирательство официальное?

Воронович. Об этом ничего не знаю, не слышал.

Следователь. Ну, а в отряде слухов потом никаких не возникло?

Воронович. Я уже говорил, что через день меня ранило, из отряда выбыл. Два месяца отлеживался у одной старухи на хуторе. Может, сперва и гуляли какие слухи, разговоры. Да долго, видать, не гуляли. Время было какое осенью сорок первого? Сами знае-

те. Тысячи безвестно гибли. А тут — двое. Забылось быстро...

Следователь. Как видите, не забылось... Когда вы последний раз виделись с Орликом?

Воронович. Давно. Очень давно. Годов двадцать пять тому... Даже не знаю, жив ли еще. Он где-то в Курской области тогда находился...

Дальше в деле шло отдельное поручение в адрес прокуратуры Курска с просьбой допросить Орлика.

Михаил Михайлович прочитал и этот небольшой документ.

«...Следователь. Вы, Орлик Дмитрий Игнатьевич, родились 21 ноября 1917 года в Хомутовке Курской области...

Орлик. Да.

Следователь. Как попали в отряд «Мечь»?

Орлик. Вышел с батальоном из окружения.

Следователь. Вы знакомы с Вороновичем Игорем Матвеевичем?

Орлик. А как же! Вместе топали от Перемышля. Да и потом все разом хлебали.

Следователь. Что вы можете сообщить о случае расстрела двоих гражданских лиц двадцать четвертого или двадцать пятого октября 1941 года?

Орлик. Ночью дело было. Дождь, холодрыга. Только я сменился, стоял часовым, вымок, как щенок бездомный, а тут прибегает Воронович: «Вставай, ротный зовет». А я едва угрелся, переобулся. Неохота было из-под шинелки вылезать. Да что поделаешь. Ротный отправил к комиссару. Тот и приказал нам



Рисунки Игоря ГОНЧАРУКА

отвести этих куда подальше и шлепнуть. Из-за них, гадов, опять мокнуть, тащиться через лес! Ох, и лютый я был на них.

Следователь. А вы знали, кто они?

Орлик. Понятия не имел. Говорю же, злой на них был. Да и дело-то мое сторона: начальство приказало, а я рядовой! Потом кто-то сказал, то ли полиция местные, то ли дезертиры. Через эту падала ни обсохнуть, ни послать не удалось.

Следователь. Где вы их расстреляли?

Орлик. А в яру...

Следователь. Как давно вы видели Вороновича? Орлик. А, считай, года с пятьдесят пятого не виделись.

Следователь. Переписываетесь?

Орлик. Где уж!.. Какие у него интересы ко мне или у меня к нему? У каждого своя жизнь за такой срок образовалась. Про что писать-то? Уж и не пойдем друг дружку...

Ничего нового из этих бумаг Щерба и на сей раз для себя не извлек. К моменту возникновения всей истории в живых оказались только командир отряда, Воронович и Орлик. Командир отряда. Главный фигурант. Об него-то все и споткнулось. Он-то и нагородил все возражения и противоречия. Странные ссылки на свидетелей, которых нет в живых. А что выдобишь из Орлика и Вороновича? Простые исполнители. Никаких расхождений в их словах. Никаких уверток. Зацепиться не за что. Голый сюжет: им приказали — они расстреляли. И показания эти, конечно, в пользу потерпевших. Объективно... Но делать нечего, надо копаться...

14

Утром Теодозия Петровна наметила поход по хозяйственным делам: в магазин за мастикой для полов, в молочный, хлебный и в сберкасса оплатить коммунальные услуги. Это она делала аккуратно, каждого третьего числа нового месяца, на следующий день после получения пенсии. Еще надо было зайти в переплетную мастерскую: из старенькой, доставшейся еще от матери Библии выдралось несколько страниц, и Теодозия Петровна не могла допустить, чтоб гнила на ее глазах и от ее рук главная книга жизни.

Одевшись по погоде (сезонное ношение одежды было ей не указом), она собрала сумки, напихала в них целлофановые кулечки и направилась к двери Богдана Григорьевича. В коридоре у его порога стояла пара черных выходных туфель, начищенных до глянца. Обувь он всегда держал за дверью. Теодозия Петровна знала, сколько у Богдана Григорьевича костюмов (а их-то было всего два), сколько пар обуви (коричневые осенне-зимние утепленные ботинки, коричнево-желтые повседневные туфли и эти — торжественные, черные), знала по расцветкам его пять сорочек и что имеется две пары теплого нательного белья.

Наличие туфель, выставленных за дверь, подсказывало, что Богдан Григорьевич дома.

Она тихонько постучала и, дождавшись ответа, вошла. Он стоял на стремянке у книжных полок и рылся в какой-то папке. Теодозия Петровна быстрым подозрительным взглядом окинула комнату, будто проверяя, все ли тут как всегда и обычным ли делом занят хозяин.

— Так я иду, — сказала она.

— Бутылочку молока, два рогалика. Расчетная книжка, извещения за телефонные переговоры и деньги вон там, — указал сверху Богдан Григорьевич, словно отозвался на давно установившийся пароль «Так я иду».

Деньги, расчетная книжка, извещения лежали на столе, рядом с бумагами, папками.

Взяв то, что ей полагалось, Теодозия Петровна вышла.

Богдан Григорьевич услышал, как хлопнула дверь за Теодозией Петровной, и улыбнулся своим мыслям о ней. Он хорошо изучил этот тип людей. При всей набожности, скромности, хозяйственности и очень избирательной доброте Теодозия Петровна была злопамятна, ограждала себя естественным для ее мышления удобным, понятным обывателю фарисейством и приспособлявала свою природную завистливость к обстоятельствам таким образом, чтоб окружающие не замечали. Ее легковнушаемость могла бы считаться безобидной, когда бы Богдан Григорьевич не помнил, что подобная легковнушаемость, как биффордов шнур, поджигает толпу, и та совершает безумства, кажущиеся ей праведными, а через столетия оказывающиеся безразличными. И то, что Теодозия Петровна ревниво заботилась о Богдане Григорьевиче, не позволяло ему заблуждаться в ее истинных мотивах. Еще лет десять назад она надеялась, что одинокий, тихий, скромный сосед женится на ней — такой же тихой, одинокой и скромной женщине, богомольной, хозяйственной, с хорошей репутацией у окрестных людей. Этого не случилось, но заветная мысль-надежда стала как бы постоянным ее будничным состоянием, выросла в сознание, как реальность, и, обихаживая Богдана Григорьевича, Теодозия Петровна словно исполняла свой долг верной жены, верной перед Богом и законным мужем. «Инерция иллюзии, присущая опять же человеку из толпы», — квалифицировал это Богдан Григорьевич. «Человек толпы» — термин, сим-

вол, которым Богдан Григорьевич пользовался очень давно, вложив в него всю свою социально-этическую неприязнь к Хаму, Мздоимцу, Погромщику, Вору, Фарисею, Лизоблуду, Убийце... «Теодозия — убийца», — улыбнулся он, вспомнив ее умиротворенное лицо, когда она пекла пасхальные куличи или раскладывала один из своих любимых пасьянсов. Впрочем, всякое бывало, все зависит от мотивов и обстоятельств, а мотивация поступков изначально сложнее, нежели выглядит потом, когда вылезет из недр мозга на поверхность жизни...

Отыскав нужные бумаги, Богдан Григорьевич осторожно стал спускаться со стремянки, сел к столу читать, задумчиво покачивая двумя пальцами пресс-пальце. Это было старинное тяжелое бронзовое литье. Ручкой служил клыкостый бронзовый дикий кабан. Штуковину эту Богдан Григорьевич купил лет двадцать тому в антикварном, сравнительно недорогом, да еще в комплекте с пачкой промокательной розовой бумаги, удивился тогда, как она, довоенная, могла сохраниться у владельца. Такой теперь не сыщешь. Он не знал, выпускают ли вообще сейчас, в век шариковых ручек, промокательную бумагу. Сам же пользовался только пером — хорошей американской авторучкой, которую ему подарил Голенок и Миня Щерба в день рождения, присовокупив два флакона паркерских чернил.

Зазвонил телефон.

— Слушаю. — Богдан Григорьевич снял трубку. — Ты, Миня?.. В сорок первом?.. По-моему, что-то есть... Дислокацию и передвижение? Понял... Хорошо, посмотрю... Завтра дам ответ...

Затем Богдан Григорьевич снял свою вылинявшую фланелевую пижаму в продольных широких полосах, словно тюремное одеяние, переоделся, и, сунув в холщовую сумку папку с бумагами, вышел из дому.

15

Сделав все покупки, Теодозия Петровна навестила приятельницу, с которой одновременно ушла на пенсию. Та обещала ей доставить несколько мотков итальянской шерсти. Пили чай, беседовали тихо и степенно, и время текло незаметно, тем более что вспоминать хотелось многих, многое оценить и прийти к согласию. Поцеловав на прощанье подругу, договорившись встретиться в церкви Петра и Павла, Теодозия добралась до дому. Своими ключами отперла входную дверь, проходила по коридору, бросила взгляд на дверь Богдана Григорьевича и, не увидев у его порога туфель, поняла, что хозяин отсутствует.

Взяв две тряпки — влажную и сухую, — она отправилась убирать комнату Богдана Григорьевича. Начинала обычно справа от двери и дальше шла по кругу. Вытирая стол, касалась только тех мест, где ничего не лежало. Протерла бронзовое пресс-пальце, держа его на весу, в который раз удивилась тяжести и в который раз с интересом разглядывала бронзового дикого кабана, очертившего клыкостую пасть...

16

Двое ждали, когда совсем стемнеет. Сидели в парке на скамье перед озером. Плавающие днем лебеди укрылись на краткий сон в маленьком углублении берега под свесившимися почти до самой воды ветвями ивы. Не спала только огромная чугунная лягушка на середине озера, выбрасывавшая из своего рта струю позвизгивавшей воды, от которой по поверхности расходились вялые круги.

Они молча курили. Все было оговорено заранее — немногословно и даже как-то лениво, поняли друг друга с первых фраз.

— Ты все взял?

— Да.

— Ломик надежный?

— Посмотри. — Открыл большую черную сумку.

Тот смотреть не стал, откинулся на спинку скамьи и с наслаждением вытянул ноги, сильно напрягая мышцы.

Когда совсем стемнело, они поднялись и двинулись к старой части города.

По длинной каменной лестнице спустились в подвелье, в лицо дохнула плотная многовековая сырость.

— Зажги свечу, — сказал главный.

Во тьме извели несколько спичек, наконец взлетел огонек, успокоенно вытянувшийся на свечном фитиле. Две двери — одна против другой, — ведущие в отсеки, бывшие когда-то то ли кельями, то ли местами захоронения, были заперты на ржавые щеколды, на которых висели вполне современные замки.

— Дай ломик, — приказал главный.

Он всунул толстый стальной прут между дверью и щеколдой, уперся ногой в стену и сильно потянул на себя. Раздался хруст вырванного из зацепок металла, на землю упал замок.

— Тоже мне сейф, — засмеялся тот, что держал свечу.

Они вошли в отсек. Вдоль стены стояло несколько ящиков.

— Тащи сумку.

Загрузились быстро, приблизились ко второй двери. Тут пришлось повозиться. Один из них кашлянул.

— Я читал, что на фронте, когда шли за «языком», простуженных в разведку не брали, — сказал главный.

— Сейчас зажгу. — Он долго чиркал спичками. — Отсырели, что ли?

— Тут кислороду мало.

Щеколда была плотно прижата к двери, и вогнать ломик не удавалось. Пришлось всунуть его в замочную скобу и попробовать вырвать ее из гнезда. Но это был надежный лодочный замок.

— Да ну его к черту! Идем отсюда, — сказал тот, что держал свечу.

— Заткнись, — сипло дыша от натуги, отозвался напарник. Наконец сообразил: воткнул стальной прут в дужку щеколды и несколько раз с силой подналег. — Вот так, — сказал, выдирая дужку из двери. — Ну, что тут на закуску? — И засмеялся, распахивая дверь.

На полу стояло три или четыре плотно заколоченных ящика. Это были старые немецкие ящики из-под снарядов, сохранившие свой серо-зеленый цвет и даже черную маркировку через трафарет. Поверху шли слабенки, чуть ли не из жести петли, но в них никаких замков, просто закрученные на несколько витков куски хрупкой алюминиевой проволоки.

Они вскрыли два ящика без всяких усилий, в них оказалось всего не то, на что рассчитывали.

— Труха, — сказал разочарованно главный. — Идем.

Вышли во тьму коридора, и в этот момент откуда-то к их ногам метнулся кружок света от карманного фонарика. Глянув в конце подвелья, где шли к выходу каменные ступени, они увидели в дверном проеме человеческую фигуру. Укоротив длину луча, словно подтянув его к себе, человек светил себе под ноги и медленно спускался.

— Бежим в конце! Но тихо, — прошептал главный.

Взявшись за две ручки тяжелой сумки, стараясь прижиматься к стене, они крадучись достигли тупикового конца коридора и спрятались за широкий выступ фундаментной кладки. Осторожно выглядывая, увидели, что неизвестный и нежданный посетитель вошел в один из отсеков. Находился там долго, все время фонарик не гас, и слабое свечение падало в коридор, словно пресекая им дорогу к бегству.

— Курить охота, — прошептал один.

— А может, спеть чего-нибудь хочешь, в голос?

— Ладно тебе.

Фонарик на какое-то мгновение погас, неизвестный вышел, послышались неуверенные шаги, снова вспыхнул луч, теперь человек светил на ступени, поднимаясь к выходу. Наверно осторожно скрипнула прикрытая им дверь, и наступила тишина...

Минут через пятнадцать они покинули свое укрытие. Закурили, жадно затягиваясь, и, подхватив сумку, двинулись к лестнице.

17

«...Инюрколлегия. Весьма срочно. Дело. Майкла Бучински. Ваш № P-935.

Нами получена точная информация от фирмы Стрезера, что наследодатель родился 8 апреля 1918 г. в Подгорске. Мать его звали Анелия, урожденная Радомская. Имя отца указано как Стефан, возможно, Степан Бучински. В иммиграционном заявлении Майкл Бучински в 1950 году указал, что его родители умерли и что у него был брат Александр, который проживал в г. Подгорске. По образованию наследодатель был врачом. В дополнение к нашему письму направляем фотокопии трех документов, полученных нами от адвокатской фирмы Стрезера. Они просят уделить этому делу особое внимание и как можно скорее найти наследников. Учитывая сумму наследства, мы, со своей стороны, просим принять самые энергичные меры по их розыску.

Приложение: упомянутое на трех листах...

Документы являли собой ксерокопии, в том числе и фотография. И не в первый раз Сергей Ильич подивился четкости, технической совершенству той неведомой ему копировальной машины, на которой все это было повторено с оригинала.

«Так вот какой ты, Бучински Майкл! — вглядывался в фотографию Сергей Ильич. — Как же сумел ты намотать триста тысяч долларов?! Однако это твое дело... Мое похуже — отыскать того, кому их передать... Рановато ты помер, Бучински. Сколько же тебе?.. Шестидесят два!.. На вид ты парень крепкий... Пожил бы еще, и я не имел бы столько хлопот... Впрочем, не ты, так другой...»

Но был не другой, а другие, отозвавшиеся письмами на запросы Сергея Ильича. Но, к сожалению, все они были лишь однофамильцами. Не пришло еще два ответа: из Ужвы, где проживала некая Бабич Ульяна Васильевна, родственница какого-то Бучинского. Не ясно было, искомый ли это Бучинский и какова степень родства с ним Ульяны Бабич; и из села Гапоновка, Кулиничского района, где, судя по справке исполкома, жил Степан Андреевич Бучинский, у которого якобы имелся брат Михаил.

Выяснением всего, что касается Ульяны Бабич из Ужвы, занялся Богдан Григорьевич. Тут Сергей Ильич был спокоен: старик все соберет точно, скрупулезно. Перепроверить еще раз хорошо просеянные опытным Богданом Григорьевичем данные проще, чем отыскивать их. А в Гапоновку, может быть, придется съездить самому...

Продолжение следует.



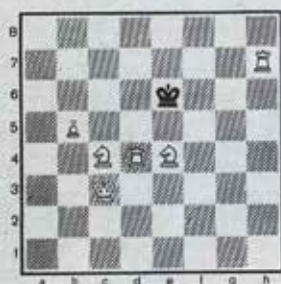
31-я шахматная олимпиада

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

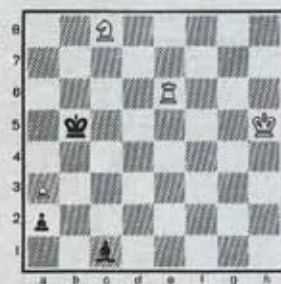
ДВЕНАДЦАТЫЙ ТУР



Белые: Крc3, Лd4, Лh7, Кc4, Кe4, п.b5 (6)
Черные: Крe6 (1)
Мат в 3 хода (3 балла)



Белые: Крf5, Кd8, п. g2, g3 (4)
Черные: Крh5, п. d3, h7 (3)
Ничья (3 балла)

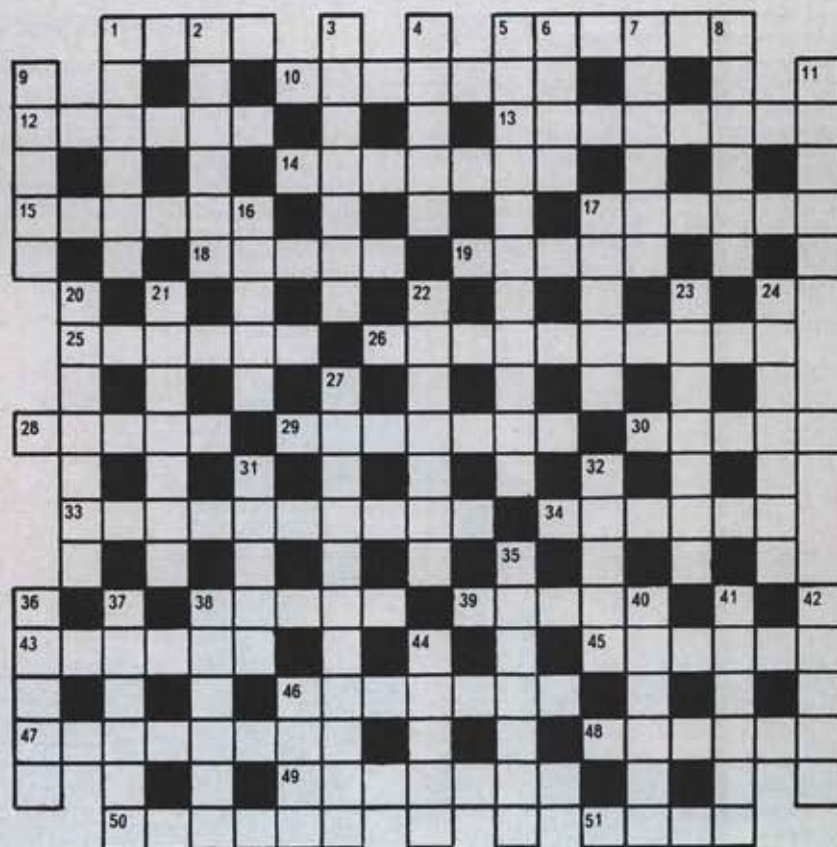


Белые: Крh5, Ле6, Кс8, п. a3 (4)
Черные: Крb5, Сс1, п. a2 (3)
Ничья (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «31-я шахматная олимпиада. XII тур». Последний срок отправки писем (по почтовому штемпелю) — 1 ноября. Решения этюдов (задания II и III) просим присылать на отдельных открытках.

КРОССВОРД

Составил Г. Грачев. Москва



ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Стихия, обрушившаяся на Москву в первый день стрельцкого бунта. 5. Немецкий писатель, автор биографии Бетховена, Наполеона, Шлимана. 10. Зоолог, профессор Московского университета, в 1911 году покинувший его в знак протеста против притеснений студентов. 12. Один из металлов, который в будущем человечество, видимо, станет добывать из астероидов. 13. ... море — древнерусское название Северного Ледовитого океана. 14. Инструмент, названный по «небесному» звуку, похожему на звук колокольчика. 15. Болгарский кисломолочный продукт. 17. Продукт, добываемый из бересты. 18. Зверь из стихотворной сказки Н. Языкова. 19. Комната, где в Древней Руси часто безвыходно жили женщины. 25. Виртуозный пассаж в пении. 26. Древнеримский оратор, сказавший: «Что бы ни делали государи, кажется, будто они это предписывают всем остальным». 28. Известная пианистка, у которой Б. Пастернак и О. Ивинская читали первые главы «Доктора Живаго». 29. Народное название Венеры. 30. Губительный для рек способ транспортировки леса. 33. Личность, отдельный человек. 34. Рыба, в Севане редко достигающая 4 килограммов веса, а в Иссык-Куле, куда ее переселили, вырастает до 20 килограммов. 38. Цветок. Перед тем как поставить в вазу, стебель надо присыпать золой, солью или квасцами. 39. ... Хуренито — герой раннего романа И. Эренбурга. 43. Косметическое средство для ухода за кожей. 45. Азиатская страна. Занимает первое место в мире по выработке шелка. 46. «Собачье ожерелье». 47. Знамя в русских кавалерийских частях. 48. Опера А. Спендиарова по поэме О. Туманяна. 49. Действо при русском сватовстве. 50. Древний город, по которому был назван дорогой писчий и переплетный материал. 51. Полевое военное укрытие.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Царь-рыба. 2. Запас. 3. Металл, из которого в 1978 году в Сан-Марино была отлита медаль в честь 150-летия со дня рождения Л. Толстого. 4. Представитель народа, в языке которого есть карлукское, кыпчакское и огузское наречия. 5. Самое распространенное хвойное дерево. 6. Складное жилище в Средней Азии. 7. Самая известная картина В. Борисова-Мусатова. 8. Карфагенский мореход, в VI веке до н. э. описавший западный берег Африки. 9. Ирландский писатель, не менее известный, чем Ф. Кафка и М. Пруст. 11. Стержень якоря. 16. Вулкан на острове Тенерифе (Канарские острова). 17. Изречение или слово, заменяющее имя автора при закрытых конкурсах. 20. Чин, в котором Петр I начал службу и впервые отправился за границу. 21. Судьба. 22. Ноздрев в «Мертвых душах» Н. Гоголя: «Эх, Чичиков, ну что тебе стоило приехать! Право, ... ты за это». 23. Устройство с экраном, где видны результаты действия ЭВМ. 24. Порт на юге Турции. 27. Советский поэт, в повести «Шум времени» написавший, что его «политическая мысль всегда будет звучать как бетховенская соната». 31. Лекарственное растение, семена которого разносит ветер. 32. Ковшовый элеватор. 35. Испанский живописец, первый президент Академии художеств в Севилье. 36. Лучший ныряльщик среди птиц. 37. Оттиск с печатной формы при участии гравера. 38. Южноамериканская птица, которую фантазия Ж. Верна наделила невероятными качествами. 40. Район России, где стоит Суздаль. 41. Единственный самоцвет, упоминаемый в «Одиссее» Гомера. 42. Часть кисти руки. 44. Семья советских музыкантов. Константин Романович написал воспоминания о Рахманинове и Танееве. 46. Татарское войско в Древней Руси.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 15

По горизонтали:

7. Пшеница. 8. Расшива. 10. Сосна. 12. Солоничка. 13. Метеорит. 14. Дамба. 17. Чилим. 20. Знать. 21. ... декабрист... 22. Фальк. 25. Перри. 27. Отец. 28. Ватага. 29. Мор. 31. Рис. 32. Маркин. 33. ... гора... 34. Атака. 38. Дрова. 41. Европейка. 42. Весло. 43. Успен. 45. Титов. 49. Божество. 50. Елизаров. 51. Волок. 52. Алабуга. 53. ... Слобода...

По вертикали:

1. Летопись («Повесть временных лет»). 2. Минин. 3. Насад. 4. ... драма... 5. Осетр. 6. Животное. 7. Плотина. 9. Авиатор. 11. Сом. 15. Адам. 16. Баркас. 18. Переправа. 19. Остановка. 23. Лямка. 24. Корма. 25. Парад. 26. Русло. 30. Зилоти. 35. Тревога. 36. Колчедан. 37. Неро. 39. Распадок. 40. Воевода. 44. Струг. 45. Товар. 46. Тыл. 47. Векса. 48. Лимон.



Пролетарии
всех стран,
соединяйтесь!

СМЕНА '89

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1494) АВГУСТ

Главный редактор
Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

Сергей БАБКИН
(заместитель главного редактора)
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Андрей КУЧЕРОВ
Альберт ЛИХАНОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Сергей ПОПОВ
(ответственный секретарь)
Юрий РАГОЗИН
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САЮШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Виталий ФЕДОРОВ
(главный художник)

Художник
Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор
Елена НАЗАРОВА

Сдано в набор 04.07.89.
Подписано к печати 17.07.89.
А 00320. Формат 70 × 108/16.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60. Уч.-изд. л. 10,26.
Тираж 2 500 000 экз.
Заказ № 912.
Цена 35 коп.



101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14



212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
212-21-38 — коммунистического
воспитания,
212-23-79 — фотоочерка,
251-32-84 — военно-спортивный,
251-32-84 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

— Если думать о том, как сделать наши концерты более эффектными и респектабельными, то без менеджеров просто невозможно. Но я не совсем даже понимаю смысла полемики. Мы очень полюбили считать себя первопроходцами — начинаем исследовать то, что давно уже исследовано и успешно развивается в других странах. К сожалению, мы до сих пор не вступили в фазу цивилизованных стран, где музыканты имеют свои агентства или своих агентов, осуществляющих их коммерческие интересы с должным профессионализмом и заинтересованностью. Если бы это у нас было, советские музыканты давно бы уже занимались своим прямым назначением — творческим совершенствованием и писанием музыки. А сейчас мы сами себе агенты. И эта деятельность отнимает огромную часть жизни. Мы же совершенно темные люди. Мы, например, не знаем, за что у нас отбирают практически все деньги, которые приходят за наши зарубежные гастролы. Мы считаем, что так и должно, так нормально. На пресс-конференции в Хельсинки, когда мне задавали вопросы творческого порядка, беседа шла легко и интересно. Но когда меня начали спрашивать о правах советских артистов,

я не сказал ни слова. И не потому, что не знаю английского. Мне просто нечего было сказать. Наше положение напоминает мне жизнь народов Крайнего Севера, которые в 20-х годах за банку тушенки продавали дорогие меха и были страшно рады такому раскладу. У нас вызывает удивление и восхищение, что Майкл Джексон за год имел прибыль в 97 миллионов долларов, и в то же время большинство наших сограждан ненавидят Сергея Минаева, который — если верить «Прожектору перестройки» — получает за выход 2 тысячи рублей.

— А ты завелся.
— А я найду сейчас еще один стишок. Вот... Саша Черный... Прошу обратить внимание на год написания — 1905-й или 1906-й...

*Дух свободы...
К перестройке вся страна*

*стремится,
Полицейский в грязной Мойке
хочет утопиться,
Не топись, охранный воин,
воля улыбнется,
Полицейский, будь спокоен,
старый гнет вернется...*

Слова «перестройка», «дух свободы» наталкивают на грустную, но диалектическую мысль о том, что все идет по спирали, все повторяется.

— А что бы ты поменял, если действительно что-то можно было бы поменять?

— Я связан со своим специфическим делом. Меня волнуют переме-

ны в нашем «цаху». Я бы поменял само отношение к нашей профессии. Никого не убеждают слова творческих людей, что работа на сцене — тюрьма в розах. Этому никто не верит. Но если люди от снобизма и зависти перейдут к чувству уважения и любви по отношению к артистам — пользы будет больше. И она будет взаимной.

И еще я очень жду возможности выезжать на съемки, на записи в другие страны без унижающих ограничений и запретов. Я лично слышал от многих известных западных менеджеров, что ничего не изменится в отношении нашей страны до тех пор, пока они не смогут позвонить и сказать: «Завтра запись. Студия готова. Выезжай...» И вот когда я смогу «на завтра» вылететь, я буду рад предоставленной мне возможности хотя бы в этом чувствовать себя полноценным человеком. Но пока это невозможно. И снова мне хочется спросить: «Почему?» И снова я не получу правдивого ответа. Но по натуре я оптимист. И счастлив, что у моих песен есть слушатели, которые каждый раз подтверждают: не вешай нос, ты нужен... А это помогает жить. В иллюзиях.

Окончание. Начало на 22-й стр.

